

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 4 · № 3 · МАЙ – ИЮНЬ · 2006

Содержание

Российский сезон *Фёдор Лукьянов* 5

Бразды правления

Россия в «Большой восьмерке»: из гостей — в председатели
Вадим Луков 8

Интеграция России в «клуб» ведущих индустриальных держав мира стала уникальным процессом в современной политической истории. Недавний противник, сам факт существования которого во многом некогда и привел к возникновению «семерки», стал на путь присоединения к этому механизму, ускорив его глубокую трансформацию.

Россия как локомотив мирового развития
Фёдор Шелов-Коведяев 23

Российское общество все глубже вязнет в паранойе якобы неизбежного существования в «кольце врагов». Оно упорно коснеет в фобиях, вместо того чтобы избавиться от них и утвердить свой авторитет, предложив адекватное видение и варианты солидарных ответов на вызовы времени.

Сохранится ли запрет на ядерные испытания?
Иван Сафранчук 33

Пока ни Россия, ни США, ни КНР открыто не признают наличия каких-либо проблем с обслуживанием своих ядерных арсеналов. Однако в профессиональной среде физиков-ядерщиков распространяется мнение о том, что без испытаний невозможно гарантировать надежность и безопасность зарядов. И это не может не влиять на политиков.

Взгляд со стороны

США и Россия: отношения сквозь призму идеологий
Леон Арон 44

По сравнению с Советским Союзом во внешней политике России просматриваются прагматизм, стремление к «свободе рук». Не связывать себя абстрактными принципами, а маневрировать. Не вступать в «идеологические» альянсы, а «работать» на двусторонней основе. Долгосрочные результаты менее важны, нежели процесс поддержания контактов, сегодняшняя роль Москвы и те дивиденды, которые можно получить сейчас.

- Парадокс непостоянства** *Тома Гомар* 62
 Внешняя политика России жизнеспособна хотя бы потому, что ей свойственно постоянно сбивать с толку или приводить в замешательство своих партнеров, которым приходится все время ломать голову над тем, как ее интерпретировать. В основе курса — процесс национальной постимперской самоидентификации, обретаемой страной, в памяти которой еще живы ее бывшие отношения с другими государствами.
- Революция компромиссов** *Омар Энкарнасьон* 72
 Испанские демократические преобразования не могут дать чудодейственных рецептов для России. Однако успех Испании доказывает, что демократия — это продукт навыков и талантов конкретных политиков, а не результат особой конфигурации гражданского общества и политических организаций или некоего макроэкономического процесса.
- Рынки без границ**
- Россия и глобализация** *Георгий Вельяминов* 88
 Развитие рыночной глобализации и усиление террористической активности — процессы параллельные и взаимосвязанные. Терроризм коренится не только в бедности, но и в углубляющейся пропасти между бедностью и богатством, в желании добиться успеха любой ценой.
- Глобально интегрированное предприятие** *Самьюэл Палмизано* 106
 В ответ на глобализацию и развитие современных технологий возникает новая корпоративная единица. В ее основе — совместная инновационная деятельность, интегрированное производство и привлечение внешних специалистов. Подобное «глобально интегрированное предприятие» довершит процесс глубокой перестройки геополитики, торговли и образования.
- Экономическая свобода и международный мир** *Эрик Гартцке* 117
 Свободный рынок так формирует сферу межгосударственной конкуренции, что возникающие конфликты могут быть урегулированы без обращения к военной силе. Преобразование торговли, как результат экономической свободы, также ведет к трансформации международных отношений.
- Трудовая миграция: факторы и альтернативы** *Сергей Иванов* 129
 В отличие от ситуации в большинстве развитых стран, депопуляция в России потенциально чревата угрозами ее безопасности и территориальной целостности. Убыль населения огромной страны тормозит рост рынков потребительских товаров и услуг, препятствует расширению транспортной сети, затрудняет освоение богатых природными ресурсами восточных и северных районов.

Ближневосточный узел

- Обстановка в Ираке: перспективы развития** 144
 Несмотря на меры, принимаемые иракским руководством и американскими оккупационными силами, положение в Ираке остается нестабильным и не демонстрирует признаков улучшения. К такому выводу приходят участники ситуационного анализа, проведенного под руководством академика Евгения Примакова.

- Эволюция успеха *Роберт Блэкуилл* 157
В Белом доме считают, что с 2001 года на Большом Ближнем Востоке намечились благоприятные тенденции, обусловленные продвижением трансформационной демократии. Они, конечно, не являются заслугой исключительно Америки, но без лидирующей роли США были бы невозможны.
- Азербайджан между Америкой и Ираном *Ариф Юнусов* 167
Кризис вокруг ядерной программы Ирана привлек его внимание к своему соседу – Азербайджану, с которым Иран связан своим многочисленным азербайджанским меньшинством и многолетними непростыми отношениями. Перспектива быть втянутым в крупный военный конфликт очень беспокоит Баку.
- После «Дорожной карты» *Алек Энштейн* 181
Россия может выступить с новой дипломатической инициативой, направленной на снижение напряженности в палестино-израильском конфликте. Она должна основываться на принципе «демографического размежевания» между израильтянами и палестинскими арабами.

«Черное золото»

- Двукратное «ура» дорогостоящей нефти *Леонардо Мауджери* 194
Цены на сырую нефть находятся сегодня на высоком уровне не потому, что запасы иссякают (на самом деле они далеко не истощены), а потому, что нехватка перерабатывающих мощностей ограничивает количество сырой нефти на мировых рынках. Но у высоких цен есть и положительный аспект: они могут подвинуть нефтяную индустрию к инвестированию в новые мощности.
- Снизить зависимость от ближневосточной нефти *Ариэль Козн* 208
Администрация Джорджа Буша-младшего признала, что объем сырьевого импорта из взрывоопасных регионов угрожает безопасности Соединенных Штатов. Россия могла бы сыграть важную роль в процессе решения Вашингтоном данной проблемы, однако Москва пока не проявляет в этом заинтересованности.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1382.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.
ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузьяков

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинная

Ответственный секретарь
Елена Соколова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

РОССИЙСКИЙ СЕЗОН

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Председательство в «Большой восьмерке», кульминация которого ожидается на июльском саммите в Санкт-Петербурге, стало в этом году лейтмотивом всей российской внешней политики. Статус всемирного «рулевого» в сочетании с крайне благоприятной сырьевой конъюнктурой придал нашей стране уверенность в собственных силах. Это ощущение проявляется по-разному в различных обстоятельствах, что зачастую озадачивает внешних партнеров и вызывает разноречивые оценки.

Почему Россию именно теперь столь активно критикуют на Западе? Разобраться в этом пытаются авторы рубрики «Взгляд со стороны». Американский исследователь **Леон Арон** и его французский коллега **Тома Гомар** анализируют мотивы, которыми, по их мнению, руководствуются архитекторы российской внешней политики. Оба ученых приходят к выводу, что действия Москвы обоснованы, хотя логика Кремля далека от той, какой бы ее хотел видеть Запад. Социолог **Омар**

Энкарнасьон, подробно изучавший опыт демократической трансформации Испании после Франко, находит немало параллелей в эволюции своей страны и постсоветской России. При осуществлении глубоких преобразований, полагает он, особый упор следует сделать на достижение общественного консенсуса.

Дипломат и ученый **Вадим Луков** анализирует, насколько Россия, как председатель «восьмерки», готова к выполнению стоящих перед ней задач. Историк **Фёдор Шелов-Коведяев** не сомневается в том, что нашей стране просто-таки уготована роль локомотива европейской цивилизации, главное — не отвлекаться на побочные обстоятельства и не упустить предоставляющийся шанс. О глобальной ответственности за сохранность арсеналов ядерного оружия, которую Россия делит с Соединенными Штатами и Китаем как обладателями крупнейших потенциалов, напоминает **Иван Сафранчук**.

Алек Эпштейн полагает, что Москва способна значительно повли-

ять на зашедший в тупик процесс ближневосточного урегулирования. Следует только посмотреть в глаза реальности и перестать делать вид, что мирный план «Дорожная карта» еще можно реанимировать. Участники ситуационного анализа, проведенного под руководством академика **Евгения Примакова**, в свою очередь, уверены, что Россия в силах поспособствовать и иракскому умиротворению. Правда, общую ситуацию в Ираке эксперты обрисовывают в мрачных тонах. Зато **Роберт Блэкуилл**, на протяжении нескольких десятилетий занимавший ответственные посты в американской администрации, призывает не сгущать краски и видеть не только провалы, но и достижения Вашингтона на Ближнем Востоке. Политолог **Ариф Юнусов** пишет о том, что эскалация напряжения вокруг Ирана серьезно повлияет на ситуацию в Азербайджане, связанном с соседней страной очень давними и непростыми отношениями.

Специальный раздел посвящен проблеме, без обсуждения которой не обходится сегодня ни одна встреча в рамках всемирного элитарного «клуба», — экономической свободе и тому, как она влияет на глобальное развитие. Профессор **Георгий Вельяминов** предупреждает об опасностях, угрожающих миро-

вой стабильности, и в особенности России, со стороны неолиберальной модели открытых рынков. Его американский коллега **Эрик Гартике**, напротив, доказывает, что именно свободная торговля избавит человечество от кошмара вооруженных конфликтов. А глава корпорации **IBM Самьюэл Палмизано** считает, что на смену транснациональным корпорациям приходит новый тип компаний — глобально интегрированные предприятия, становление которых изменит мировую геополитику. Еще один аспект рынка, не знающего границ, — трудовую миграцию — рассматривает демограф **Сергей Иванов**.

Наконец, основная тема питерского саммита — энергетическая безопасность — находит отражение в статьях **Леонардо Мауджери** и **Ариэля Коэна**. Оба эксперта анализируют ситуацию на мировом нефтяном рынке, от которого зависят как судьбы международной политики, так и обеспечение необходимых темпов экономического роста.

Председательство России продлится до конца года, и мы будем возвращаться к его сюжетам в последующих номерах. Темой же четвертого номера снова станут перспективы развития Китая и Индии, а также ситуация на постсоветском пространстве.

Бразды правления

“*Российское участие в «восьмерке» стало главным стимулом поворота группы к рассмотрению обширного пласта международно-политических проблем в сфере стратегической стабильности, урегулирования региональных конфликтов, борьбы с распространением ОМУ. Расширение повестки дня саммитов снабдило диалог лидеров новым «кислородом»*”

Россия в «восьмерке»: из гостей – в председатели

Вадим Луков

8

Россия как локомотив мирового развития

Фёдор Шелов-Коведяев

23

Сохранится ли запрет на ядерные испытания?

Иван Сафранчук

33

Россия в «Большой восьмерке»: из гостей — в председатели

Вадим Луков

Первое председательство России в «Группе восьми» привлекло внимание российской и международной общественности как к этому «клубу», так и к той роли, которую в нем играет наша страна. Каковы возможности и функции «восьмерки» в современном мире? Какой вклад в ее работу может внести Россия в период своего председательства?

МИФЫ О «ВОСЬМЕРКЕ» И ЕЕ РЕАЛИИ

В оценках «восьмерки» традиционно преобладают «экстремальные» точки зрения. На одном полюсе — взгляды ее сторонников. Так, канадский исследователь Джон Кертон считает «клуб» «современным международным концертом», осуществляющим коллективное руководство международной системой. В представлениях современных антиглобалистов мощь и «зловредность» «восьмерки» вырастают до невероятных размеров. «Клуб» предстает неким «персонифицированным злом» глобализации, а она сама — группой «государственных лидеров, которых глобальная элита назначила глобальными правителями». И та, и другая оценка возможностей «восьмерки» явно завышена, хотя и по разным причинам: в одних случаях — из-за ее эйфорического восприятия адептами, в других — из-за кипучей классовой ненависти к ней оппонентов. Есть и «циничная» точка зрения, согласно которой «восьмерка» изжила себя в условиях бурного подъема других центров экономической мощи — Китая, Индии. Мол, поэтому саммиты «клуба», мол, ничего не решают.

Что же являет собой «восьмерка» в реальности?

В.Б. Луков — д. и. н., посол Российской Федерации в Бельгии, в 2001–2004 гг. су-шерпа российской стороны в «Группе восьми».

Начнем с того, что «Группа восьми» — не первый прецедент создания неофициального механизма для регулирования многосторонних межгосударственных отношений. Ее наиболее известный «предшественник» — «европейский концерт» ведущих держав Старого Света, сформировавшийся после наполеоновских войн. По окончании Второй мировой войны появились «тройка» западных членов Совета Безопасности ООН (США, Великобритания и Франция), «большая четверка НАТО» в составе тех же держав с добавлением ФРГ. Однако ни одна из прежних и ныне действующих структур такого рода не может сравниться с *G8* ни по возможностям влияния на международные события, ни по географическому и функциональному охвату.

Ее потенциальная роль в международной системе определяется прежде всего «весом» участников этого «клуба». Их доля в общемировом ВВП составляла к началу 2005 года 45,7 %, в мировом экспорте — 44,1 %. В совокупности члены «клуба» обладают правом решающего голоса в ключевых международных финансовых институтах, таких, как Международный валютный фонд (МВФ), где квота группы составляет 48,87 %, Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Парижский клуб стран-кредиторов.

В составе *G8* — четверо из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и четыре из пяти «официальных» ядерных держав. «Восьмерка» — это прежде всего уникальный форум государственных лидеров, а не правительств и национальных дипломатических служб. Его площадку ведущие державы мира используют для доверительного обмена планами в области не только внешней, но и внутренней политики, для координации стратегических подходов и поиска решений, позволяющих урегулировать «горячие ситуации» в мировой политике и экономике.

Основная функция «клуба» — совместное регулирование ряда ключевых процессов в международной политике, в финансово-экономической сфере, а также в сфере глобальных и транснациональных проблем экологического, социального и гуманитарного характера (что, однако, не означает наличия у государств «восьмерки» ни претензий на роль «мирового правительства», ни, главное, необходимых для этого ресурсов).

Реализацию указанной центральной функции «клуба» обеспечивают все остальные:

- установление и укрепление личных отношений между лидерами ведущих государств мира, содействие взаимному доверию между ними (наиболее яркие примеры — саммиты «восьмерки» после косовского кризиса 1999-го и войны в Ираке 2003 года);

- выявление общих интересов по конкретным проблемам и согласование подходов к их решению (выработка общего видения среднесрочной экономической политики в начале 1990-х, выдвижение в 1999 году плана сокращения долгов беднейших стран с большой задолженностью (Кёльнская инициатива); принятие в 2002-м программы Глобального партнерства в целях нераспространения оружия и материалов массового уничтожения, создание в 2001 году Глобального фонда по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией);

- выработка рамочных правил поведения самих членов «клуба» и инициирование принятия правил (режимов) универсального характера. Именно «Группа семи», а позднее «восьмерка» стали катализаторами разработки Режимы контроля за ракетными технологиями, Вассенаарского режима (Вассенаарское соглашение о контроле над экспортом обычных вооружений и товаров и технологий двойного назначения, заключено в 1995 г. — **Ред.**), ряда конвенций ООН по международному терроризму;

- предотвращение или урегулирование кризисов, в первую очередь в финансово-экономической сфере. Что касается международно-политических кризисов, то здесь полномочия группы гораздо более ограничены ввиду нежелания ряда участников, в том числе и России, превращать «клуб» в дублера и тем более конкурента СБ ООН. Одним из немногих случаев подключения G8 (надо сказать, эффективного) к урегулированию международного кризиса является подготовка проекта «косовской» резолюции Совбеза в июне 1999-го.

Как видим, налицо внешнее противоречие между неформальным статусом «клуба» и весьма серьезными задачами, которые он ставит перед собой, при том что его решения не носят юридически обязывающего характера ни для государств-участников, ни тем более для третьих стран и организаций.

В этих условиях «лидерство через собственный пример» выступает для «восьмерки» главным способом легитимировать свои решения в глазах окружающего мира. Другое средство усиления воздействия «клуба» на международные экономические и политические процессы — развитие внешних связей, то есть контактов с междуна-

родными организациями, ведущими государствами Третьего мира, а в последние годы — и с деловыми кругами и неправительственными организациями.

При этом сеть партнеров «восьмерки» непрерывно расширяется. Ведь в условиях экономической взаимозависимости без диалога и сотрудничества с наиболее крупными «игроками» из числа развивающихся стран сегодня невозможно решить ни одной крупной проблемы на переговорах в рамках ВТО, во Всемирном банке и в МВФ. Стимулом к развитию внешних связей является и то, что «клуб» в последние годы активно включился в обсуждение вопросов, ранее входивших исключительно в компетенцию национальных правительств (структурная перестройка экономики, занятость, последствия внедрения новых информационных технологий, безопасность продуктов питания и пр.). Такая «тематическая экспансия» не могла не затронуть интересы мощных внутренних сил, прежде всего бизнеса. В итоге встал вопрос о подключении делового мира к работе G8. Прецедент был создан в ходе подготовки Окинавского саммита (2000), когда «восьмерка» пригласила к диалогу не только лидеров ряда государств, но также и руководителей частных корпораций в сфере информационных технологий.

Стремление «клуба» к диалогу с неправительственными организациями объясняется быстрым ростом их роли на международной арене. Здесь новое слово внесет российское председательство. В рамках подготовки к Санкт-Петербургскому саммиту проходят два крупных форума общественности: встреча представителей гражданского общества (13–14 июня) и встреча молодежи стран «восьмерки» (17–18 июня).

НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ

Критики участия России в G8 утверждают, что сотрудничество российской стороны с «семеркой» и тем более формирование «Группы восьми» были во многом преждевременными, лишены объективной основы.

Так, американский исследователь Том Берри объясняет принятие в «восьмерку» России с ее «слабой экономикой и непрочной приверженностью к демократическим принципам» неким «триумфализмом победителей в холодной войне», т. е. щедростью Запада. А Кертон трактует принятие России в «клуб» по аналогии с допуском постнаполеоновской Франции в «европейский концерт» — как средство предотвращения попыток реванша со стороны побежденной державы.

Подобные «объяснения» носят весьма предвзятый характер уже хотя бы потому, что их авторы пытаются представить демократическую Россию неким «побежденным Советским Союзом». Кроме того, такая исходная посылка «программирует» и подход к членству России в «клубе» как к средству контроля со стороны Запада за «потенциально опасным» поведением бывшего оппонента, взятого «на перевоспитание».

Путь России из «гостей» «Группы семи» к председательскому креслу в «восьмерке» был непростым и в полной мере отразил как сложный ход наших внутренних реформ в 90-е годы прошлого столетия, так и перипетии двусторонних отношений с ведущими членами «клуба», прежде всего — с США. Однако при всех противоречиях, подчас довольно острых, Москва и ее партнеры достаточно последовательно вели линию на взаимное сближение в рамках «клуба». При этом заинтересованность была обоюдной; ни о какой благотворительности в отношении России не было и речи.

Обе стороны с самого начала рассматривали встречное движение как закономерное следствие демократических преобразований в нашей стране. Этот фактор, несмотря на возникающие временами разногласия и даже конфликты, остается глубинным, долговременным мотивом сотрудничества. Кроме того, каждая из сторон руководствовалась и целым рядом конкретных интересов.

Для российского руководства главными являлись следующие:

- интеграция России в доселе чисто западную структуру повышала роль страны в международной системе в качестве равноправного партнера ведущих демократических государств, участника процесса принятия коллективных решений глобального характера;
- диалог с «семеркой» в начале 1990-х годов облегчал получение кредитной помощи и реструктуризацию внешнего долга СССР, что было остро необходимо в условиях тяжелого старта российских реформ;
- контакты с «клубом» должны были ускорить демонтаж дискриминационных торгово-экономических барьеров холодной войны.

Западные лидеры в свою очередь исходили из того, что подключение к работе «семерки» России — крупнейшей страны планеты, ключевого «игрока» на постсоветском пространстве, имеющего к тому же давние и глубокие связи с большим числом партнеров в Третьем мире, способно серьезно укрепить легитимность «клуба» в глазах неучаствующих государств и широкой общественности. Кро-

ме того, в условиях новой стратегической ситуации — осложнения обстановки в ряде стран и регионов в результате распада биполярного мира — налаживание партнерства с Россией стало объективной необходимостью для самой «семерки», рассчитывавшей на то, что новые отношения будут содействовать более эффективному управлению мировыми политическими процессами.

В более конкретном плане члены G7 рассматривали развитие сотрудничества с Россией как средство укрепления собственной безопасности (предотвращение неуправляемого распада военного потенциала ядерной державы, поддержание стабильности на постсоветском пространстве и предотвращение здесь вооруженных конфликтов по «югославскому образцу»). Был и расчет использовать диалог с Россией по линии «семерки» для решения ряда проблем Центральной и Восточной Европы, Балкан (реализация обязательств бывшего СССР о выводе советских войск из Германии, стран Варшавского договора и Балтии, продвижение балканского урегулирования).

Глубокие изменения международной ситуации сделали достоянием прошлого целый ряд преходящих выше мотивов, однако указанные выше долгосрочные интересы сохранились. В то же время возникли новые или обострились старые проблемы, в решении которых заинтересованы и Россия, и все другие государства G8. К ним, в частности, относятся: укрепление основ стратегической стабильности, в том числе предотвращение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ); обеспечение стабильного и безопасного энергоснабжения мировой экономики; реформирование ООН; урегулирование региональных конфликтов; борьба с международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью; противодействие опасным эпидемиям глобального характера и ряд других.

Интеграция России в «клуб» ведущих индустриальных держав мира стала уникальным процессом в современной политической истории. Недавний противник, который во многом и вызвал к жизни «семерку», сам стал на путь присоединения к этому механизму, ускорив его глубокую трансформацию.

Формирование «восьмерки» прошло ряд этапов:

1992-1993 гг.: проведение диалогов G7 с российским лидером после саммитов «клуба» (гостевой статус). Президент России информировал партнеров о прогрессе реформ в нашей стране, а участники «семерки» высказывали свои соображения о ходе преобразова-

ний и сообщали гостю о принятых ими решениях по поддержке российской экономики. Общих документов на таких встречах не принималось.

1994-1996 гг.: формирование политической «восьмерки» — подключение российской стороны на равноправной основе к обсуждению и принятию решений по все более широкому кругу международно-политических проблем (после саммитов G7). Начиная с Неаполя (1994 г.), по итогам дискуссий стали приниматься специальные заявления председателя саммита.

С 1997 г. «восьмерка» становится полноформатной, охватывает сферы экономики, глобальных и социальных проблем, мировой политики. Ряд «семерочных» механизмов при этом продолжает существование, однако в пределах резко сократившейся компетенции (валютно-финансовые вопросы и часть экономических вопросов), не дублируя «Группу восьми». Все документы саммитов принимаются «восьмеркой» лидеров.

Наконец, с 2006 г. Россия включается в ротационный цикл председательства «клуба».

«НОВЫЙ КИСЛОРОД»

Эффективность российского членства в «Группе восьми» оценивается неоднозначно и у нас в стране, и за рубежом. Характерна позиция американского политолога Стивена Сестановича, бывшего в период президентства Билла Клинтона директором Управления планирования Госдепартамента США. Он утверждает, что роль России в «клубе» остается скорее символической, хотя ей и был в свое время предоставлен статус, близкий к полноценному членству.

Что на самом деле дала Россия партнерам по «клубу»? Что получила сама?

Российское участие в G8 стало главным стимулом поворота группы к рассмотрению обширного пласта международно-политических проблем в сфере стратегической стабильности, урегулирования региональных конфликтов, борьбы с распространением ОМУ. Расширение повестки дня саммитов снабдило диалог лидеров новым «кислородом».

Вступление России в «клуб» помогло повысить его представительность, поднять авторитет в глазах широкого круга неучаствующих государств. Благодаря своим глубоким историческим связям с развивающимися странами, Россия по многим вопросам смогла вы-

ступить в качестве моста между ними и остальными членами G8. В частности, ряд зарубежных экспертов признают, что без участия российской стороны «восьмерка» вряд ли смогла бы предложить приемлемую для Третьего мира программу реформы социально-экономического сектора ООН в середине 1990-х.

Немаловажен и практический вклад нашей страны в коллективные усилия «клуба» по содействию развивающимся странам, в частности в плане сокращения их внешней задолженности. В 1996–2002 годах Россия списала беднейшим государствам мира (как в рамках Кёльнской инициативы, так и по другим каналам) 34,6 млрд дол., или около 40 % всей суммы долгов, списанных странами «Группы восьми».

Именно Россия придала новый импульс деятельности «клуба» на одном из стратегических направлений его деятельности – энергетическом. Наша страна инициировала проведение Московского саммита по ядерной безопасности (1996) и Московской встречи министров энергетики государств – членов «Большой восьмерки» (1998). На этих форумах были приняты решения и рекомендации, не утратившие значения до сих пор (например, о прекращении сброса радиоактивных отходов в море, о реализации Программы предотвращения незаконного оборота ядерных материалов)

Не утратили актуальности и многие другие российские предложения, выдвигавшиеся на предыдущих саммитах. Среди них, например, инициативы по развитию сотрудничества в предсказании землетрясений и цунами, а также в мониторинге экологии северной части Тихого океана (Денвер, 1997 г.), об упрощении порядка получения виз гражданами государств «Группы восьми» для посещения этих стран (Си-Айленд, 2004 г.).

Несомненным успехом российской стороны (как, впрочем, и всей G8) стало формирование разветвленной системы сотрудничества в сфере борьбы с международным терроризмом.

Наибольший размах и динамику такое взаимодействие получило после терактов в США в сентябре 2001 года. На ряде направлений (борьба с финансированием терроризма, предотвращение доступа террористов к ОМУ и ПЗРК, транспортная безопасность) российская сторона находится в режиме практически непрерывного диалога и конкретного сотрудничества с партнерами по «Группе восьми». Решения в данной сфере, принятые на саммитах и министерских встречах G8, ощутимо помогли усовершенствовать отечественную

правовую и нормативную базу противостояния террору, освоить передовой зарубежный опыт борьбы с ним и поделиться собственными наработками. Когда в сентябре 2002-го пограничные службы государств — членов «восьмерки» провели первое учение по выявлению лиц, пересекающих границы по фальшивым документам, российские пограничники «засекли» всех условных злоумышленников (такого результата добились не все страны — участницы учений).

Однако на этом направлении сотрудничества есть и нерешенные проблемы. Непросто проходит освобождение от двойных стандартов в сфере борьбы с терроризмом. Некоторые государства — члены «Группы восьми» (США, Великобритания) допускают присутствие на своей территории эмиссаров чеченских террористов, сквозь пальцы смотрят на сбор средств и вербовку наемников для террористической деятельности на Северном Кавказе.

Что касается самой России, то членство в *G8* позитивно повлияло прежде всего на укрепление ее международно-политических позиций. Российская сторона уже самим фактом своего участия в «восьмерке» усилила многостороннее начало в работе «клубе» и таким образом — в целом в международной системе.

Российские руководители участвуют в обсуждении ключевых международных проблем, что в ряде случаев приводит к принятию решений о согласованных мерах (создание Группы контртеррористических действий, 2003; принятие Плана действий в области нераспространения ОМУ и программы «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки», 2004). Членство России означает приращение возможностей нашего влияния на международные события через такие механизмы, как ежегодные встречи министров иностранных дел *G8* накануне сессий Генеральной Ассамблеи ООН, регулярные совещания политдиректоров и экспертов.

Сама необходимость постоянно раздвигать рамки российского участия в диалоге с «семеркой» и в формирующейся «восьмерке» стала стимулом для все более глубокой проработки позиций, развития дипломатической тактики. Отечественная дипломатия успешно справилась с этой задачей. Не случайно итальянские исследователи Валерио Астральди и Розелло Шерифис отмечают, что лидером в процессе формирования «клуба» неизменно выступала российская сторона.

Вместе с тем расширение потенциальных возможностей воздействия далеко не во всех случаях трансформировалось в реальный

рост влияния России на ход международных дел. Причиной тому — весьма ограниченная до недавних пор ресурсная база внешней политики страны.

Участие наших лидеров, членов правительства и экспертов в дискуссиях форума по глобальным социально-экономическим и экологическим вопросам — источник полезного опыта для российской стороны в таких сферах, как энергетическая безопасность, решение проблем занятости и борьбы с бедностью, развитие систем непрерывного образования, решение социальных проблем, порождаемых новыми информационными технологиями, формирование государственной природоохранной политики. Нарботки в этих областях были использованы российской стороной при формировании ряда законодательных и нормативных актов, регулирующих рынок труда, лесопользование, а также при создании таких масштабных федеральных программ, как «Электронная Россия».

Диалог с «семеркой» и участие в «восьмерке» оказали определенную помощь на начальном этапе реформ, хотя она оказалась не столь значительной, как ожидала российская сторона. Необязательность западных партнеров и невыгодные в ряде случаев условия предоставления помощи привели к тому, что реальные масштабы полученных Россией кредитов значительно меньше сумм, фигурировавших в решениях G7.

Экономический подъем и укрепление валютно-финансового положения России в последние годы сделали неактуальным вопрос о получении новых крупных внешних заимствований по государственной линии.

«Семерка» оказала определенную помощь российской стороне в реструктуризации долгов бывшего СССР. Однако в последние годы вопрос выплаты внешней задолженности в диалоге России с партнерами по «восьмерке» приобрел иное звучание: благодаря росту экономики и укреплению бюджета наша страна не только сократила размеры своего долга, но и выступила в 2003-м инициатором опережающих выплат иностранным кредиторам.

Здесь также есть и «зависшие» вопросы. Члены G7 во многом искусственно затормозили принятие нашей страны в «клуб» в качестве кредитора. Это сказалось на масштабах российского участия в выработке решений о списании или реструктуризации долгов ряда развивающихся стран, в отношении которых бывший Советский Союз выступал кредитором.

Участие в «восьмерке» лишь в незначительной степени ускорило решение вопроса о вступлении России в ВТО и ОЭСР и о признании Западом рыночного характера экономики РФ. Серия неоднократных политических обещаний G7 по данным вопросам была выполнена к началу 2006 г. лишь в части признания рыночного статуса российской экономики. Причины медленного прогресса в решении проблемы принятия России в ВТО и ОЭСР кроются, прежде всего, в политизации подхода ряда наших западных партнеров, в их неоправданно завышенных требованиях к российской стороне на переговорах о вступлении в указанные организации (строго говоря, официальные переговоры о принятии России в ОЭСР вообще еще не начались).

В «пассив» следует отнести и неоправданно затянувшийся процесс формирования полноценной «восьмерки» в финансово-экономической сфере. Приводимый противниками этого шага аргумент — финансово-экономическая слабость России — всё больше выглядит анахронизмом (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Доля государств – членов «Группы восьми» в общемировом ВВП, экспорте и населении (2004 г.)

Государство	ВВП	Экспорт товаров и услуг	Население
США	20,9	10,4	4,7
Япония	6,9	5,7	2,0
Германия	4,3	9,5	1,3
Франция	3,1	4,8	1,0
Британия	3,1	4,7	1,0
Италия	2,9	3,8	0,9
Россия	2,6	1,8	2,3
Канада	1,9	3,4	0,5

Источник: *World Economic Outlook. April 2005. IMF*
<http://www.imf.org/external/plus/ft/weo/2005/01>

Часто утверждается, будто Россию еще рано принимать в финансово-экономическую «семерку» потому, что решения по регулированию международной финансовой системы и по макроэкономической политике вправе принимать лишь те государства, которые в состоянии реально влиять на обменные курсы мировых валют и вносить ощути-

мый вклад в глобальный экономический рост. Но ведь ни США, ни члены ЕС, входящие в G8, уже длительное время не используют крупномасштабных валютных интервенций: одни — по принципиальным политическим соображениям, другие — в целях создания более выгодных условий для своих экспортеров. В любом случае современная Россия с ее валютным резервом более 200 млрд дол. (в 4 раза больше резервов США и в 10 — Италии) уже «созрела» для полноправного членства в финансово-экономической части «клуба».

Точно так же не может быть принят и довод о том, что наша страна еще не готова к участию в выработке решений макроэкономического характера. Высокое качество бюджетной политики российского правительства с 1999 года (неоднократно отмеченное МВФ) и динамика экономического роста, особенно на фоне проблем системного характера, с которыми в последнее время сталкиваются в сфере бюджета и платежного баланса ряд наших партнеров по «клубу», говорят как раз об обратном.

РОССИЙСКАЯ ПРОГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА

При выработке предложений к программе саммита страна — председатель «клуба» руководствуется устоявшимися критериями, которым должны отвечать ключевые инициативы «Группы восьми». Это актуальность повестки дня как для самих участников, так и для всего международного сообщества; преемственность, сопряжение со стратегическими направлениями работы группы; новизна предлагаемых конкретных решений. «Триада» главных российских инициатив для саммита-2006 весьма удачно вписывается в эти критерии.

Прежде всего это относится к Инициативе по укреплению энергетической безопасности.

И G7, и «Группа восьми» всегда рассматривали энергетическую тематику в качестве одного из своих приоритетов. Кстати сказать, «семерка» была создана не в последнюю очередь именно как ответ на энергетический кризис 1973—1974 годов. В свое время она дала серьезный импульс развитию политики энергосбережения, созданию стратегических запасов нефти (Боннский саммит-1978 и саммит в Торонто в 1981-м). Однако традиционными являлись и спады внимания к этой теме. Результат — «омертвление» большого массива полезных инициатив, таких, к примеру, как рекомендации, принятые на встрече министров энергетики государств G8 (Детройт, 2002 г.).

Российское председательство нацеливает саммит на поиск решения проблем, связанных с «перезревшей» потребностью в выработке долгосрочной стратегии действий в энергетической сфере. Особенностью российской энергетической инициативы является акцент на необходимости установления баланса интересов потребителей и производителей энергоресурсов. Именно такой подход поможет предотвратить «шоковые» колебания энергетических рынков, неизменно вызывающие ценовые кризисы.

Эта инициатива носит всеобъемлющий характер, охватывая основные звенья энергетической цепи — от наращивания добычи энергоресурсов до повышения энергоэффективности экономики. В решениях саммита предлагается отразить не только озабоченности индустриальных государств, но и проблемы Третьего мира, в частности пути преодоления энергетической бедности развивающихся стран.

Вторая российская инициатива касается борьбы с инфекционными заболеваниями. Ее центральная идея — укрепление глобальной информационно-аналитической сети Всемирной организации здравоохранения по мониторингу инфекционных заболеваний, в том числе вновь возникающих. Прямым ответом «восьмерки» на угрозу распространения птичьего гриппа может стать предложенный Россией план действий по борьбе с этим заболеванием и по предотвращению новой пандемии гриппа человека.

Проанализировав эффективность действий международного сообщества при ликвидации последствий цунами в Юго-Восточной Азии и землетрясения в Пакистане, российская сторона внесла на рассмотрение *G8* также предложение разработать комплекс мер по предупреждению эпидемических последствий стихийных бедствий. В духе преемственности будет проанализировано выполнение ранее принятых «клубом» решений в сфере здравоохранения, в том числе относительно ликвидации полиомиелита, борьбы с ВИЧ/СПИДом и туберкулезом. Здесь, естественно, участники саммита сконцентрируют свое внимание на возможностях оказания содействия в первую очередь развивающимся странам.

Российская сторона не ограничивается ролью инициатора дискуссии по «инфекционной» проблематике. Правительство РФ приняло решение выделить в 2006–2009 годах около 42 млн дол. в качестве вклада в многосторонние действия по укреплению эпидемиологических служб стран СНГ. Еще 3 млн дол. будут ассигнованы многостороннему целевому фонду, создаваемому Всемирным банком.

Выбор проблематики образования в качестве третьего приоритета российского председательства объясняется прежде всего стремлением дать импульс усилиям государств «восьмерки» по повышению качества высшего образования. В последние годы G8 не раз обращалась к этим вопросам. В 1998-м, в период британского председательства, была рассмотрена проблема внедрения непрерывного образования и переподготовки кадров с учетом потребностей структурной перестройки экономики индустриальных стран, а Генуэзский саммит-2001 подробно обсудил вопросы содействия развитию образования в Третьем мире.

Российская сторона выдвигает новый вариант рассмотрения вопросов образования в современном мире. Предлагается комплексно подойти к поиску решения проблем, вызванных возросшей мобильностью рынка труда, быстрыми структурными изменениями в сфере занятости, возрастанием роли трудовой миграции. «Образовательная инициатива» предусматривает налаживание совместной работы государств G8 и других заинтересованных стран по модернизации квалификационных структур в образовании, что крайне важно для глобальной экономики и рынков труда. Актуально и обсуждение путей совершенствования демографической, миграционной и натурализационной политики с учетом необходимости адаптации миграционных групп к новой социально-культурной среде, их профессиональной, языковой и социально-культурной интеграции.

Председательство накладывает на российскую сторону серьезные обязательства по обеспечению «сопровождения» массива ранее принятых «восьмеркой» решений. Поэтому повестка дня саммита-2006 отразит целый ряд традиционных для G8 тем.

С большой долей уверенности можно предположить, что важными темами саммита станут урегулирование на Ближнем Востоке, в Ираке, а также стабилизация ситуации в Афганистане. В экономическом блоке предстоит обсудить актуальные проблемы мировой экономики, финансов и торговли в контексте завершающегося Дохийского раунда торговых переговоров и ведущейся Россией работы по вступлению в ВТО.

Новым словом в действиях «Группы восьми» на антитеррористическом направлении станет разработка инициатив по укреплению партнерства государств и бизнеса в их противостоянии террору. Первая международная конференция по этой теме прошла в Брюсселе 21–23 февраля 2006 года, вторая намечена на ноябрь. Вопро-

сам борьбы с афганским наркотрафиком будет посвящена международная конференция «“Париж-2” — “Москва-1”». На этой встрече членам «клуба» предстоит оценить ход реализации договоренностей, достигнутых на Парижской конференции в 2003-м и наметить направления дальнейшей работы по решению проблемы, приобретающей, к сожалению, все большие масштабы.

Наиболее актуальный сюжет в рамках традиционной «африканской» темы — наращивание миротворческих усилий в Африке. Как повысить слаженность и эффективность использования миротворческих ресурсов ООН, Африканского союза, субрегиональных структур? Как нарастить миротворческий потенциал самих африканских государств? «Восьмерка» ранее уже приняла ряд конкретных решений по этим вопросам на саммитах в Кананаскисе (2002) и Эвиане (2003). Теперь необходимо оценить проделанную работу и договориться о новых шагах.

На предстоящем саммите, конечно же, не обойтись без дискуссии по проблеме нераспространения ОМУ. Видимо, при подготовке к ней всем участникам необходимо будет учесть один из уроков прошлогодней обзорной конференции по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО): все большее число неядерных государств настойчиво ставят вопрос об увязке мер по усилению режима ДНЯО с предоставлением им международных гарантий обеспечения доступа к благам ядерной энергетики.

* * *

К Санкт-Петербургскому саммиту Россия подходит с обширным опытом участия в «восьмерке», а главное — находясь на экономическом подъеме, ускоряя решение социальных проблем, укрепляя основы государственности. Есть все основания надеяться, что «российский год» в *G8* станет важным этапом в усилении эффективности работы этой важной международной структуры в интересах всего международного сообщества.

Россия как локомотив мирового развития

Фёдор Шелов-Коведяев

В 1913 году, с которым мы в советское время привыкли всё сравнивать, Россия стояла на пороге превращения в главный мотор панъевропейского прогресса. Она демонстрировала самые динамичные в мире темпы развития во всех областях промышленности, кроме автомобиле- и сельхозмашиностроения, где лидировала Америка. Несмотря на социальные волнения, европейские промышленники и банкиры стремились перенести к нам свои головные предприятия и штаб-квартиры.

Конечно, Российская империя была куда обширнее нынешней Российской Федерации. Но, несмотря на утраты, мы и теперь располагаем большим числом ведущих современных центров: Новосибирск, Челябинск, Екатеринбург, Казань, Владивосток и др. К нам снова стремятся флагманы передового («умного») евро-атлантического бизнеса. Некоторые компании — *Microsoft, Intel, Nokia, Boeing, Motorola* и пр. — давно разрабатывают и/или производят свои интеллектуальные продукты в России. Другие хотели бы перебазировать к нам свои научно-технические подразделения и линии и приходят со своими технологиями за нашими «мозгами» и творчеством.

Перед Россией вновь открылась реальная перспектива выдвинуться в лидеры мирового развития, даже не привязывая всех к своим энергоресурсам. Это не гипербола. По мнению ряда французских ученых, главным ресурсом грядущего окажутся творчество, образование, культура. Способность же производить их в национальном масштабе (на родине или за рубежом) сохранили в евро-атлантической цивили-

Ф.В. Шелов-Коведяев — профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, бывший первый заместитель министра иностранных дел РФ.

зации только русские. Такое умение важнее технологий (они не живут без универсальных — целостных, фундаментальных — знаний), и мы обладаем сейчас основным конкурентным преимуществом.

Вторично за сто лет упустить свою удачу было бы преступно. Пробросай мы свой козырь — и им вскоре сыграет Китай, а вероятно, и Индия. Но если последняя еще, может быть, и обратит свои предполагаемые достижения к общей пользе, то Поднебесная в конечном итоге повернет против «белой» цивилизации.

ИДЕНТИЧНОСТЬ

Исторически Россия воспринимала саму себя и воспринималась другими не как восточная, а как североευропейская нация. Пушкин, например, именовал Российскую империю Гипербореей (крайний север. — Ред.). В наши дни азиатские компании, в отличие от западных, не спешат к нам со своими технологиями, видя в России часть иной цивилизации.

Мы расширили свое влияние главным образом в южном и восточном направлениях, действуя так же, как и другие европейские нации (Великие географические открытия явились продуктом поиска западного пути на Восток — в Индию). Россия, правда, имела неизмеримо больше возможностей для континентальных приращений, чем остальные.

Русские казаки были сродни не только пограничным ватагам в Литве и Польше или византийским акритам, но и западным фронтирьерам. А казачьи методы культуртрегерства и освоения «на службе Его Величества» новых пространств на Кавказе, Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Поволжье и Средней Азии весьма напоминают манеры конкистадоров в Латинской Америке, пиратов Карибского моря да и средневековых рыцарских орденов в Восточной Европе, Прибалтике и на Ближнем Востоке.

Восточным порождением Россию впервые объявили славянофилы — братья Иван и Константин Аксаковы, Владимир Даль и прочие, считавшие, что спасение Европы должно непременно последовать с Востока. Они-то и навязали свои заблуждения отечественной и зарубежной элитам. Евразийство же и вовсе есть продукт западников, оказавшихся в эмиграции и разочаровавшихся на чужбине в европейской культуре (Пётр Савицкий, Николай Трубецкой, Георгий Флоровский). Парадоксально, но из обеих утопий, давно сданных в архив, в сознании многих современников по всему миру со-

хранилась почему-то одна лишь «восточная» девиация. Наконец, «евразийская» демагогия Александра Дугина маскирует всего-навсего изоляционистский экстремизм.

Излюбленный аргумент западных критиков «восточного» характера России — участие в разделах Польши, которое якобы представляет собой не что иное, как яркое проявление нашей «чуждости» европейскому миру. При этом как-то забывают, что за польское наследство Россия боролась не больше, чем Пруссия и Австро-Венгрия. На всех трех тронах тогда сидели кузены и кузины. Рвать Речь Посполитую на части было на протяжении нескольких поколений любимой внутри-семейной «забавой» немецких принцев. Чохом называть их восточными сатрапами ни у кого не повернется язык. Значит, и в не лучших своих проявлениях Россия следовала общеевропейским тенденциям.

Отрешившись от изживших себя заблуждений и убедившись в европейской природе нашей страны, мы легко определим ее специфику в рамках евро-атлантической цивилизации. Если западноевропейцев всегда больше увлекали технологии, то русских — размышления на универсальные темы, теоретизирование, выработка парадигмальных знаний (от слова «парадигма», введенного американским ученым Томасом Куном для обозначения совокупности общепринятых идеалов и норм научного исследования и той картины мира, с которой согласна основная масса научного сообщества. — **Ред.**).

Для таких пристрастий имеются солидные прозаические причины. Во-первых, адепты фундаментальных исканий имели больше шансов сохраниться в многократные периоды лихолетий: пожить у них было нечем, а угонять их в полон, как это регулярно случалось с искусными ремесленниками, не имело практического смысла. Во-вторых, сами просторы формировали на Руси глобальное мировоззрение. В-третьих, важную роль сыграла идеология Третьего Рима («Москва — третий Рим» — политическая теория в XVI веке в России, обосновавшая роль Москвы в качестве исторической преемницы Римской и Византийской империй и соответственно всемирно-историческое значение Русского государства как политического и церковного центра. — **Ред.**), внесшая в сознание русского человека понятие его вселенской ответственности.

В XX столетии основные парадигмальные открытия в гуманитарной сфере были сделаны нашими соотечественниками: теория ноосферы Владимира Вернадского (хотя сам термин предложен французом), ностратическая языковая теория Владислава Иллича-

Свитыча, новая индоевропеистика Вячеслава Иванова и Тамаза Гамкрелидзе, расшифровка Юрием Кнорозовым письменности индейцев майя в отсутствие билингв. Широко известны фундаментальные достижения ученых Дубны и новосибирского Академгородка (о свойствах «темной» материи/энергии, например).

Особую российскую приверженность творчеству подтверждает сравнительный анализ трудовых мотиваций по результатам общенациональных опросов. Если в США и Западной Европе основные стимулы к деятельности — деньги и карьера, то в России список открывают привлекательность творческого элемента в работе, возможность применения полученных знаний, перспективы профессионального роста и отношения с сотрудниками, а деньги и карьера делят пятую-шестую позиции. Стоит ли удивляться тому, что у нас, как правило, хорошо получаются штучный интеллектуальный и промышленный продукт, оригинальные технологии и образцы да малые серии?

В России не удается выпускать типовые автомобили: монотонно, а потому неинтересно. Зато процветает производство уникальных лимузинов стоимостью от 3 до 15 млн долларов. Тут — сплошной эксклюзив: и форма, и инженерные решения, и техника, и детали, и работа. По той же причине в России создают отличные летательные аппараты, а проект строительства европейского исследовательского термоядерного реактора стал возможен лишь благодаря российскому участию, как и создание нового вертолета в кооперации с ЕС и Израилем.

Наконец, Европа и Америка прекрасно понимают, что Россия им ближе, чем Индия и Дальний Восток. Так что интерес к нашей стране западного интеллектуального бизнеса далеко не случаен.

РИСКИ

В русском сознании глубоко заложено ожидание того, что глава государства будет неуклонно наращивать могущество державы. Когда Иван Грозный возводил свой род к Августам, им руководила связь имени с такими понятиями, как «увеличение», «расширение», придающими власти «величие и сакральность».

С начала «собирания земель» после татарского нашествия качество правителя оценивалось по его способности обеспечить приращение владений. Потому-то так по-разному оценивают у нас территориальные утраты в результате деятельности Милошевича, с одной стороны, а Горбачёва и Ельцина — с другой. Первый потерял всё, но в драке, а вторые «отдали сами».

Россиянам нечем гордиться?

Жители России не слишком гордятся своей страной. Такой вывод следует из результатов изучения национальной гордости, проведенного **Центром исследований общественного мнения Чикагского университета** (США). По сумме баллов (общая и специфическая гордость) Россия заняла 21-е место, оказавшись ближе к последней десятке, уступив Японии (18-е место), Великобритании (19-е место) и Словении (20-е место).

Предмет своих изысканий ученые определили следующим образом. Чувство национальной гордости – положительная эмоция, которую испытывают люди по отношению к своей стране в результате отождествления себя со своей нацией. Национальная гордость тесно связана с патриотизмом и национализмом. Патриотизм – это чувство преданности и любви к собственной стране, тогда как национализм – чувство сильной привязанности, благодаря которому собственная страна ставится выше всех остальных.

Были сформулированы две категории утверждений, на которые нужно было дать положительный или отрицательный ответ – общего плана и отражающие специфику данной страны как предмет особой гордости. Наиболее типичное из первых звучит так: «Вообще говоря, моя страна лучше, чем большинство других». Специфические ответы охватывали вопросы функционирования демократии, степень политического влияния в мире, экономические успехи, систему социального обеспечения, достижения в науке, спорте, литературе и искусстве, Вооруженные силы, историю.

В результате опроса, проведенного в 2003–2004 гг. в 33 странах, среди лидеров по «национальной гордости в общем плане» в первой десятке Венесуэла (18,4 из возможных 25 пунктов), США (17,7), Австралия (17,5), Австрия (17,4), Чили (17,1), ЮАР (17), Канада (17), Новая Зеландия (16,6) и Израиль (16,2). Специфическим достижениям отдали предпочтение те же страны, но тут лидируют Соединенные Штаты.

В последней десятке оказались Германия, Швеция, Норвегия, Франция, Швейцария, Чехия, Словакия, Польша, Тайвань (КНР в опросе не участвовала), Южная Корея.

Наименее «гордыми» являются бывшие метрополии (кроме Австрии) – не в пример бывшим колониям. Так, первую половину списка заняли бывшие английские колонии (США, Австралия, Канада и Новая Зеландия), равно как и бывшие испанские колонии (Венесуэла, Чили, Уругвай). Оказалось также, что жители Старого Света больше считают себя европейцами, нежели гражданами своих стран.

Полезны ли сегодня такие архаические стереотипы? Я против разбазаривания наследия. Но что случилось, то случилось. Зачем стремиться к прямому политическому контролю там, где от него добровольно отказались? Ведь теперь есть более эффективные способы обеспечения своих интересов – бизнес и интеллект...

Можно, конечно, списать ажиотаж на занозы Империи. Впрочем, о какой империи мы говорим? Ведь главное в любой империи – содержательные признаки, напрямую связанные с идеей от-

ветственности: обеспечить подданным и сателлитам мир, порядок и благоденствие под своей эгидой. Империя не навязывает ни идеологию (за исключением требования уважать ее статус), ни институты (кроме тех, что выполняют необходимые для защиты военную, полицейскую и фискальную функции).

Римская, Британская, Российская империи да и США в период холодной войны являлись подлинными империями, ибо отвечали всем указанным критериям. А вот СССР таковой не был. Он бредил химерами то мировой республики Советов (принцип «до основанья, а затем» исключает ответственность), то «осажденной крепости» и противостояния, то неполноценности («догнать и перегнать»). И насаждал идеологию и институты. Прямо как теперешняя Америка, от которой и защиты уже не дождешься. Империи так себя не ведут. Хочется вернуть себе имперскую статью? Отлично! Надо осознать, в чем здесь и сейчас состоит наша ответственность перед миром, и взвалить ее на себя. Только не надо думать, что империя — манна небесная. Это тяжкая повинность.

Пока же Россия погрязла в борьбе за наследие Древней Руси. Словно опрокинулась из нынешнего века на четыреста с лишком лет назад. Подобно Польше и Литве, устремившимся за тем же призраком. Никого не беспокоит, как мы выгладим в такой компании, объединенной пустым порывом отхватить полномочия и куски Украины и Белоруссии. Не говоря уже о том, что россияне дали втянуть себя в чужую игру.

Общество все глубже вязнет в параноюе якобы неизбежного существования в «кольце врагов», упорно коснеет в фобиях, вместо того чтобы их вылечить и утвердить свой авторитет, предложив адекватное видение и варианты солидарных ответов на реальные вызовы современности. Тем более что перед всей евро-атлантической цивилизацией возникли отнюдь не шуточные угрозы.

Среди них — возвышение Китая. Один высокопоставленный сотрудник российского Совета безопасности, почти три десятилетия проработавший в КНР на дипломатической службе, так определяет настроения тамошней военной элиты: «Поодиночке ни Россия, ни Китай не одолеют США, надо объединить усилия, чтобы справиться с ними». Хорошо, предположим, что свалим Америку сообща. Что дальше? У соседа около 1,5 млрд граждан уже теперь. У нас — на порядок меньше. Неужели не ясно, кто будет следующим? Поэтому, поставляя в Китай вооружение, продукцию энергетики и

строю там атомные станции (бизнес есть бизнес), нельзя отвлекаться о того, что будут питать все эти мощности.

Но вызов брошен не нам одним. Китай привлек за четверть века более триллиона долларов прямых инвестиций из Америки, Японии и Европы. Привязал к себе Запад через ширпотреб и электронику. Он цепко держит Первый мир за кошелек, опираясь к тому же на пятую колонну — хуацяо (этнические китайцы, проживающие в других странах. — **Ред.**).

При этом Китай остается почти полностью закрытым, его цели нигде достаточно ясно не сформулированы. А ведь согласно идеологии Поднебесной, лишь китайцы имеют санкцию Неба на управление миром. Китайская традиция рассматривает христиан как существ низшего порядка. Удел «белого человека» в глазах ханьца — подчинение более высокоорганизованному «желтому». Таким образом, и мы, и Запад ходим под одним и тем же дамкловым мечом.

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Внешне экспансия Запада продолжается. Западные нации в материальном плане живут лучше всех. Контролируют большую часть мировой экономики. Проводят, пусть с сомнительным эффектом, военные операции где считают нужным. Но США уже явно сгибаются под тяжестью бремени, которое они сами на себя возложили. А Европейский союз переживает глубокий кризис идентичности.

В проекте Конституционного договора для Европы не нашлось места для признания традиционных европейских культурных и религиозных ценностей. Ведущие страны континента — Германия и Франция — сталкиваются со все более тупиковыми ситуациями в социальной сфере. Меняется этнорелигиозный состав населения, и в этой связи возникают новые конфликты. Брюссельская бюрократия предлагает неуклюжие модели для Балкан, а вновь принятых членов Евросоюза стремится стричь под одну гребенку, забывая, что избыточная стандартизация ведет к гибели любое сообщество.

России в соответствии с ведущими мировыми тенденциями следовало бы стремиться к объединению с Европейским союзом. Но без общей нравственной основы прочное единство нереально. Пока разумнее развивать масштабные энергетические, интеллектуальные и креативные проекты и договариваться на выгодных условиях в иных важных для нас областях, не подгоняя процесса полной интеграции. Отдельный сюжет тут — диверсификация взаимо-

действия со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) на базе наших высоких технологий.

Трансформируясь из военно-политического блока в ведущую организацию по глобальной безопасности, НАТО утратила львиную долю своей боевитости (примером тому — раскол в ее рядах по иракскому вопросу). Соблазнительно было бы предложить блоку предоставить в нем членство России и тем самым замкнуть пояс безопасности в северной четверти земного шара. Однако наше движение навстречу должно быть осознано альянсом как в равной мере выгодное обеим сторонам. В противном случае не стоит проявлять излишнюю резвость. Пускай заявка лежит — это даст нашей стране моральное преимущество...

НЕОБХОДИМЫЕ ШАГИ И УСЛОВИЯ

Реализуя свой потенциал лидерства, российскому обществу следует начать с восстановления морального духа. Русские — самая успешная нация XX века. Мы вышли из прошлого столетия не проигравшими, а победителями, сумев одолеть два тоталитарных режима — гитлеровский (с помощью союзников) и отечественный — исключительно собственными силами. Заодно подарили свободу другим. Все страны ЦВЕ, не считая Польши с ее «Солидарностью», получили волю с согласия Кремля (впрочем, и Варшаве не следует забывать о роли не только Ватикана, но и консультаций Войцеха Ярузельского с ЦК КПСС). Без мощной поддержки «своих» и столичных русских никакие народные фронты бывших республик СССР никогда бы ничего не достигли. Наконец, мы избавили Запад от самой тяжелой зависимости — страха.

Мы ноем там, где надо ликовать. В самом деле, как понимать, что россияне сначала победили, расставшись с коммунизмом, потом добровольно отдали свою победу другим, а сейчас еще и скулят о своем «поражении»? Вновь обретя голос, мы попали в нормальную конкурентную среду. Гордиться надо, что России предъявляют высокий счет, — значит, ее стали воспринимать всерьез. А мы опять горюем и сами же своей приверженностью к пустым фантазиям о себе и вытекающей из нее «моделью жертвы» толкаем партнеров к худшим сценариям.

Уныние должен сменить кураж. Пора истребить из массового сознания исторические химеры. Перестать зомбировать себя будто бы извечной агрессивностью Запада. Западные нации куда больше

воевали друг с другом, чем с Русью, Московией, Российской империей и СССР. Сегодня никто в рамках евро-атлантической цивилизации всерьез не настроен против нас.

Хватит лелеять психологию жертвы: мол, Россия всегда ставила интересы других выше собственных. Императоры Александр I и Николай I после победы над Наполеоном в течение 42 лет делали в Европе все, что хотели. А разве СССР не диктовал свою волю всему миру после Второй мировой войны?

Довольно играть «в догонялки» с так называемыми развитыми экономикками. И давно пора уйти от идеологии антагонизма российских и западных интересов. Россия и Запад объективно нужны друг другу. А с учетом того, что тамошние технологии без наших фундаментальных находок невозможны, мы ему нужны даже больше, чем он нам. Надо прекратить реформировать нашу науку и образование по американскому образцу. Если мы перестанем создавать широкую базу и генерировать теоретические знания, то скоро неоткуда будет родиться и технологиям в евро-атлантической цивилизации и она погибнет.

Узами ума и сердца мы в состоянии привязать Запад к себе прочнее, чем его держит Китай. Нет ничего фантастического в том, чтобы обучать у нас европейцев и американцев по методикам наших традиционных научных школ, и обязательно на русском языке. Когда мир начнет думать и говорить по-русски, это и будет самое надежное влияние.

Необходимо пересмотреть наше отношение к Америке. Вспомнить, какой вклад выходцы из России внесли в ее процветание. В огромной степени американская, как и израильская, нация — наши потомки. Углубление сотрудничества с Вашингтоном оптимизирует решение вопросов с НАТО и выстроит баланс с Китаем.

Да, если Соединенные Штаты не перестанут совершать роковые ошибки, они утратят мировое лидерство. Но ради самих себя мы не должны помогать им упасть. Обрушение ничем не обеспеченного долларового (в сотни триллионов!) навеса над мировой экономикой похоронит под собой Россию в первую очередь.

США стали ясно осознавать исходящие от Китая вызовы их интересам. В частности, транспортным коридорам в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отчего Вашингтон решил перебросить основные силы своих ВМС в Тихий океан. Но на Окинаве традиционно не желают видеть атомный флот. Против возвращения американцев на

Филиппины выступает Индонезия. Сингапур рад бы принять, да мешает Малайзия. На оставленную нами базу Камрань во Вьетнаме можно будет зайти только тогда, когда там забудут американский напалм и химию. Гуам — далеко. Россия могла бы спасти ситуацию, предложив общее базирование ВМФ и ВМС на нашем Дальнем Востоке. Естественно, без спешки, в обмен на стратегический союз, включая совместное патрулирование и ответственность в зоне Тихого океана, доступ наших науки и бизнеса к американским рынкам и технологиям, наши условия вступления в ВТО и т. д.

Упрочению связей послужили бы нитки энергопроводов в США через Мурманск, Аляску и Дальний Восток. Следует отказаться от интеллектуальных экзерсисов на тему группы БРИК: экономики входящих в нее государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай) развиваются наиболее динамично, но тесные отношения между Индией и Китаем весьма маловероятны. Уместней реализовать организацию сотрудничества в рамках РАБИ (Россия, Америка, Бразилия, Индия), где все страны-члены имеют общую природу. Вот тогда даже самые активные продажи в Китай энергоресурсов и самой современной военной техники не будут представлять для нашей страны никакой угрозы в XXI веке. Наоборот, прогресс в сфере торговли можно будет только приветствовать.

Параллельно предстоит совершить стратегический поворот к науке, образованию, культуре, медицине, как наиболее перспективным «точкам роста» Отечества в ближайшие десятилетия. Сохранить парадигмальный характер создаваемых и получаемых в данных областях знаний. Подойти к соответствующим вложениям не как к чистым затратам, а как к социальным инвестициям (для которых не потребуется даже распечатывать Стабилизационный фонд, достаточно перераспределить средства в рамках нацпроектов, ресурсы Инвестиционного фонда и принять иные меры стимулирования вложений частного бизнеса). Все это, вместе взятое, обеспечит наше лидерство в современном мире.

России по силам стать ведущей интеллектуальной и креативной державой. Выступить в авангарде построения глобальных информационных, транспортных (например, железнодорожного коридора для контейнерных перевозок от Дальнего Востока с развилкой к Балтике и Азовскому морю) и энергетических сетей. Пора осознать свою ответственность перед евро-атлантической цивилизацией и восстанавливать на этой базе, коли того так хочется, статус мировой державы.

Сохранится ли запрет на ядерные испытания?

Иван Сафранчук

Десять лет ни одна из признанных ядерных держав не проводит испытательных ядерных взрывов. Франция и Китай осуществили последние серии натуральных испытаний в 1996 году, Великобритания — в 1991-м, США — в 1992-м. СССР «жизнь без испытаний» начал раньше других — в 1990 году.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), открытый для подписания еще в 1996-м, так и не вступил в силу, и шансы на это минимальны. Тем не менее ядерные державы не спешат возобновить натурные испытания. Может ли какая-то из держав стать инициатором их возобновления? Не станет ли данный мораторий инструментом нового соревнования — на способность сохранить арсенал без испытаний? Есть ли поле международного сотрудничества для обеспечения безопасности и надежности запасов в отсутствие натуральных испытаний?

Все эти вопросы остаются на периферии стратегических дебатов. Политологи списали их в разряд технических. Но, во-первых, политическое решение провисло: ДВЗЯИ не вступил в силу. Действующие односторонние моратории юридически и политически уязвимы. Во-вторых, среди технических специалистов нет единства мнений о том, можно ли и целесообразно ли полностью отказываться от испытаний. В России и Соединенных Штатах на этот счет идут специализированные дискуссии. В КНР, скорее всего,

И.А. Сафранчук — к. полит. н., глава российского представительства международного Центра оборонной информации. Автор более 40 научных работ и публикаций по вопросам российской внешней и оборонной политики, ядерного разоружения, нераспространения ОМУ, европейской безопасности.

тоже. А поскольку развиваются они параллельно и практически не пересекаются, то выводы каждой из сторон могут стать неприятной неожиданностью для других.

ЗНАЧЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Шестидесятилетняя история ядерного оружия неразрывно связана с испытательными взрывами, которых в общей сложности было проведено 2 058.

Т а б л и ц а 1

Ядерные испытания в мире

Страна	Число испытаний	Последнее испытание
США	1 030	1992 г.
Россия	716	1990 г.
Франция	210	1996 г.
КНР	45	1996 г.
Великобритания	44	1991 г.
Индия	5*	1998 г.
Пакистан	6*	1998 г.
Израиль / ЮАР	1**	1979 г.

* Некоторые специалисты считают, что Индия и Пакистан провели по два ядерных испытания. В данном случае имеется в виду, что их испытания проводились в течение двух дней: Индией 11 и 13 мая 1998 года, Пакистаном 28 и 30 мая 1998 года. Однако ежедневно осуществлялось по несколько взрывов.

** В сентябре 1978 года американские спутники зафиксировали в Южной Атлантике вспышку, которая могла быть ядерным взрывом. Специальные корабли, направленные в район вспышки, не обнаружили радиоактивных следов. Однако часть экспертов считают, что Израиль провел в сотрудничестве с ЮАР подрыв своего ядерного устройства.

Ядерный боеприпас должен сработать в штатном режиме при поступлении соответствующей команды (надежность) и ни в коем случае не должен взорваться при возникновении любой «нештатной» ситуации (безопасность). Страны-обладатели обязаны поддерживать высокую степень надежности и безопасности на всем протяжении жизненного цикла заряда. Традиционным способом в этом смысле всегда являлись испытания. Подавляющее большинство из них (около 80 %) имели целью отработку новых типов боезарядов, исследование возможности использования новых материалов и технологий при их производстве.

МОЖНО ЛИ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ИСПЫТАНИЙ?

Есть три основных научно-технических метода, которые, как считается, способны заменить ядерные испытания.

- Физическое моделирование процессов на разных стадиях работы ядерного заряда, позволяющее удостовериться в его надежности и безопасности и осуществляемое на специально созданных лабораторных установках. Подобные эксперименты применимы и для разработки новых зарядов, однако не могут заменить натурные испытания.

- Неядерно-взрывные эксперименты (гидроядерные и подкритические испытания). Подкритические (соответствуют условиям ДВЗЯИ) и гидроядерные (не соответствуют) испытания позволяют получить информацию о надежности и безопасности ядерных боеприпасов, на этой основе уточняются их гарантийные сроки. По итогам испытаний совершенствуется конструкция ядерного заряда: модернизируются некоторые его механические и электронные элементы и т. д. Однако такие испытания не дают всеобъемлющую картину физических процессов взрыва, необходимую для разработки новых боезарядов.

- Компьютерное моделирование на суперЭВМ. Используется как при решении задач безопасности и надежности ядерного заряда, так и потенциально (при создании надежных методов) для разработки нового оружия.

Среди ученых-ядерщиков отсутствует единство взглядов в отношении испытаний. Академик Андрей Сахаров утверждал: «Для чего на самом деле нужны ядерные испытания? Для разработки фундаментально новых технических решений. Таких, которые нужны для программы СОИ или для любых других новых методов применения ядерного оружия. Фактически это означает, что страна, возобновившая ядерные испытания, ставит своей целью создание новых типов ядерного оружия, изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене».

Однако доводы сторонников ядерных испытаний сохраняют актуальность. Например, сотрудник Российского федерального ядерного центра – Всероссийского НИИ экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ) Сергей Брезкун высказывается на этот счет следующим образом: «Сейчас еще нет единой стандартизированной методики расчета ядерного заряда и достоверной расчетной оценки влияния того или иного конструкторского решения на работоспособность физической схемы заряда. Различные группы разработчи-

ков пользуются разными методиками и даже разными значениями физических констант. В результате лишь прямой натуральный опыт дает экспериментальное подтверждение принятой научно-инженерной концепции конкретного заряда».

Все разнообразие аргументов за и против натуральных ядерных испытаний сводится к следующей формуле: без них можно обеспечивать безопасность и надежность арсенала (при том, что сохраняются различные точки зрения), хотя это в любом случае отнюдь не тривиальная задача; но в их отсутствие нельзя создать новое поколение ядерного оружия.

ДОСТУПНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАДЕЖНОСТИ

Соответствующие оценки обобщены в приведенной ниже таблице.

Т а б л и ц а 2

Доступность технологий, заменяющих натурные испытания

Страна	Технологии и их предназначение			
	Физическое моделирование	Гидроядерные испытания	Подкритические испытания	Математическое моделирование
Россия	+	+	+	+
США	+	+	+	+
Великобритания				
Франция	+	+	+	+
КНР	+	+	+	?
Индия	+	+	+	—
Пакистан	+	+?	+?	—
Израиль	+	+	+	—

Россия, Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Индия предположительно обладают необходимым набором технологий для поддержания безопасности и надежности своего ядерного арсенала. Пакистан в силу общей технологической отсталости может испытывать трудности с проведением гидроядерных и подкритических испытаний.

Россия, США и Франция, скорее всего, имеют все необходимое для того, чтобы проводить компьютерное моделирование ядерных взрывов. Причем Россия в этой области, возможно, отстает от двух других стран, которые прекратили ядерные испытания позже.

Открытым остается вопрос о том, как Израиль обеспечивает безопасность и надежность своего ядерного арсенала, оцениваемого в 100–200 боезарядов. В отсутствие опыта ядерных испытаний Израиль не может быть уверен в безопасности и надежности оружия, хотя ему, скорее всего, доступны технологии физического моделирования, проведения гидроядерных и подкритических взрывов.

Отдельный случай представляет собой Китай, располагающий довольно большим арсеналом, но относительно малым опытом осуществления ядерных испытаний. Не исключено, что КНР доступно математическое моделирование, однако там отсутствует достаточная статистическая база предыдущих испытаний. Технологии физического моделирования, гидроядерных и подкритических испытаний, по всей вероятности, тоже доступны Китаю, который, тем не менее, может испытывать трудности в обслуживании своего арсенала при отсутствии достаточного опыта проведения натуральных испытаний, который исключительно важен для обеспечения безопасности и надежности арсенала.

В мае 1999 года в докладе Конгрессу США содержалась информация о причастности КНР к хищению военно-технических секретов в американских ядерных лабораториях Лос-Аламос, Ливермор, Сандиа, Оук-Ридж. По утверждению авторов доклада, украденные секреты содержали ценную информацию, касающуюся конструкции современных термоядерных зарядов, на разработку которых США затратили сотни миллионов долларов и провели значительное количество испытаний. Впрочем, Китай все обвинения в свой адрес отверг. Отмечу, что активизация ядерного шпионажа может быть вполне рациональной реакцией Пекина на трудности в разработке новых боезарядов, а также в поддержании безопасности и надежности существующих в условиях отсутствия испытаний.

Без натуральных испытаний нельзя совершенствовать ядерное оружие — создавать новое поколение боезарядов. В этом смысле при сохранении запрета или моратория на ядерные испытания гонка вооружений, остановленная к концу 1980-х, не может возобновиться. Таким образом, на пути совершенствования ядерного оружия поставлен еще один политический и технический барьер. Очевидно, что страна, которая захочет создать новый тип боеголовок, будет склонна к возобновлению испытаний.

Однако ведущие ядерные державы (Россия, Соединенные Штаты и КНР) рискуют быть втянуты в качественно новый вид сопер-

ничества — соревнование на выживание ядерного арсенала в отсутствие натуральных испытаний, сохранить который в хорошем состоянии в данных обстоятельствах — непростая задача.

ДВА БАЗОВЫХ СЦЕНАРИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА

В России обращают внимание на объемы финансирования американских программ, нацеленных на обеспечение безопасности и надежности ядерного арсенала в отсутствие испытаний (в бюджете США можно отследить 3,5 млрд долларов). Аргументация российских экспертов сводится к тому, что такие ассигнования приносят военно-технический результат. Бывший руководитель Минатома РФ Виктор Михайлов отмечает, что кампанию за полное прекращение ядерных испытаний США развернули только после того, как успешно завершили обширную программу полигонных испытаний современных ядерных боеприпасов.

Вместе с тем в Соединенных Штатах распространено мнение, что СССР создавал ядерные боезаряды с большим «запасом прочности»: советские ученые выбирали более «консервативные» (то есть, более простые, уже опробованные) технические решения при проектировании боезарядов, что делало их впоследствии более надежными в обслуживании. Мол, поэтому России легче справиться с проблемами в отсутствие испытаний. Тезис, что Советский Союз меньше, чем США, зависел от испытаний, подкрепляется статистикой: Соединенные Штаты провели их в полтора раза больше.

Китай осуществил всего 45 испытаний. Причем более половины из них еще до 1980 года — опыт, который, скорее всего, только косвенно полезен сейчас. В 1980–1990-х КНР ежегодно проводила по 1–2 испытания (с перерывами в некоторые годы). В 1994–1996 годах, очевидно готовясь к мораторию, Китай три года подряд проводил по два испытания — самая большая интенсивность в истории страны. Тем не менее можно предположить, что китайская испытательная база уступала и российской, и американской. Отставая в точном приборостроении и вычислительной технике, Пекин не был в состоянии обеспечить такую же информативность испытаний, как США и СССР, и первым из тройки ведущих ядерных держав должен столкнуться с проблемами поддержания безопасности и надежности арсенала в отсутствие натуральных испытаний.

Пока ни Россия, ни США, ни КНР открыто не признают наличия каких-либо проблем с обслуживанием своих ядерных арсеналов.

Призрак ядерной войны.
Американская наглядная агитация начала 1960-х годов

Однако в профессиональной среде российских и американских физиков-ядерщиков распространено отрицательное отношение к запрету. Можно предположить, что в Китае подобные настроения тоже присутствуют, хотя публично проявляются меньше в силу информационной закрытости страны.

Во всех трех странах складывается лобби, призывающее отказаться от запрета на ядерные испытания. Аргументы в пользу их возобновления выдвигают профессионалы, ответственные за ядерную безопасность и боевую надежность. Принятие названных выше аргументов более широким сообществом экспертов по вопросам обороны и политиками — это в общем-то вопрос времени. Вероятны два базовых сценария.

Первый сценарий. Поражение в открытых дебатах о судьбе ядерных испытаний сторонников их запрещения. Достаточно, чтобы это произошло в одной из стран, и тогда в остальных дискуссия автоматически закончатся в пользу возобновления испытаний (мотивом послужит соображение, что запрет имеет смысл только как универсальная норма: если одна из ядерных стран отказывается его соблюдать, то у остальных просто нет выбора).

Впрочем, даже если в одной из стран доводы сторонников такого решения плавно перетекут в политическую плоскость выхода из ДВЗЯИ или одностороннего введения моратория, сомнительно, что эта страна все же предпримет «резкие шаги». Более вероятно, что участники «большой ядерной тройки» займут настороженно-

выжидательную позицию в надежде на то, что у кого-то сдадут нервы и поэтому придется объявить о возобновлении испытаний. Россия и Китай будут готовы уступить инициативу Соединенным Штатам, зарекомендовавшим себя в период нахождения у власти администрации Джорджа Буша-младшего как страна, способная идти на политический риск в связи с ее отказом от взятых на себя международных обязательств.

Вашингтон может почувствовать заинтересованность Москвы и Пекина в возобновлении испытаний и, скорее всего, станет проводить линию на совместный или скоординированный отказ от ДВЗЯИ и односторонних мораториев (примерно так же, как в 2001-м США предлагали России совместно выйти из Договора по ПРО). Таким образом, не исключено, что между тремя державами начнутся тактически сложные и запутанные маневры: они будут подталкивать друг друга к возобновлению испытаний.

Второй сценарий. Кто-то из «большой ядерной тройки» попытается сыграть на слабостях остальных. Тогда за сохранение ядерного арсенала в условиях отсутствия испытаний развернется соревнование, но не с точки зрения качества или количества арсенала. Это будет своеобразный вариант гонки вооружений – «осада» ядерного арсенала конкурентов: кто сможет сохранить потенциал в условиях максимальных ограничений, кто «перетерпит» ДВЗЯИ. Такое соперничество обещает быть ничуть не менее напряженным, чем традиционная гонка вооружений. Скорее всего, оно будет сопровождаться чередой шпионских скандалов: при развитии событий по такому сценарию исключительно важной представляется информация о состоянии дел в ядерно-оружейном комплексе конкурентов. Вероятно, в наиболее трудном положении в данном случае окажется Китай.

Принципиальная разница между обоими сценариями состоит в следующем. По первому, который несовместим с ДВЗЯИ, каждая из стран будет подталкивать другие к выходу из договора, чтобы получить возможность самой проводить ядерные испытания. По второму всё происходит с точностью до наоборот: соперницы постараются удерживать друг друга в режиме моратория, не давая конкуренту воспользоваться преимуществами ядерных испытаний. В центре этого сценария – сохранение действия договора (из тех соображений, что он принесет больше вреда конкурентам).

Сейчас США, Россия и Китай, по всей видимости, находятся на перепутье, выбирая между имеющимися альтернативами. Важно,

чтобы каждой из стран были присущи четкое осознание как преимуществ, так и рисков, а также более широкий взгляд на проблемы нераспространения ядерного оружия.

В этой связи заслуживает внимания заявление Джаянта Дханалы — заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Он прямо указал, что многие страны в 1995 году согласились на бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) только на основе письменных заверений ядерных держав заключить ДВЗЯИ и предпринять другие шаги по ядерному разоружению. Среди неядерных стран — участниц ДНЯО сложилось понимание, что гарантией его бессрочного продления явился ДВЗЯИ (договор подписали в сентябре 1996-го Россия, США, Великобритания, Франция и КНР. — Ред.). Конечно, с правовой точки зрения эти документы прямо не связаны (в том смысле, что они взаимно не обусловлены: юридически могут существовать друг без друга). Однако политическая связь между ними имеется.

Если свои подписи под ДВЗЯИ отзовут ядерные страны, неядерная страна вполне может заявить о нарушении ими своих обещаний и объявить об отзыве согласия на продление ДНЯО. Возможно, даже без соблюдения необходимых процедур и условий, прописанных в самом договоре, а ограничившись заявлением: она не считает договор действующим, так как больше не признаёт имеющим силу решение о его продлении. Понятно, что такие игры вокруг ДНЯО встретят сопротивление со стороны мирового сообщества и международных организаций. Однако политические мотивы такого нарушителя спокойствия на самом деле будут признаваться многими неядерными странами.

И в жизни, и в политике часто бывает так, что не брать обязательства проще, чем потом от них отказываться. ДВЗЯИ — это именно такой случай. По крайней мере пока он воспринимается как таковой.

ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ, США И КНР

ДВЗЯИ не работает так, как предполагали сторонники ядерного разоружения. Ни Москва, ни Вашингтон, ни Пекин не расценивают договор в качестве препятствия совершенствованию ядерного оружия. Наоборот, все три страны обзавелись планами модернизации своих арсеналов.

С течением времени проблемы, связанные с отсутствием испытаний, нарастают. Более настойчивое звучание приобретает аргу-

мент о необходимости возобновить ядерные испытания хотя бы для того, чтобы удостовериться в способности обходиться без них: проверить на натуральных испытаниях качество соответствующих технологий. Существенной обещает стать и точка зрения, согласно которой обслуживание и модернизацию ядерных арсеналов нельзя доверить специалистам, у которых вообще нет опыта проведения натуральных испытаний.

При жесткой постановке вопроса — в условиях отсутствия испытаний сохранить военно-ядерный потенциал нельзя — доводы сторонников их возобновления могут быть приняты военно-политическим руководством этих трех стран. Еще раз повторим: они не рассматривали запрет на проведение натуральных испытаний как начало движения к отказу от ядерного оружия.

Оба приведенных выше варианта развития событий будут иметь серьезные негативные последствия. В первом случае под ударом окажется другой важнейший договор — ДНЯО. Во втором ядерное соперничество способно серьезно испортить отношения между тремя странами.

Разумным было бы исследовать вариант сотрудничества в деле поддержания безопасности и надежности арсеналов в условиях отсутствия испытаний. Ни Москва, ни Вашингтон, ни Пекин не заинтересованы в подрыве режима нераспространения ядерного оружия. В то же время ни одна из трех стран не готова пожертвовать своим военно-ядерным потенциалом ради решения проблем нераспространения. Консультации между экспертами, учеными, а также на более высоком политическом уровне между участниками «большой ядерной тройки» по вопросам обеспечения безопасности и надежности арсеналов позволят трем странам согласовывать свои взгляды в вопросе запрета испытаний и избежать как подрыва ДНЯО, так и перехода к новому варианту ядерного соперничества.

Россия, США и КНР не должны стремиться к циничному использованию ядерных проблем друг друга; напротив, они призваны содействовать тому, чтобы сосед по «ядерному клубу» не чувствовал уязвимости в военно-ядерных вопросах и не испытывал проблем в области ядерной безопасности. Такого рода заинтересованность должна подкрепляться обсуждением вопросов поддержания безопасности и надежности ядерных арсеналов в трехстороннем формате.

Взгляд со стороны

И.Н. Крамской, Неизвестная

“*Путинская Россия, как капризная барышня-подросток, весьма обидчива, она придает большое значение своему внешнему виду (и иногда использует слишком много косметики), заводит многочисленные романы и обижается, когда ее не приглашают за стол вместе со взрослыми. Она считает, что живет полной жизнью, но не задумывается о будущем*”

США и Россия: отношения сквозь призму идеологий

Леон Арон

44

Парадокс непостоянства

Тома Гомар

62

Революция компромиссов

Омар Энкарнасьон

72

США и Россия: отношения сквозь призму идеологий

Леон Арон

Шарль де Голль сказал однажды, что у стран нет друзей, а есть только интересы. Он забыл уточнить: это интересы, как они видятся и интерпретируются элитами (в авторитарных режимах) или, если речь идет о демократиях, элитами и общественным мнением.

В свою очередь, трактовка национальных интересов определяется идеологией власти, то есть представлением лидеров о том, как следует жить и чего добиваться их стране. Поэтому отношения одного государства с другим, как правило, отражают место последнего в его собственной системе координат, а также глубинную сущность и внутривнутриполитические приоритеты его режима.

Сегодняшние связи между Соединенными Штатами и Россией не исключение. Тот факт, что в результате политики, проводимой каждым из этих государств, отношения между ними ухудшаются (и, по всей видимости, продолжают ухудшаться, как минимум, в течение следующих трех лет), не является следствием ни заговора, ни чьего-то злого умысла. Корни и динамика этого процесса — в том, как режимы в Москве и Вашингтоне воплощают стратегические повестки дня на основе выбранных идеологий, и в том, какими видятся — опять же через идеологические призмы — ответы партнера на свои действия.

ВЗОРВАННЫЕ АКСИОМЫ

У нынешней идеологии Вашингтона два источника, два часто накладывающихся друг на друга лейтмотива. Первый — это трагедия 11 сентября 2001 года. С того дня Белый дом ни на минуту не оставляла озабоченность, связанная с угрозой исламского экстремизма,

Леон Арон — директор российских исследований Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute*).

с возможностью повторения теракта и перспективой передачи террористам оружия массового уничтожения (в первую очередь ядерного) нестабильными, фундаменталистскими, настроенными против Америки государствами.

Другое «родовое пятно» этой администрации — ее неоконсерватизм. В разговорах о чуть ли не заговорщическом, большевистском единодушии «неоконов», об их якобы почти кукловодческом контроле над Белым домом много чуши. Институт, где работает автор настоящих заметок, часто называют «мозговым центром неоконсерватизма», и изнутри эти домыслы выглядят, мягко говоря, весьма далекими от реальности.

Если какие-то постулаты «неоконсервативной идеологии» во внешней политике и существуют, то главный из них можно сформулировать следующим образом: интересы и безопасность Америки гораздо легче обеспечивать в мире, где торжествует политическая свобода. Отсюда и принятие, по крайней мере как *идеала*, инаугурационной (1961) речи президента-демократа Джона Кеннеди: «Пусть каждая страна мира, желает ли она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, не согнемся под любой ношей, выстоим перед любой трудностью, поддержим любого друга и окажем сопротивление любому врагу, лишь бы выжила и победила свобода». Для не-

оконсерваторов принципиальной является связь между тем, как государства ведут себя внутри страны, и их внешней политикой.

В этом смысле показательна эволюция госсекретаря Кондолизы Райс. Еще с тех пор как она работала над докторской диссертацией, посвященной Советской армии в период подавления Пражской весны (1968), одними из главных ее научных интересов являлись военные аспекты американско-советских отношений и контроль над вооружениями. Она была выдвиженцем генерала Брента Скоукрофта — ведущего «реалиста» Вашингтона, помощника президента Джорджа Буша-старшего по национальной безопасности. Последний назначил Райс советником по СССР. В августе 1991 года — в ответ на всплеск национально-освободительных движений в советских республиках и демократическую революцию в России — Буш в Киеве грозно предупредил украинцев об опасности «самоубийственного национализма». Прозванная «цыпленком по-киевски» (*Chicken Kiev*), эта речь навсегда вошла в арсенал неоконсервативных критиков как пример зашоренности «реалистов», отсутствия у них политического и исторического «слуха».

Скоукрофт олицетворял собой взгляд на стабильность как на кардинальную ценность и цель американской внешней политики. В 1998-м Райс начала обучать тогдашнего губернатора штата Техас Джорджа Буша-младшего внешней политике. Судя по речам «ученика» в ходе президентской кампании и по сигналам из Белого дома в первые девять месяцев правления новой администрации, «реализм» в ней явно преобладал. Неважно, что там у русских за государство: советское тоталитарное, новое демократическое, авторитарное китайского типа или вовсе, по терминологии Райс, «несостоявшееся». Разбираться долго, да и незачем. Важно, сколько у них стратегических ракет с ядерными боеголовками. Вот об этом и будем говорить — и этим, в общем-то, взаимная повестка дня и исчерпывается. (Вскоре после прихода к власти Буша-младшего один из архитекторов американско-российских отношений в администрации Билла Клинтона с нескрываемым раздражением жаловался в узком кругу, что в ходе «передачи власти» от Клинтона к Бушу Райс демонстрировала подчеркнутое невнимание к внутренней российской проблематике.)

11 сентября 2001 года взорвало аксиомы реализма. Поддержания статус-кво вдруг обернулось неприемлемым риском. Произошло не что иное, как смена парадигм. Президент Буш и его по-

мощник по национальной безопасности неожиданно для себя стали неоконсерваторами.

Америка, которая еще год, месяц, неделю назад почивала на лаврах победы в холодной войне — самая сильная, неуязвимая и абсолютно самодостаточная держава, — упала с олимпа на жесткую и холодную землю, кровоточащая, испуганная, одинокая и озирающаяся по сторонам в поисках друзей. Именно друзей, а не бизнес-партнеров наподобие Саудовской Аравии, взрастившей 15 из 19 террористов, атаковавших США.

И вот тут Россия вышла на первый план — решительно и уверенно, как будто ждала этого момента и всю «домашнюю работу» не только приготовила, но и отшлифовала до блеска. Звонок Владимира Путина Джорджу Бушу в первые минуты после нападения; согласие Москвы не только на использование российского воздушного пространства самолетами Соединенных Штатов и НАТО, но и на размещение их баз в Центральной Азии; сотрудничество спецслужб; использование российских разведанных по Афганистану и обширных российских связей с антиталибским Северным альянсом. И все это, что называется, на одном дыхании: решительно, щедро, не ставя предварительных условий, не торгуясь, не требуя ничего взамен. (Заодно Россия свернула свою военно-морскую базу в Камрани и закрыла радиолокационную станцию на Кубе.)

Когда сущность режимов и их идеология вдруг стали важны для новоиспеченных неоконсерваторов из Белого дома (отсюда лозунг «Если надо, будем менять режимы»), стал важен и внутренний порядок России, а подсчет ракет превратился в задачу третьестепенную. Выяснилось, что Россия осени-2001 — это вовсе не Китай. Что там есть и политические свободы, и свобода вероисповеданий, и многопартийность, и тогда еще реальная оппозиция, и свободная пресса, и неподцензурная культура. А курс на либеральные реформы в экономике осуществляется вполне серьезно, грамотно и с размахом.

Именно это совпадение базовых ценностей и, как результат, многих главных (хотя даже тогда далеко не всех) и наиболее насущных национальных интересов придавали российско-американским отношениям, как казалось, характер долговременного, стратегического союзничества.

Но, согласно любимому историей (и Энгельсом) парадоксу, в триумфе уже вызревали семена поражения. Когда российская власть сменила приоритеты внутренней и соответственно внешней политики,

преградой в отношениях между двумя странами стала та самая неоконсервативная доминанта в определении американских национальных интересов, которая ранее привела к небывалому с конца Второй мировой войны сближению Москвы и Вашингтона и к посещению российским лидером ранчо Кроуфорд, принадлежащего чете Бушей.

НОВЫЙ КУРС МОСКВЫ

Начиная примерно со второй половины 2003 года становится все более очевидным: режим Владимира Путина – это не исправление «перекосов» 1990-х при продолжении (более последовательном, «чистом» и «цивилизованном») стратегической линии Бориса Ельцина. Наоборот, доминирующая идеология словно бы переполнялась глубоким стыдом за «хаос» 1990-х годов, проявившийся прежде всего в ослаблении государства. То, что и хаос, и слабость государства – неперенные спутники всех великих революций, видимо, было либо неизвестно, либо отвергнуто с порога.

В этой перспективе и внутренняя, и внешняя политика виделись как результат заговора, продукт изошренных политтехнологий, «проплаченных» олигархами, а не как следствие сознательного и свободного, хотя и реализованного не самым лучшим образом выбора большинства россиян. Выбора, подтвержденного и избранием Ельцина на пост президента тогда еще РСФСР в июне 1991-го, и результатами референдума в апреле 1993-го, и судьбоносным голосованием 1996-го, и вполне еще свободной избирательной кампанией-1999, когда, похоже, навсегда было похоронено народно-патриотическое левое большинство в Госдуме.

Снова восторжествовали традиционные для России постулаты: государство тождественно обществу; все, что хорошо для государства, априори хорошо для страны; укрепление государства есть укрепление общества. Судя по их политике, только два лидера в российской истории, Александр II и Борис Ельцин, осознавали, что ослабление роли государства способно в определенных обстоятельствах и только в долгосрочной перспективе укрепить общество. Петр I и Иосиф Сталин довели до крайних пределов противоположную тенденцию.

Следовательно, чиновник (конечно же, просвещенный, умный, работающий и, разумеется, неподкупный) – это гораздо более эффективный и последовательный двигатель прогресса общества, чем свободная пресса (такая продажная, падкая на сенсации и пекущаяся о прибыли, а не об интересах государства), избиратель (та-

кой наивный, необразованный и переменчивый), независимый судья (такой взяточник) или, боже упаси, частный предприниматель.

А раз так, видимо, заключили в Кремле, проведенная в 1990-е годы децентрализация политики и экономики была *в принципе* неадекватной и во многом даже вредной. Следует реанимировать роль государства, занять «командные высоты» экономики, вернуть себе «бриллианты» из экономической «короны» и навсегда утвердить контроль исполнительной власти над всеми другими ее ветвями, закрепив ведущую роль Кремля в политической сфере.

Последовавшие изменения во внешней политике лежали в русле той же логики. В целом прозападная политика предыдущего режима рассматривалась теперь Кремлем не как следствие общности интересов и не как поиски пути к «общечеловеческим ценностям», к «европейскому дому» или места в союзе «цивилизованных» государств. Всё это — яковлевско-горбачёвское, шеварднадзевское, ельцинское, уходящее корнями в период гласности, — было подвергнуто идеологической ревизии. Развал СССР назвали самой большой геополитической катастрофой XX века. Отсюда и новые императивы внешней политики: движение на Запад не форсировать и «жертв» ему не приносить (например, в том, что касается политических свобод внутри страны или отношений с пророссийскими диктатурами в СНГ). Там, где возможно, Россия будет пытаться восстанавливать и укреплять прежние связи на бывшей советской территории. Те новые государства, которые окажут содействие в этом процессе, будут поощрены; те, что препятствуют, — наказаны.

Конечно, это не возвращение к политике Советского Союза. Например, в решение метазадачи по восстановлению общности постсоветского пространства (и российской сверхдержавной гегемонии в регионе) органически вписывается один из императивов национальной безопасности, свойственный всем великим континентальным державам в истории — от Вавилона, Персии, Китая, Рима до Соединенных Штатов вплоть до 70-х годов прошлого века: стабильность на границах и дружественные (а лучше вассальные) режимы по периметру. Отсюда и российский эквивалент поддержки «сукиных сыновей, но наших сукиных сыновей» — фраза, которая прочно вошла в лексикон внешней политики США (так Франклин Делано Рузвельт высказался в отношении никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы. — Ред.). Поддержка Кремлем «последнего диктатора Европы», Лукашенко, встречает в Белом доме раздражение и непонима-

ние. Москва не хуже, а, пожалуй, и гораздо лучше Вашингтона знает об одиозности белорусского режима, не говоря уже о личных качествах «бабки», но считает «негатив» в отношениях с Западом приемлемой ценой на пути к достижению поставленной цели.

В отличие от Советского Союза, во внешней политике России легко просматриваются прагматизм, стремление к «свободе рук», к положению над схваткой, к классической *Realpolitik*. Не связывать себя абстрактными принципами («западная цивилизация», «свобода», «права человека»), а маневрировать. Не вступать в «идеологические» альянсы, а «работать» со странами главным образом на двусторонней основе. Для современной России долгосрочные результаты менее важны, нежели процесс установления и поддержания контактов, *сегодняшняя* роль России и те дивиденды, которые они приносят *сейчас*. Как говорил Троцкий, цель — ничто, движение — всё.

Россия прибегает к тактике, известной в бизнесе как *asset leveraging*: наиболее эффективное размещение активов. Акцент делается на областях «сравнительных преимуществ», будь то ядерные технологии либо передовые системы обычных вооружений и, конечно же, энергетика. Неотъемлемой частью новой российской внешней политики стал дипломатический эквивалент арбитража, т. е. попытки заработать на структурных «пробуксовках» механизма ценообразования, на разнице цен за один и тот же продукт на разных рынках: маневрирование на лезвии ножа (и чем острее, тем лучше).

Использованием сравнительного преимущества обусловлены, например, поставки вооружений в Китай — на самый большой рынок сбыта российских военных технологий: новейшей авиации (включая грузовой самолет-гигант Ил-76 и заправочный Ил-78), кораблей, подлодок. Первые в истории российско-китайские учения прошли в августе 2005-го с участием свыше 10 тысяч военнослужащих. А что касается раздражения в Вашингтоне, обязавшемся защищать Тайвань в случае нападения Пекина, или опасности продажи оружия геополитическому сопернику (который до сих пор не признаёт «неравноправные договоры» 1858 и 1860 годов, отдавшие России огромные куски Сибири, а в следующее десятилетие может достичь паритета с Россией по ядерному потенциалу), то риск оправдывается, видимо, выполнением глобальной задачи по исправлению «перекосов» 1990-х — обретением «самостоятельности» на мировой арене, престижа и миллиардов долларов.

Соглашение о поставке Сирии – тоталитарному режиму, поддерживающему терроризм, – тактических противовоздушных систем SA-18 рассматривается как восстановление позиций на Ближнем Востоке, утраченных после развала Советского Союза. Визит руководства движения ХАМАС в Москву, кроме всего прочего, был и попыткой арбитража в надежде на важные уступки (скажем, отказ от перманентной войны с Израилем) и, как следствие, на утверждение репутации России в качестве незаменимого медиатора конфликтов между «Востоком» и «Западом». Как любил повторять Наполеон (а вслед за ним Ленин), «*On s'engage et puis on voit!*» – «Ввяжемся в бой, а дальше будет видно!».

«Новый курс» во внешней политике Москвы наиболее отчетливо проявился, пожалуй, в ее отношениях с Ираном. Именно они обусловили самую серьезную на сегодняшний день ссору с Вашингтоном. После возобновления в декабре прошлого года продажи Тегерану обычного вооружения, приостановленной комиссией Гор – Черномырдин по настоятельной просьбе Соединенных Штатов летом 1995-го (до этого Россия за пять лет продала Ирану на два миллиарда долларов самолетов, танков и подводных лодок), ему были поставлены мобильные ракетные системы противовоздушной обороны *Тор-М1*, истребители МиГ-29 и корабли береговой охраны на общую сумму приблизительно миллиард долларов.

Поскольку золотовалютные запасы России приближаются к 300 миллиардам долларов, выручка для нее, конечно, далеко не главное.

Ситуация вокруг Ирана используется для достижения той же метациели. По словам московского эксперта Раджаба Сафарова (и, по-видимому, по разумению кремлевских архитекторов этой политики), Иран предоставляет Москве «уникальный и исторический шанс вернуться на мировую арену в качестве ключевого игрока и вновь рожденной сверхдержавы. Если Россия будет твердо

защищать интересы Ирана в этом конфликте... она немедленно вернет себе престиж в мусульманском мире и на всей мировой арене... И никакие финансовые предложения со стороны Соединенных Штатов не смогут изменить стратегию».

Отсюда вытекает тактика, применяемая Россией в ходе переговоров постоянных членов Совета Безопасности ООН (Великобритания, Россия, Китай, США, Франция) и Германии с Ираном: как можно дольше откладывать «момент истины», защищая статус-кво и оттягивая «продажу» товара (российской поддержки), чтобы увеличить его цену. А то, что лидер Ирана публично провозглашает веру в двенадцатого имама, который явит себя после всемирной катастрофы (читай: ядерной войны) и грозит стереть Израиль с лица земли, — это эмпирии, от лукавого, не для сегодняшнего дня.

НЕНАДЕЖНЫЕ ЯКОРЯ

В иные времена такая политика Москвы, возможно, и не вызывала бы серьезных проблем в отношениях с Вашингтоном. В конце концов, привыкли же там (хотя, конечно, не без раздражения) к дипломатии Франции, которая после утраты статуса великой державы практиковала схожий прагматизм и дипломатический арбитраж в отношениях с главными блоками — участниками холодной войны. Но времена не те и не те ценности. Такая политика чревата тем, что даже после увязания в иракском болоте она будет неприемлема для американского внешнеполитического истеблишмента (за исключением изоляционистов-маргиналов с обоих флангов). Коса «постсентябрьского» активизма США — с его акцентом на свободу и демократию как центральные элементы национальной безопасности и на «распространение демократии» в качестве одного из ключевых средств ее обеспечения — нашла на камень постсоветской и постимперской реставрации России, суть которой заключается в экономической и политической рецентрализации и *Realpolitik* за рубежом.

Вследствие ценностного размежевания Россия и Америка принялись дрейфовать в противоположных направлениях. Корабли начали отдаляться друг от друга. Но полной потери визуального контакта пока еще не произошло: ее предотвращают якоря — главные «активы» одной стороны, отвечающие стратегическим интересам другой.

«Активы» России имеют центральное значение для решения четырех долговременных и стратегических задач, стоящих перед Вашингтоном: победа в глобальной войне с терроризмом; предотвра-

шение распространения ядерного оружия; обеспечение энергетической безопасности; развитие общности интересов в отношении Китая, в неизбежность столкновения с которым уверена значительная часть внешнеполитических элит США.

Кстати, ключ к трениям внутри администрации, истоки разнобоя в российской политике Соединенных Штатов и риторической сумятицы, так часто раздражающей Москву, отнюдь не в персоналиях: Дик Чейни, Кондолиза Райс, Эрик Эделман на одной стороне, Джордж Буш и Томас Грэм — на другой. Причина кроется именно в разнящихся оценках важности российских «активов» по сравнению с «пассивами» внутренней политики Кремля, в неизбежной амбивалентности имиджа России с точки зрения сформировавшейся после 11 сентября системы национальных интересов США. Преобладает то одна, то другая составляющая: «геополитическая», в центре которой интересы-«якоря», или «неоконсервативная», для которой важны прежде всего элитарные тенденции внутри России.

Что до Москвы, то в ее первостепенных стратегических интересах Америка фигурирует, во-первых, как союзник в борьбе с мусульманским терроризмом, включая прежде всего чеченских боевиков. Во-вторых, от Соединенных Штатов ждали понимания «особой роли» (и соответственно особых интересов) России на постсоветском пространстве, где проживает 25 миллионов этнических русских и которое обогревается, освещается и снабжается (до последнего времени практически в кредит) энергией за счет российских газа, нефти и электричества. В-третьих, Россия рассчитывала на поддержку ее интеграции в мировую экономическую систему, начиная с ВТО.

Но, пожалуй, самый главный американский «актив», самое ценное, что Соединенные Штаты могут дать России, — это уважение и равноправие. Как бы ни клеймили Америку полуофициальные пропагандисты в прокремлевских газетах и на телеканалах, что бы там ни говорилось о «смене вех» и ориентиров, о Европе, Азии и Евразии — для народа, равно как и для элит, паритет с Америкой (не важно в чем — в армиях, континентальных ракетах, спутниках, мясе, кукурузе, демократии, темпах роста экономики), ее уважение к России всегда — при Ленине, Сталине, Хрущёве, Брежнев, Горбачёве и Ельцине — были одним из главных легитимирующих внутриполитических факторов. По гамбургскому счету национального достоинства никто — ни Европа, ни Азия, ни Германия, ни Китай, ни Франция, ни Япония — и близко не стоит.

Этот перечень коренных взаимных интересов, конечно же, не нов. Новостью последних лет стало то, что «активы», не подпитываемые более совпадением хотя бы нескольких главных идеологических составляющих, начали быстро обесцениваться. Цепи якорей ржавеют. То, что раньше относилось бы к разряду легкорешаемых технических проблем, сейчас становится основанием для глубоких и долгих обид и серьезных ссор, число которых возрастает с каждым витком порочного круга.

Так, с точки зрения Вашингтона (и американского общественного мнения, что гораздо важнее в долгосрочной перспективе), за прошедший год образ России как союзника в борьбе с терроризмом существенно скомпрометирован. Здесь и заявка Москвы на особые отношения с движением ХАМАС, и поставки ракет Сирии, истребителей МиГ-29 и вертолетов Ми-24 Судану, практикующему террор (и даже, как в случае Дарфура, геноцид) в отношении собственного населения.

Что касается нераспространения ядерного оружия, то способность России содействовать разрешению северокорейского кризиса, оказывая влияние на своего бывшего клиента — Пхеньян, мягко говоря, не оправдала надежд. Разочарование это, однако, бледнеет по сравнению с последствиями позиции по иранскому вопросу. Создается все более устойчивое впечатление, что Москва недооценивает риск для своих отношений с США (а теперь уже и с Европой), играя роль дипломатического защитника и поставщика передовых обычных вооружений и гражданской ядерной технологии режиму, который открыто призывает к атакам на Соединенные Штаты, финансирует, вооружает и обучает террористов, а с недавнего времени публично заявляет о намерении заняться обогащением урана для производства ядерного оружия.

Возможно, Россия уже прошла «точку невозврата», после которой, вновь говоря на языке бизнеса, никакое хеджирование уже не сможет предотвратить серьезные потери при ликвидации занятых ею рыночных «позиций». Не желая ставить под удар встречу лидеров стран «Большой восьмерки», Россия в конечном итоге, видимо, проголосует в Совете Безопасности ООН за санкции против Ирана или, по крайней мере, воздержится. Последний почти что наверняка ответит выходом из режима нераспространения и в итоге автоматически вызовет расширение санкций. Они могут включать запрет на сотрудничество с Тегераном не только в гражданском атомном

строительстве, но и в сферах, связанных с обычными вооружениями, финансами, инвестициями в неядерную энергетику (газ). Во всех этих областях, начиная с сооружения ядерного реактора в Бушере стоимостью больше миллиарда долларов, Россия сегодня «вложилась» более глубоко и объемно, чем кто бы то ни было. И как бы Москва ни повела себя при этом весьма вероятном сценарии, едва ли ей удастся избежать долговременного урона в престиже (не говоря уже об ущербе материальном).

Что касается энергетической безопасности Америки, то, когда Кремль, несмотря на лоббирование даже на уровне Белого дома, наложил вето на строительство частного трубопровода Западная Сибирь – Мурманск, надежды Вашингтона на существенное замещение части импорта нефти из Персидского залива прямыми поставками из России рассеялись. Тревоги по поводу надежности и, главное, устойчивости роста российского нефтяного экспорта усилились после фактического огосударствления компаний ЮКОС и «Сибнефть», в результате которого темпы роста добычи упали с 8 % в среднем (показатель за предыдущие семь лет) до 2 % в 2005 году. Впервые с 1999-го объем российских поставок на мировой рынок сократился в абсолютной величине.

Не успел Запад переварить кратковременное прекращение поставок газа в Украину и снижение (вследствие воровства газа украинской стороной) давления в трубах, по которым газ поступает в Европейский союз, как в апреле нынешнего года Москва выступила с серией угрожающих заявлений – прямо-таки очередь «веером от живота» со стратегических высот российской энергетики и политики. Речь шла о возможности сокращений поставок нефти и газа в Западную Европу (и, наоборот, их роста на азиатском направлении), если последняя и впредь будет с недостаточным энтузиазмом откликаться на планы «Газпрома» и российских нефтяников по выходу на европейский розничный рынок. Об этом говорили в Москве Алексей Миллер и Семён Вайншток, возглавляющие «Газпром» и «Транснефть» соответственно, а спустя два дня – Владимир Путин в Томске. (Вайншток даже назвал количество нефти – 30 млн тонн в год, – которое перебросят с запада на восток.)

И вот уже Кондолиза Райс в Турции высказывает опасения по поводу российской газовой «монополии» и призывает к строительству в обход России газового трубопровода параллельно нефтепроводу Баку – Супса – Джейхан. В Белом доме, наступая на горло

неоконсервативной песне, принимают унаследовавшего азербайджанский «престол» Ильхама Алиева, а вице-президент США Чейни расхваливает в Астане «стратегическое партнерство», обращаясь к пожизненному, по всей видимости, президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, набравшему 91 % голосов на последних выборах. (После этих выборов один из главных политических соперников Назарбаева был убит агентами казахстанских спецслужб, а другой арестован.) При этом, несмотря на ухаживания Вашингтона, Астана пока не транспортирует нефть по трубопроводу Баку — Джейхан и, так же как и Ашхабад, не выразила заинтересованность в газопроводе, альтернативном газпромовскому.

Наконец, ввиду того что политика России в отношении Китая делает акцент на продаже ему вооружения и приоритетном снабжении энергией, американо-российское сотрудничество в деле «сдерживания» Поднебесной выглядит весьма иллюзорным, даже если скептически относиться к заявлениям Москвы и Пекина о незыблемости их дружбы и их совместной оппозиции «однополярному» миру.

Так же интенсивно и заметно в России обесцениваются американские «активы». У Москвы создается впечатление, будто «особые интересы» России на постсоветском пространстве вместо «понимания» встречают сознательное пренебрежение. Антиавторитарные «цветные» революции на территории СНГ воспринимаются как нацеленные против России и ставятся в вину Вашингтону. Начисто забыв совсем недавнюю историю своей страны, Кремль, похоже, не может представить себе подлинного народного протеста, не замышленного и не проплаченного со стороны. Сказывается атмосфера политического цинизма, столь характерного для периодов реставраций, будь то эпоха Карла II в Англии либо времена Наполеона III во Франции. Лобовую атаку на свои интересы Москва видит и в форсировании приема в НАТО Украины и Грузии — вслед за молниеносным предоставлением членства в альянсе странам Балтии.

Не оправдались и расчеты Москвы, по крайней мере, на моральную поддержку со стороны США в борьбе с терроризмом на территории России. Вместо того чтобы оказать помощь или на худой конец смолчать, и Госдепартамент, и неправительственные организации, и СМИ продолжают критиковать нарушения прав человека в Чечне и отказываются (как, впрочем, и большинство россиян) вос-

принимать политику «чеченизации» («кадыризации») конфликта как надежный выход из тупика. Кроме того, следуя примеру Великобритании, Соединенные Штаты недвусмысленно заявили о нежелании сотрудничать с Москвой в выдаче лиц, обвиняемых Россией в пособничестве чеченским террористам.

Еще менее устойчивым оказался в глазах Москвы третий стратегический «актив» США — помощь в интеграции в глобальную экономику. Наоборот, Америка оказалась, пожалуй, самым крупным камнем преткновения на пути к членству России в ВТО. Москва винит официальный Вашингтон, хотя здесь администрация Буша не задает тона и явно идет в фарватере могущественных деловых интересов. Американские компании требуют принять действенные меры по борьбе с повальным воровством интеллектуальной собственности — особенно это касается музыкальной продукции, фильмов и компьютерных программ, только в 2005 году стоивших американским правообладателям около двух миллиардов долларов. А банки добиваются права открывать не только дочерние компании, но и отделения.

Трудности со вступлением в ВТО вновь разбередили в Москве обиду в связи с поправкой Джексона — Вэника, болезненной занозой, сидящей в двусторонних отношениях уже почти 15 лет. Закон запрещает предоставлять статус наибольшего благоприятствования в торговле странам с нерыночной экономикой, которые ограничивают право граждан на эмиграцию. Хотя постсоветская Россия сняла все ограничения на выезд за рубеж и на эмиграцию и уже по крайней мере лет десять производит большую часть валового продукта в негосударственном секторе (в отличие от Китая, имеющего этот статус с 2000 года, несмотря на очевидные нарушения обоих условий), Америка продолжает ущемлять национальное достоинство России вопреки своему же законодательству.

Разрушительные сами по себе, все эти несбывшиеся ожидания подтачивают самый важный для Москвы «актив» — сознание паритета с Америкой и уважения с ее стороны. И вот уже даже российские либералы призывают к ускоренному созданию и развертыванию стратегических ядерных ракет с кассетными боеголовками класса «Тополь-М» — главным образом лишь для того, чтобы заставить Америку снова начать переговоры о взаимном сокращении ядерных потенциалов! «Конечно, на Россию никто нападать не собирается, — откровенно объяснил эту позицию один из ее главных сторонников эксперт Алексей Арбатов, —

но и вести переговоры с ней отказываются». После того как двумя месяцами позже прозвучало Послание Президента РФ Федеральному собранию, этот подход, похоже, вошел в официальную политику.

ЖДАТЬ ЛИ БУРИ?

Отчуждение между Вашингтоном и Москвой сохранится и, по всей вероятности, будет нарастать по меньшей мере до 2009-го, когда в обеих странах придут к власти новые администрации. Правда, и в этом случае динамика вряд ли изменится менее чем за год-полтора. Рост напряжения связан с политическим календарем: и в Соединенных Штатах, и в России практически одновременно развернутся президентские кампании, в ходе которых внешняя политика, как правило, перестает быть эзотерической областью, где властвуют эксперты-брамины, и становится частью политического кулачного боя.

В Америке, где начиная с выборов-1996 Россию «теряют» каждые четыре года (но потом, после президентских выборов, благополучно «находят»), критика Буша за «потерю» начнется раньше обычного: выборы в Государственную думу РФ в декабре 2007-го США будут рассматривать под микроскопом, и трудно представить себе расклад, при котором не обнаружилось бы множество моментов, неприятных с точки зрения демократических процедур.

Кроме того, Москве сильно не повезло с личностным фактором: самый популярный на сегодняшний день республиканский претендент на высший государственный пост — сенатор Джон Маккейн, для которого Россия, естественно «потерянная», стала рефреном в избирательной кампании 1999–2000 годов и который по сей день не утратил все крепнувший критический запал. Маккейну (как, впрочем, и другим кандидатам) Россия необходима, чтобы продемонстрировать собственную осведомленность в вопросах внешней политики и осознание ее моральной составляющей, а это было непременным условием всех успешных президентских кампаний последних 25 лет — от Рональда Рейгана до Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего. (Недооценка данного фактора оказалась в 1992-м одной из главных причин поражения Буша-старшего, обвиненного Клинтонем в том, что тот «приласкал» «мясников с площади Тяньаньмэнь».) В этом контексте высказывания Чейни в Вильнюсе 4 мая нынешнего года можно, по крайней мере отчасти, интерпретировать как внутривнутриполитическую тактику: превентивный удар, «выпуск пара», громоотвод. Уж

лучше мы атакуем за два месяца до саммита «Большой восьмерки», чем Джон Маккейн — за два дня до питерской встречи.

Но критика Маккейна, который попридержит лошадей из соображений партийной лояльности, ни в какое сравнение не идет с той бурей, что обрушат на «пророссийский» Белый дом демократы (скорее всего, бывший губернатор Вирджинии Марк Уорнер и, несомненно, Хиллари Клинтон), — точно так же, как это делали республиканцы в 1998–2000 годах, когда Россия (вернее, ее реальные, но раздутые порой до абсурда изъяны) стала дубиной для охаживания Клинтона. Основное направление грядущей атаки предугадать несложно: мол, в 1990-е годы, при Билле и Борисе, Россия двигалась по правильному пути и мы дружили, но пришли республиканцы-неоконсерваторы и все испортили, вследствие чего Россия оказалась «потерянной», сошедшей с рельсов демократии, и вместо горячей дружбы мы получили в лучшем случае «холодный мир».

Со своей стороны официальный помазанник Кремля на президентство (да и остальные кандидаты) не сможет не откликнуться и не добавить свои, как говорила гоголевская Коробочка, «забранки» к той дозе антиамериканизма, которую изначально пропишут его кампании политтехнологи.

И все же «лобовая» конфронтация и новая холодная война представляются весьма маловероятными — по крайней мере по четырем причинам.

Во-первых, несмотря на эрозию, геостратегические «активы», о которых мы говорили, далеки от оскудения и продолжают служить своего рода рамкой, очерчивающей базовые отношения между обеими странами.

Во-вторых, сформированные в 1992–1993 годах цели российской внешней и оборонной политики — Россия — региональная сверхдержава, Россия — глобальная ядерная сверхдержава и, главное для Америки, Россия — одна из великих держав (но не сверхдержава, политически соперничающая с США по всему миру) — остаются неизменными. Хотя они могут периодически раздражать Вашингтон, но вряд ли вызовут глубокую тревогу за жизненные интересы нации.

В-третьих, несмотря на склонность Кремля играть мускулами, Россия, в отличие от Советского Союза и нынешнего Китая, не «ревизионистская» держава, постоянно стремящаяся изменить мировой баланс сил в свою пользу. Для этого нужна идеология и, как результат, система приоритетов, которых в Москве сегодня нет и, судя по

всему, не предвидится. Какая уж там идеология, если, защищая с пеной у рта права Ирана на «мирное освоение ядерной энергии» и на сопротивление «силовым мерам давления», Россия одновременно запускает на своей ракете-носителе с дальневосточного космодрома «Дальний» израильский спутник-шпион, чья первостепенная задача – оперативный мониторинг создания иранской ядерной бомбы!

Доля ВВП (3 %), идущая в сегодняшней, накачанной нефтяным богатством России на оборону, сегодня даже меньше, чем в 1992–1997 годах, когда Российская Федерация унаследовала от Советского Союза абсолютно пустую казну, и по меньшей мере в десять раз меньше, чем в СССР 1985-го. В абсолютных величинах, рассчитанных на 2005 год по паритету покупательной способности, затраты России на оборону (47,77 млрд дол.) в одиннадцать раз с лишним меньше, чем в США (522 млрд дол.).

Самый же важный фактор противодействия новой холодной войне – это как раз тот, который кремлевские стратеги с презрением давно сбросили со счетов: общественное мнение. Ни американцы, ни россияне не поддержат свои элиты в этом начинании, поскольку не сочтут его необходимым.

Что американцы знали о Советском Союзе? То, что там нельзя (или опасно) верить в Бога и ходить в церковь; что могут посадить в тюрьму за «крамольные» речи или за чтение недозволенных книг; что это диктатура, при которой нельзя проголосовать так, как хочешь, организовать политическую партию, выйти на демонстрацию, бастовать или уехать за границу; что Москва оккупирует Восточную Европу и готовится к войне с Западом. И этого было достаточно, чтобы дать элитам мандат на ведение холодной войны и жертвовать триллионами долларов, а порой и жизнями американцев и их союзников. В нюансы не вникали, как обычно оставляя это занятие элитам.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов «простые» американцы узнали, что ситуация в Советском Союзе изменилось. Вопреки, мягко говоря, странной квалификации России в разного рода «индексах свобод» (например, в столь часто цитируемых годовых отчетах организации *Freedom House*, с 2004-го почему-то помещающих Россию в одну категорию с Северной Кореей, Ираном, Саудовской Аравией и Ливией), они сегодня знают: еще далеко до черты, за которой Россия превратится во врага, разразится холодная война и нужно будет снова впрягаться в телегу немыслимых расходов на «сдерживание». Можно ходить и в церковь, и в синагогу; ездить за границу; писать, печатать,

читать и говорить что угодно. И в демонстрациях участвовать, и басковать, и голосовать за того, кто понравится; и Восточной Европе никто не угрожает, а бывшие страны – члены Варшавского договора и даже бывшие союзные республики вступили или вступают в НАТО.

Остальное по-прежнему детали, заботы элит, еще далеко не собравшиеся в критическую массу, способную изменить стереотип, который сложился в национальном общественном мнении почти пятнадцать лет назад. Как показал опрос американского общественного мнения в феврале текущего года, Россия – десятая в списке из 22 наиболее популярных стран: 54 % американцев оценили ее позитивно, причем Франции досталось столько же голосов, а Китаю – на 10 % меньше. По прошлогоднему опросу фирмы *Harris*, только 8% американцев считают Россию «врагом».

В России, несмотря на периодические всплески антиамериканизма в связи с Ираком, олимпиадами, «цветными» революциями, ситуация в принципе такая же. По результатам, пожалуй, самых авторитетных опросов, проводимых *Pew Global Attitudes Projects* (Вашингтон) и посвященных имиджу Соединенных Штатов в шестнадцати странах, граждане России заняли пятое место (52 %) по степени их положительного отношения к Америке (после Индии, Польши, Канады и Великобритании, опередив союзников США по НАТО – Германию, Испанию, Нидерланды и Турцию). Согласно опросу, проведенному Левада-центром, в марте 2006-го, 66 % россиян заявили, что относятся к США очень хорошо или хорошо (против 17 %, которые относятся плохо или очень плохо) – пропорция, практически не меняющаяся с декабря 2001 года. (Что же касается американского народа, то число «хорошо относящихся» зашкаливает за 80 % с февраля 2000-го.)

Так что корабль не пойдет ко дну. Но готовьтесь к сильной качке. И тошноте. Наденьте спасательные жилеты и не поддавайтесь панике.

Парадокс непостоянства

Тома Гомар

Российский внешнеполитический курс поражает как своей способностью использовать возникающие ситуации, так и неспособностью порождать новые. Соединенные Штаты и многие европейские страны активно критикуют шаги, предпринимаемые руководством Российской Федерации: их беспокоит, какие последствия для внутренней и внешней политики повлечет за собой ренационализация доходов от продажи энергоносителей. Но эти критические выступления не должны заслонять главного: по сравнению с ельцинским периодом Россия приобрела значительно бóльшую свободу действий на международной арене.

Российско-украинский газовый конфликт, с которого начался 2006 год, сделал очевидной подспудную тенденцию: Кремль намерен использовать энергоснабжение для того, чтобы продемонстрировать различия в уровне влияния между Россией и соседними государствами. Владимир Путин убежден, что фактор «энергетической безопасности» играет определяющую роль в международном соотношении сил, и перед началом председательства России в «Большой восьмерке» он посчитал, что находится в выгодном положении.

Внешняя политика России жизнеспособна хотя бы потому, что обладает свойством постоянно сбивать с толку или приводить в замешательство своих партнеров, которым приходится все время

Тома Гомар – руководитель программы Россия/Новые независимые государства в *IFRI* (Французский институт международных отношений), координатор рабочей группы по вопросам развития отношений между Европейским союзом и Россией. Данная статья была опубликована в первом номере журнала *Politique étrangère* за 2006 год. Автор выражает благодарность редакции журнала «Россия в глобальной политике» за внимание и советы.

ломать голову над ее интерпретацией. В ее основе — процесс национальной постимперской самоидентификации, обретаемой страной, в памяти которой еще живы бывшие отношения с другими государствами.

В конечном итоге внешняя политика не может не находиться под влиянием внутренней. В перспективе грядущих президентских выборов (март 2008-го) следует внимательно следить за движением «шаг назад — шаг вперед», характерным для России Владимира Путина. Парадоксальным образом его инициативы могут рассматриваться одновременно и как черты, постоянно присущие российской внешней политике, и как признак непостоянства, также носящего структурный характер.

Без сомнения, Путину удалось одержать немало побед, поскольку он смог постепенно ликвидировать многие ограничения ельцинской эпохи. Однако его долгосрочные планы не внушают доверия, и это порождает зыбкость, которая хотя и расширяет свободу действия, но не облегчает достижения поставленных задач. Президент России проводит свою политику в соответствии с существующей исторической и стратегической традицией, которую можно определить следующим образом: сохранить свободу действий, чтобы никак ей не воспользоваться.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Не углубляясь в историю российской стратегической культуры, немаловажно, тем не менее, определить некоторые ее характерные черты. С XVII века Россия строит свою *Великую стратегию* на геополитическом фоне, состоящем из трех театров действий: западного (от Балтики до Карпат), южного (от Дуная до гор Персии) и восточного (от Волги до Алтая). Политическое и военное руководство страны стремилось всегда быть готовым выступить *одновременно* на этих трех направлениях, с тем чтобы осуществлять полное господство над *heartland* (геополитическое понятие, введенное Хэлфордом Маккиндером и означающее «сердце мира», а именно «север и центр Евразии»). — Ред.).

Стремление сохранить свободу маневра любой ценой нашло выражение в системе организации управления, для которой характерны единоначалие (царь и его советники) и правящий класс, в основном состоящий из военных. В умах народа и элиты эта система

породила прямую ассоциацию между престижем государства и армии: как в царскую, так и в советскую эпохи военные задачи были важнее остальных. Основополагающий милитаризм выражается также в синдроме «осажденной крепости» и страхе вторжения, который порожден как воспоминаниями о татаро-монгольском иге (XIII–XV века), так и попытками вторжения со стороны западных государств, впрочем всегда оканчивавшимися их поражением.

Претерпев глубокие идеологические изменения, это видение мира прошло через века и ощущается даже в сегодняшнем поведении российского руководства. В умах современного политического класса, считающего себя носителем традиций царской и советской эпох, подобный «умственный инструментарий» заслоняет современные задачи самоидентификации и заставляет его осуществлять некий синтез. В поведении Путина также ощущается бремя этого двойного наследия: он хотел бы примирить царскую Россию и СССР, используя в политических целях символы и памятные события. Например, он возрождает советский гимн (декабрь 2000 года) и организует торжественное погребение в Донском монастыре останков белого генерала Антона Деникина (октябрь 2005-го).

Эта связь времен приобретает куда более спорный характер, когда речь заходит об отношении России к государствам, над которыми она ранее господствовала. Трудно даже представить себе, до какой степени прошлое властвует над умами и влияет на поступки. Примирение с соседями (в первую очередь, государствами Балтии и Польшей) означало бы для России признание неоднозначности ее собственной истории и окончательное прощание с иллюзиями. Осознание того влияния, какое оказывает история, могло бы стать первым шагом на пути, ведущем к обретению согласия с собой.

Подобное наследие делает исключительно чувствительным все, что касается суверенитета страны. Этот вопрос находится в центре любой политической дискуссии; он подвергается тщательному анализу с точки зрения внутренней или внешней опасности, которая якобы может ему угрожать. Преувеличенное значение суверенитета есть основа политики независимости, которая заключается в защите национальных интересов где угодно и когда угодно. Россияне были, есть и будут патриотами. Превращение патриотизма в национализм, а иногда и ксенофобию поощряется определенными политическими силами в собственных целях. На уровне стратегии это выражается в органической неспособности согласиться на роль чьего бы то ни было *младшего*

партнера. Поэтому не воплотились в жизнь и предположения о том, что подобного рода партнерские отношения могут возникнуть между Россией и США после событий 11 сентября 2001 года.

При Владимире Путине это стратегическое наследие проявляется на практике в трех областях.

Во-первых, сразу после своего прихода к власти российский президент начал прилагать усилия, чтобы избавить страну от бремени внешнего долга и покончить с зависимостью от международных кредиторов, существовавшей при Борисе Ельцине. В соответствии с данными Министерства финансов РФ в 2000-м внешний долг составлял 61,3 % ВВП, шестью годами позже он составляет лишь 14,8 %. Если Россия продолжит выполнять свои финансовые обязательства в том же темпе, то к 2008–2010 годам они будут в основном погашены.

Во-вторых, как глобальная (участие в деятельности международных организаций), так и двусторонняя (действия с позиции силы, в частности, на постсоветском пространстве) политика Кремля исходит из того, что территория России представляет собой стратегический перекресток. В свете этого понятие *большой игры*, нередко используемое для описания борьбы за влияние в Центральной Азии (по аналогии с российско-британским соперничеством второй половины XIX века) неправомерно: поле *большой игры*, которую ведет Москва, — это не только Центральная Азия, но и вся территория от Балкан до Дальнего Востока. Во внешней политике Путин никогда не отступает из зоны интересов.

В-третьих, путинская Россия делает все возможное, чтобы сохранить свои позиции, то есть приостановить начавшийся при Ельцине процесс потери влияния, в частности, на постсоветском пространстве. Параллельно, на всех уровнях принятия решений, Россия стремится сохранить свободу действий, чего бы это ей ни стоило. По мнению Кремля, сохранение свободы действий — это не средство, а цель.

ОДНОБОКОЕ МОГУЩЕСТВО

Свидетельством значения, придаваемого военной отрасли, является очевидный рост ассигнований на оборонные нужды. Военный бюджет Российской Федерации можно сравнить с французским, а экономику — с голландской. Следовательно, хотя Россия и остается одной из основных ядерных держав, но она не в состоянии соперничать с Соединенными Штатами, а в будущем — и с Китаем. В области технологии Россия скорее продолжает разработку уже начатых проектов, чем работает над инновационными. Хотя в стране есть

научные центры и образовательные учреждения, пользующиеся славой во всем мире, объем зарегистрированных патентов и научных публикаций российских ученых уменьшается. Кремль стремится достичь большего могущества, опираясь на энергетику, ничего не делая для технологического прогресса.

На самом деле, действуя эмпирическим путем, Владимир Путин создает некую систему энергетического сдерживания. Как и ядерное сдерживание, она опирается на свои арсенал, идеологию и ресурс доверия.

Арсенал — это запасы энергоносителей, объем их производства и пути экспорта. России принадлежат 6 % мировых запасов нефти, 31 % запасов газа, 10 % мирового производства нефти и 22 % производства газа. Кроме того, она способна контролировать маршруты транзита энергоносителей из стран СНГ, что делает ее весьма влиятельной энергетической державой.

Идеология — это научные труды и выступления Владимира Путина. В 1997 году будущий президент защитил в Санкт-Петербургском государственном горном институте кандидатскую диссертацию об использовании природных ресурсов в качестве фактора экономического развития. В работе, опубликованной в 2000-м, говорится, что развитие России должно осуществляться за счет эксплуатации ее энергетических ресурсов, а чтобы догнать индустриально развитые страны, Россия должна создать промышленно-финансовые группы, способные конкурировать с западными транснациональными корпорациями. В своем Послании Федеральному собранию в апреле 2005 года Путин объяснил возврат к контролю государства над некоторыми предприятиями необходимостью обеспечения защитных мер не только для оборонной промышленности, но и для природных ресурсов и имеющейся инфраструктуры.

Ресурс доверия к системе энергосдерживания обуславливается личным участием главы государства в заключении всех крупных соглашений в энергетической области. Он непосредственно курирует развитие отрасли, иностранные государства могут действовать только через него, инвесторы, не заручившиеся поддержкой главы государства, действуют на свой страх и риск. Иначе говоря, гарантиями инвестиций служат не правила рынка или юридический арсенал, а внимание первого лица. Основной темой своего председательства в «Большой восьмерке» Москва делает энергетическую безопасность, что, по ее мнению, представит Россию в качестве основного поставщика энергоносителей (нефть и газ) в мировом масштабе и утвердит мнение о том, что данный по-

ставщик, как бы ни повернулись события в России после 2008 года, более надежен, чем Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК).

Внешняя политика России весьма уязвима из-за двух факторов, которые обязательно дадут себя знать. Во-первых, создавая систему энергетического сдерживания, Владимир Путин забыл, что основополагающим принципом любой системы сдерживания является неприменение имеющегося оружия. Прибегая — пусть контролируемым и ограниченным образом — к прекращению поставок энергоносителей (этим приемом в свое время пользовался и Борис Ельцин), Путин уничтожает свой главный козырь. Ведь это может привести к тому, что клиенты найдут обходные пути, усугубив тем самым однобокий характер российского могущества.

Во-вторых, говоря об исторической преемственности своего курса, хозяин Кремля ставит его в жесткие рамки традиций внешней политики России, но, как ни парадоксально, проявляет удивительное непостоянство и переменчивость в определении долгосрочных целей. Без сомнения, это непостоянство объясняется не столько непредвиденными ситуациями, с которыми он сталкивается на посту президента, сколько многолетними тенденциями политики России в отношении соседних государств: контрастом между узостью стратегического мышления и обилием тактических действий. Непостоянство проявляется всегда, когда возникает необходимость придать сближению с партнером форму альянса или системы интеграции, то есть как только нужно выразить свое доверие на длительный срок. Видимо, это объясняется как унаследованной традицией подозрительности, так и неуверенностью в себе.

ИРАНСКОЕ ДОСЬЕ

Политика Москвы в отношении Тегерана — по мнению одних, весьма хитроумная, по мнению других, совершенно безответственная — является ярким проявлением непоследовательности. Решая крайне сложную проблему, способную пошатнуть сложившееся стратегическое равновесие в регионе и во всем мире, Россия стремится заниматься урегулированием лишь отдельных ее составляющих. Со стороны может показаться, что Москва пытается ее разрешить, действуя лишь в дипломатической и/или экономической областях и избегая военного и стратегического аспектов программы, проводимой соседним государством — амбициозным и агрессивным. Это еще раз свидетельствует о некоей двойственности, являющейся одновременно и причиной, и следствием российской непоследовательности.

Москва всегда выступала против понятия «государства-изгои». Она традиционно стремится укрепить свои позиции посредника между западными державами и Ираном либо Северной Кореей. Действуя подобным образом, она получает три типа дивидендов. Во-первых, эти контакты расширяют поле российской политики, поскольку дают возможность проявлять свое влияние как на Среднем, так и на Дальнем Востоке. Во-вторых, данные государства служат рынком сбыта оружия и технологий. (Игравший основную роль в годы правления Ельцина, этот источник доходов отошел сегодня на второй план в связи с ростом поступлений от продажи энергоносителей.) В-третьих, тесные связи с Ираном позволяют России пошатнуть однополярную систему влияния, в которой главную роль играют Соединенные Штаты.

Такое краткосрочное видение ситуации превращает торговлю оружием в основной рычаг политического влияния Москвы на Среднем Востоке. Сегодня Тегеран является ее третьим по значимости покупателем. Подобного рода балансирование позволяет Кремлю выступать в роли арбитра. С дипломатической точки зрения мощное противодействие, которое Москва оказывает в вопросе передачи иранского досье Совету Безопасности ООН, может быть интерпретировано как стремление сохранить поле коммерческой деятельности, приносящей немалый доход, и, главное, как желание избежать военной интервенции США.

Но со стратегической точки зрения позиции Москвы должны, в конце концов, рассматриваться в зависимости от интересов ее безопасности, и в данном случае трудно понять, как и почему она могла бы согласиться с существованием ядерного Ирана и распадом международной системы нераспространения ядерного оружия.

ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИКА?

Российскую внешнюю политику по традиции интерпретируют в зависимости от ее отношений с Европой. Подобное видение определяется как бытующим среди самих россиян глубоким убеждением, что, благодаря тесным культурным связям, Европа — их естественный партнер, так и проявляющимся у населения России стремлением приобщиться к европейскому образу жизни.

Но такое видение обманчиво. Ведь исходя из него, мы замыкаем дискуссию в традиционные рамки: как приобщиться к Европе, не потеряв при этом национальной идентичности. Иными словами, европейский анализ основывается на оценке перспектив интеграции. Москва же в основном продолжает рассуждать исходя из оцен-

ки равновесия сил. Поэтому, хотя Россия и не стремится вступать в прямое соперничество с США или же портить свои отношения с Европейским союзом, она выступает за взаимодействие, не основанное на системе принуждения либо общих ценностей.

В конечном счете непостоянство российской политики проистекает из противоречий между объективными тенденциями (связанными с географическим положением, давно укоренившимся чувством отсутствия безопасности, ограничениями, вызванными стратегическими традициями, а также демографическим спадом) и краткосрочными задачами. Прагматизм, приписываемый Владимиру Путину, выражается скорее в присущей ему способности воспользоваться возникшей ситуацией, а не в продуманном балансе между ответами на общеизвестные стратегические вызовы (среди которых прежде всего рост влияния Китая или Ирана) и зачастую импульсивными оперативными решениями.

Этот прагматизм отражает также полную неспособность строить долгосрочную политику и реализовывать ее, несмотря на возникающие препятствия. С этой точки зрения вполне логично сравнить политику в отношении западных стран, а также использование связей с Китаем либо Ираном, которые осуществлялись при Борисе Ельцине, с теми, что проводятся в годы Путина. Хотя тон и применяемые методы различны, оба президента начинали свое правление с прозападных заявлений, а в конце президентского срока курс каждого из них приобрел евразийский уклон. Евразийство же – это более или менее прямое выражение во внешней политике российского национализма, который, несомненно, укрепляет свои позиции. Это находит выражение в возвеличивании Вооруженных сил страны, яром антиамериканизме, политике вмешательства государства в экономическую деятельность, возврате к авторитарной политике и, наконец, в возрождении планов господства на постсоветском пространстве.

РОССИЯ РЕАЛЬНАЯ, РОССИЯ ВИРТУАЛЬНАЯ

Годы правления президентов Ельцина и Путина имеют, тем не менее, два существенных различия, связанных с расстановкой политических акцентов и финансовым положением страны.

Борис Ельцин возглавлял государство в период перехода к демократии и оставил Россию разоренной. Владимир Путин расквитается с долгами, однако после его ухода политическое пространство будет значительно более узким. Перемещение центра тяжести в политике выражается в возросшем влиянии националистов,

получающем подпитку, связанную с относительным ростом благосостояния в стране, которая обязана этим лишь собственным ресурсам и способности к сопротивлению.

Кратко это можно выразить следующим образом: в политической жизни «Родина» заменила «Яблоко». В то время как националисты развивают бурную деятельность, либералы всё больше теряют доверие из-за внутренних распрей и попыток доказать, что трудности переходного периода были неизбежны. Между тем основная политическая сила страны — «Единая Россия» — довольствуется тем, что защищает и выражает решения Кремля. Интеллектуальное влияние националистов находит свое наиболее яркое выражение в политике России по отношению к странам ближнего зарубежья. На практике она заключается в следующем: почти все страны СНГ настолько зависимы от Москвы в энергетической сфере, что не способны строить свое будущее без участия России. Эта зависимость становится основным рычагом дипломатического давления и придает еще более «двусторонний» характер отношениям между Москвой и соответствующими столицами.

Применяя энергетическое давление, Россия показывает свою силу и добивается уступок. Однако оно идет во вред осуществлению ее планов региональной интеграции. Это один из уроков, которые можно извлечь из газового конфликта между Москвой и Киевом. При более глубоком рассмотрении такая политика выявляет неспособность российских руководителей разработать, представить и реализовать настоящий проект интеграции, основанный на принципе совместного принятия решений. И это несмотря на наличие существенных благоприятных факторов, таких, как, например, вовлеченность этих стран в российское информационное поле. Экспансия России осуществляется сегодня через мощные капиталовложения, хотя невозможно понять, являются ли они частью общей политики или преследуют частные интересы.

Отсутствие жизнеспособных проектов региональной интеграции отражает нежелание принимать долгосрочные обязательства, основанные на взаимном доверии. В этом смысле политика Москвы остается совершенно незрелой. Россия Путина, как капризная барышня-подросток, весьма обидчива, она придает большое значение своему внешнему виду (и иногда использует слишком много косметики), заводит многочисленные романы и дуетса, когда ее не приглашают за стол вместе со взрослыми. Она считает, что живет полной жизнью, но не задумывается о будущем. Неужели ей удастся избежать обручального кольца?

Сложность анализа внешней политики России объясняется противоречием между ее постоянством и непостоянством. Тем не менее внешний наблюдатель может сделать три практических вывода.

Во-первых, необходимо понимать, что Россия сегодня уже не нуждается в помощи извне. Это полностью меняет ее отношения с Соединенными Штатами и Европейским союзом и открывает вопрос о внешнем использовании финансовых средств, источником которых являются продажа энергоносителей и внутренняя стабилизация. Судя по всему, подобная эволюция должна породить ситуацию, когда партнерские отношения с Москвой будут рассматриваться не как интеграция, а как ассоциация, позволяющая Российской Федерации развиваться в соответствии с собственной политико-экономической спецификой. Иначе говоря, Россия намерена доказать, что существующая в западных странах модель отношений между государством и обществом менее универсальна, чем там это принято считать.

Во-вторых, на уровне тактических решений Россия намерена сохранять свои позиции на постсоветском пространстве и укреплять их везде, где возникнет подобная возможность. С европейской точки зрения это означает, что необходимо начать серьезное обсуждение вопроса о новоимперском или же постимперском характере политики Владимира Путина, а также то, что время имитации моделей для России прошло и она готова взять на себя ответственность за проводимую политику.

В-третьих, с методологической точки зрения необходимо прекратить анализировать внешнюю политику Москвы с европейских позиций. Если бы Россия вела себя так, как надеялись в Европе в период краха СССР, если бы она старательно следовала демократическим правилам и соблюдала элементарные принципы рыночной экономики, то ее внешняя политика заслуживала бы меньшего внимания — ведь в своих основных проявлениях она соответствовала бы европейской системе ценностей. Однако ничего подобного не произошло, и, видимо, не стоит ожидать чуда и в ближайшие годы.

Следовательно, правила реализма диктуют нам необходимость срочно вновь взяться за толкование российской политики, чтобы как можно точнее оценить степень могущества нашей страны. Такой подход необходим для равновесия в Европе и для общей стабильности в *heartland*. Именно в связи с переменчивым характером внешней политики Москвы постоянный интерес к России требуется сейчас, быть может, больше, чем когда-либо раньше.

Революция компромиссов

Испанский урок для России

Омар Энкарнасьон

Результаты исследования гражданских и политических свобод в мире, не так давно опубликованные *Freedom House* (американская правозащитная организация. — Ред.), малоутешительны для России. В 2005 году она переместилась из группы «частично свободных» в категорию «несвободных», оказавшись единственной страной с отрицательной динамикой демократизации. По сути, эта правозащитная организация больше не считает российское общество демократическим.

Конечно, можно не соглашаться со столь резкой оценкой, как и с самой методикой определения качества демократии. Как «несвободная» страна, Россия попадает в разряд одиозных режимов, известных злоупотреблениями в области прав человека, таких, как Пакистан и раздираемый войной Ирак. Ее положение в рейтинге всего на несколько позиций выше наиболее репрессивных политических систем Китая, Кубы и Северной Кореи. Но все же нельзя отрицать, что в последние годы демократия в России деградирует, и это вызывает тревогу.

При президенте Владимире Путине в России произошла беспрецедентная со времени крушения коммунизма централизация политической власти, живо напоминающая советскую эпоху. В борьбе с чеченскими повстанцами (которая сама по себе спровоцировала массовое нарушение прав человека) российский прези-

Омар Энкарнасьон преподает в Колледже Бард (США) и пишет о политике демократизации; автор книги «Миф гражданского общества» (2003) о переходе к демократии в Испании и Бразилии. Данная статья представляет собой переработанный и дополненный вариант статьи «Испания после Франко: Уроки демократизации», опубликованной в *World Policy Journal*, Vol. XVIII (зима 2001/2002).

дент укрепил аппарат безопасности. Прямое назначение губернаторов и усложнение условий избрания в парламент для независимых кандидатов ограничило шансы на успех в ходе справедливой борьбы между политическими соперниками. Путин взял под контроль российские средства массовой информации, превратив их, как отмечалось в докладе нью-йоркского Комитета защиты журналистов (СРЖ) в 2004-м, в «пропагандистскую машину советского образца». Авторы доклада обращают внимание на то, что политический контроль за новостями стал до такой степени неприкрытым, что руководители телеканалов прямо заявляют: их главная цель — «рекламировать Путина и его политику».

В декабре 2005 года Государственная дума РФ приняла закон о неправительственных организациях, угрожающий повернуть вспять развитие гражданского общества и политического плюрализма, лишить независимые группы граждан возможности оспаривать действия правительства, реализовывать гражданские проекты в области защиты окружающей среды, прав человека, и в том числе различных меньшинств.

Может ли опыт других обществ, недавно ставших на путь демократии, помочь понять, в чем проблемы России и что способно исправить положение? На ум сразу приходит пример Испании — хотя бы потому, что социологи и политики, как правило, превозносят ее как образец успешной демократизации и модель для с трудом поднимающихся демократий.

ИСПАНИЯ – МОДЕЛЬ ДЛЯ РОССИИ?

«Испания — это чудо», — восторгается Адам Пжеворски в своей весьма содержательной книге *Democracy and the Market* («Демократия и рынок»), посвященной взаимному влиянию политических и экономических преобразований в Латинской Америке и посткоммунистическом мире. *Freedom House* отмечает завидную динамику испанского перехода. После смерти в ноябре 1975 года генералиссимуса Франсиско Франко Испания переместилась из категории «несвободных» в группу «частично свободных» стран. В результате выборов-1977 страна была объявлена «свободной», и с тех пор она остается в этой категории. Наверное, еще более впечатляющим является то обстоятельство, что по соблюдению гражданских и политических прав Испания оказалась в компании наиболее продвинутых демократий, таких, как США и Великобритания.

Успех демократических перемен в Испании в целом связывают с позитивным влиянием Европейского союза, куда она вступила в 1986-м. Европейская интеграция, конечно, сыграла важную стабилизирующую роль. Полученная от Брюсселя с 1986 по 1996 год помощь в размере более 10 млрд долларов покрывала расходы на повышение жизненного уровня, совершенствование государственной инфраструктуры и снижение экономического неравенства. В свою очередь, эволюционный путь демократизации Испании создал благоприятные условия для модернизации госаппарата, в том числе, что примечательно, институтов судебной власти, а также для принятия европейских стандартов в области гражданских и политических прав.

Впрочем, масштабы влияния ЕС на процесс демократизации в Испании, оставаясь довольно существенными, значительно преувеличены. К моменту присоединения к Евросоюзу Испания уже сформировалась как демократия, имея за плечами почти десятилетний опыт либеральных преобразований. Вступление в Европейский союз — это скорее итог, нежели локомотив демократизации.

ПОХОЖИЙ ОПЫТ

Важнее другое: исторический опыт обеих стран в чем-то совпадает. Подобно России, Испания оказалась в стороне от тех интеллектуальных и социальных изменений, которые, как считается, сформировали фундамент либеральной демократии. Речь идет о Реформации, Просвещении и промышленной революции. В результате, когда начался переходный период, сменивший почти сорокалетнюю эпоху диктатуры, Испания была практически незнакома с демократией и в этом смысле мало отличалась от посткоммунистической России.

Единственным опытом открытой, конкурентной политики вплоть до смерти диктатора в 1975 году был непродолжительный период Второй республики (1931–1939), по которому трудно судить об уровне демократического управления. Напротив, в результате только укрепилось мнение о «несхожести» с остальной Европой, а потому неспособности Испании к демократии. Хаотичная политика республиканцев спровоцировала кровавую гражданскую междоусобицу (1936–1939). Она унесла более полумиллиона жизней и привела к установлению франкистской диктатуры (1939–1975), одной из самых продолжительных в европейской истории.

Противоречивость испанской политической истории и привычка уличать испанцев в склонности к анархии и насилию объясняют, почему сразу после смерти Франко в изобилии стали появляться мрачные прогнозы (сегодня по большей части забытые). «Наивно ожидать, что смерть Франко сотворит чудо. В политическом будущем Испании я вижу много тьмы и почти никакого света; мой прогноз однозначно пессимистичен», — писал в 1976-м известный испанский социолог Хосе Амодия в книге «Политическое наследие Франко».

Вероятно, политический опыт Испании предстанет для России еще более рельефно в свете того факта, что самой острой проблемой в процессе демократизации в обеих странах стала борьба против насилия и терроризма на национальной и этнической почве. Обе страны представляют собой многонациональные государства, характеризующиеся существенным культурно-лингвистическим расчленением и длительной историей подавления региональной самобытности. И в том, и в другом случае драма демократизации разворачивается на фоне кризиса «великодержавности» под напором требований региональной автономии, а в некоторых случаях и полной независимости для этнических меньшинств. Необходимость примирить противоречия и одновременно выработать новое представление о централизованном государстве оказалась критически важна для создания устойчивой демократии в Испании, равно как и в России и других государствах, вынужденных отвечать на вызовы национализма окраин.

Наконец, Испанию, как и Россию, не остановил тот факт, что отсутствовали многие предпосылки для преобразований. Самой важной из них является такой существенный компонент успешной демократизации, как здоровое и активное гражданское общество. А это многоцветная палитра организаций и ассоциаций — от спортивно-оздоровительных групп, как, к примеру, лиги боулинга, до религиозных и неправительственных организаций (НПО).

Гражданское общество обладает целым рядом ценных качеств, позволяющих обуздать авторитаризм государственной власти и расширить возможности рядовых граждан. Однако и в Испании, и в России, и во многих посткоммунистических государствах наблюдался дефицит гражданского общества. Согласно опубликованному Мичиганским университетом Исследованию ценностей в мире (*World Values Survey*), в котором сопоставляются уровни плотности

Расколота нация

70 лет назад началась гражданская война в Испании

1. Похороны генерала Франко. Третий слева – генерал Пиночет.
2. Усыпальница генерала Франко в Долине павших под Мадридом.
3. Демонстрация сторонников Франко в 30-ю годовщину его смерти, ноябрь 2005 г.

гражданского общества, лишь треть граждан Испании принадлежит к какой-либо добровольной ассоциации — примерно столько же, сколько и в посткоммунистических странах.

Испанские демократические преобразования не могут дать чудодейственные рецепты для России и других стран, ставших на путь демократизации. Однако успех этих преобразований убедительно свидетельствует о том, что демократия — продукт навыков и талантов конкретных политиков, а не результат конституционной конфигурации гражданского общества и политических организаций или некоего макроисторического процесса, связанного с развитием экономики.

Ничто не доказывает это лучше, чем пример Испании, где переход к функциональной демократии оказался возможен лишь благодаря способности политиков к нестандартному поиску компромиссов, умению выработать нетрадиционные конституционные соглашения в целях преодоления политических и экономических затруднений. Это во многом объясняет, почему, несмотря на слабость гражданского общества, раздробленность политических институтов, безработицу и терроризм, страна не свернула с пути демократизации.

ПРЕИМУЩЕСТВО КОНСЕНСУСА

Испания заслуженно пользуется репутацией «договорной» демократии — прямое указание на ту заметную роль, которую сыграли политические компромиссы. Еще до выборов-1977, впервые после окончания гражданской войны 1936–1939 годов представители левых и правых сил совместно определились с некоторыми из наиболее спорных вопросов перехода к демократии. Ключевыми среди достигнутых договоренностей стали решение не воскрешать взаимных обвинений прошлого (так называемый «Пакт молчания») и намерение создать парламентскую монархию вместо очередной республики, а также восстановить права басков и каталонцев на автономию сразу же после принятия новой Конституции.

Консенсус, преимущества которого благотворно сказались на всем переходном периоде, — прямое следствие политических уроков прошлого и травмы гражданской войны. Политическая элита Испании, вышедшая из диктатуры Франко, твердо решила не повторять ошибок. Все свои силы архитекторы испанской демократии бросили на то, чтобы избежать раскола, который в свое время привел к

гибели Вторую республику и вверг страну в пучину гражданской войны. В этом смысле консенсус помог демонтировать институциональное наследие Франко и укрепить новый демократический режим наиболее бесконфликтным способом.

Подписание эпохального Пакта Монклоа (по названию дворца, в котором размещается правительственная резиденция. – **Ред.**) состоялось при посредничестве премьер-министра Адольфо Суареса после выборов-1977 и предвзяло разработку и принятие новой демократической Конституции 1978 года. В это соглашение, которое можно рассматривать как символ завершения гражданской войны, был вовлечен весь политический спектр – от коммунистов до христианских демократов. Пакт Монклоа поддержали и широкие слои общественности, включая работодателей, профсоюзное движение и Католическую церковь. Среди крупных политических образований лишь неофранкистская партия *Alianza Popular* и *Batasuna*, политическое крыло баскского сепаратистского движения, остались за рамками политического консенсуса, предложенного Пактом Монклоа.

Благодаря мощной поддержке общественных и политических сил это соглашение быстро получило одобрение со стороны граждан. После подписания Пакт Монклоа обсуждался в национальном парламенте, где вскоре обрел силу закона. Принятие Пакта Монклоа на законодательном уровне упрочило его легитимность и способствовало его реальному воплощению в жизнь в испанском обществе.

Наибольшую известность приобрели те аспекты Пакта Монклоа, которые имеют отношение к экономике. Страна столкнулась с необходимостью преодоления последствий мирового энергетического кризиса середины 1970-х, и согласованные меры носили безотлагательный характер. Главной заботой правительственных чиновников переходного периода стала инфляция, которая в 1977 году казалась неуправляемой. Соответственно самой важной составляющей Пакта Монклоа было сдерживание роста заработной платы на уровне 20–22 % при ожидаемой инфляции в пределах 20 %. Преследовалась цель притормозить инфляцию, одновременно предупреждая трудовые конфликты, а также стимулируя экономическую активность и прибыльность бизнеса.

Значение пакта Монклоа иногда переоценивают, но его глубокое воздействие на укрепление демократии отрицать невозможно. Положительные результаты его принятия, особенно в области экономики, не заставили себя ждать. Годовая инфляция упала с

почти с 25 % в 1977-м до 14 % в 1982-м, а темпы роста заработной платы сократились с 30 до 15 %. В отличие от многих других нарождавшихся демократий, где процесс обновления совпал с экономическим кризисом, Испанию не затронула гиперинфляция. В свою очередь, это послужило гарантией сохранения доверия к правительству не в пример многим демократиям в Южной Америке и посткоммунистических странах.

Политические выгоды от заключения Пакта Монклоа имеют исключительное значение, которое не всегда лежит на поверхности. В первую очередь очевидна его роль в объединении формировавшегося политического класса вокруг проекта демократизации и выработки кардинально новой политики. Его заслугой можно считать слияние в единое целое во имя укрепления демократии «гражданского» и «политического» сообществ: правительства, государственных чиновников, партийной системы, профсоюзов и групп работодателей. Одновременно в изоляции оказались общественные силы, способные оказать противодействие процессу демократизации: военные, террористы и правозащитные группировки.

Пакт Монклоа также способствовал созданию системы эффективного политического представительства. Наглядный пример — принятие новой демократической Конституции. В отличие от предыдущих подобных актов, и прежде всего Конституции Второй республики, правительство не ограничилось тем, чтобы спустить ее гражданам сверху. Она стала плодом договоренности, достигнутой основными политическими партиями, и была принята в той же атмосфере национального согласия, что и Пакт Монклоа.

СМЯГЧЕНИЕ И УПОРЯДОЧЕНИЕ ПРОЦЕССА РЕФОРМ

И в Испании, и в России, и в любой другой молодой демократии процесс преобразований, призванных устранить экономические ограничения и перестроить устаревшие структуры, проходил крайне болезненно. Высокий уровень безработицы до сих пор остается наиболее ощутимым следствием экономических реформ в Испании — в частности, амбициозной программы реиндустриализации, явившейся необходимым условием вступления страны в Европейский союз. В 1984-м, давая старт экономической перестройке, правительство одним махом пустило с молотка или ликвидировало десятки государственных предприятий, включая банки, автомобильные ком-

паний и сталелитейные заводы. Была осуществлена либерализация франкистского трудового законодательства, что позволило работодателям проявлять больше гибкости при найме и увольнении работников. В результате быстро и резко поднялась безработица.

В 1977–1986 годах ее средний уровень составлял 12 %, а в 1986–1990 годах достиг 18,4 %. В течение 1990-х безработица продолжала расти, и в 1994-м достигла 24 % (рекордный показатель для стран ОЭСР), или 3,7 млн трудоспособного населения. Это стало потрясением для нации, которая привыкла к почти полной занятости при Франко: с 1965 по 1974 год полуторапроцентный уровень безработицы в Испании являлся одним из самых низких в Европе.

Тем не менее резкое изменение ситуации по окончании переходного периода не поколебало уверенность граждан в необходимости демократии. Более того, партия, осуществлявшая реформы (Испанская социалистическая партия), продолжала одерживать впечатляющие победы на выборах вплоть до 1996-го. В чем же секрет?

Ответ следует искать в уникальной динамике экономических реформ в Испании. Особенно в умеренности правительства, его готовности к общественным дискуссиям и прежде всего стремлении компенсировать потери наиболее пострадавшим в ходе перемен. Этот подход противоречит так называемому «Вашингтонскому консенсусу», за который ратуют Белый дом, Всемирный банк и МВФ и который был реализован в Латинской Америке и большинстве бывших коммунистических стран. Помимо проповеди преимуществ неолиберализма и фискальных ограничений, «Вашингтонский консенсус» рекомендует «шоковую терапию», быструю приватизацию, а также создание и/или углубление рыночной экономики. Более того, из переговорного процесса предлагается исключить такие общественные организации, как профсоюзы. Сторонники шоковой терапии опасаются, что участие последних в разработке экономических реформ способно подвергнуть риску их последовательность либо, что еще хуже, вовсе затормозить их.

Испания, по сути, отказалась от большинства рекомендаций «Вашингтонского консенсуса». Для начала министры-технократы разработали стабилизационный план на 1977 год, направленный на обуздание растущей инфляции и оздоровление экономики. При этом они тщательно избегали вопросов, способных спровоцировать конфликты на политической почве и вызвать излишние риски. Вместо ставки на шоковую терапию и эксклюзивность

процесса экономической стабилизации упор делали на прямые договоренности и социальные пакты с общественными силами, включая профсоюзы.

Ориентируясь на Пакт Монклоа как на образец, представители правительства, профсоюзов и работодателей договорились о взвешенной политике в области заработной платы в период с 1977 по 1986 год. Речь шла о постепенном снижении роста заработной платы ради обуздания инфляции. В результате Испании удалось избежать драконовских мер по экономической стабилизации, осуществленных в других демократиях с переходной экономикой.

Когда на повестку дня встал вопрос о необходимости реформировать громоздкие и по большей части устаревшие госпредприятия, сохранившиеся со времен Франко и сгруппированные вокруг Государственного института промышленности (*INI*), правительство Испании действовало крайне осмотрительно. Ни одно из госпредприятий не было продано или ликвидировано до той поры, пока не удалось справиться с наиболее деликатными проблемами по созданию новой демократической системы. Таким образом, характерной особенностью Испании явилось то, что укрепление демократии и экономическая перестройка не совпали по времени.

Когда в середине 1980-х началась приватизация и стали проводить прочие реформы, испанская демократия уже твердо стояла на ногах. Кроме того, болезненные преобразования в индустриальном секторе были смягчены, поскольку одновременно создавалась разветвленная сеть департаментов социального обеспечения. В период с 1975 по 1982 год государственные расходы на пенсии, пособия по безработице, субсидии на здравоохранение и образование выросли на 39,7 % в реальном исчислении, а с 1982 по 1989 год – на 57,6 %. По отношению к ВВП социальные расходы увеличились с 9,9 % в 1975-м до 17,8 % в конце 1980-х. Эти меры были призваны компенсировать потери рабочего класса, больше других пострадавшего от экономических реформ.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Стремление различных этнических групп к региональному самоуправлению и попытки найти решение этой проблемы стали серьезным испытанием для испанской демократии и в то же время проверкой политической зрелости ее лидеров на раннем этапе преобразований. Часть военного истеблишмента, воспитанного Франко на

идеалах единой и неделимой Испании, вступила в противостояние с непримиримыми сепаратистскими движениями, склонными к насилию и требовавшими полной независимости от федерального центра. Репрессивные усилия Франко по созданию культурно и лингвистически однородной нации в конечном итоге привели к конфронтации, особенно в Стране Басков, которая в постпереходный период превратилась в полигон сражений за региональное самоуправление.

Попытки диктатора уничтожить уникальное культурное наследие баскского народа вызвали к жизни «*Эускадия Аскатасуна*» («Родина и свобода басков», больше известная как ЭТА) – самую грозную террористическую группировку в Европе. Однако если в 60-е годы прошлого века насилие со стороны ЭТА ограничивалось актами вандализма, взрывами памятников и минированием участков Национальной гвардии (жандармерия), то с приходом более открытого общества террористическая тактика этой организации претерпела существенные изменения.

Убийство премьер-министра генерала Луиса Карреро Бланко – близкого друга и единомышленника Франко – в 1973-м стало свидетельством способности ЭТА бросать прямой вызов государству. Разоблачением режима Франко ЭТА воспользовалась, чтобы навязать испанскому народу господство террора. Сегодня эта организация несет ответственность за гибель 800 человек в результате многочисленных политических убийств, похищения людей и подрыва бомб. Все эти террористические акты были нацелены на дестабилизацию демократического устройства.

Главная стратегия правительства во взаимоотношениях с националистическими группировками заключалась в том, чтобы гарантировать региональным лидерам положительное решение проблемы самоуправления. Основатели испанской демократии были твердо убеждены, что сохранение либерального устройства и территориальной целостности Испании зависит от успешной децентрализации государственной власти. И после разработки соответствующих конституционных процедур они приступили к выполнению своих обязательств. Процессу передачи полномочий регионам предшествовала реорганизация политической системы, включая одобрение испанским народом новой демократической Конституции. Эти подготовительные мероприятия позволили делегировать значительные полномочия регионам при поддержке федерального центра, кото-

рый тем самым укрепил и узаконил свою власть. Таким образом, демократизация и децентрализация оказывали друг на друга взаимокрепляющее воздействие.

Благодаря этому Испания избежала югославского сценария, при котором региональные выборы, учреждения и программы фактически подорвали и уничтожили общегосударственные учреждения. К тому времени, когда региональные органы стали обретать свое политическое лицо и превращаться в соперников нового режима, в Испании уже существовала относительно устойчивая и прочно сплетенная сеть государственных политических структур. Их эластичность позволила нации не только устоять перед насилием со стороны ЭТА, но и успешно противодействовать мятежу военных в 1981 году, который вспыхнул в ответ на предоставление ограниченного самоуправления каталонцам и баскам. Атака военных на демократию отражала их уверенность в том, что государство трещит по швам и только недемократическое правительство способно сплотить нацию и не допустить развала.

Кроме того, новая испанская демократия располагала политическим инструментарием, для того чтобы удовлетворить требования регионального самоуправления. Новая Конституция допускает тонкости толкования, поскольку признаёт, с одной стороны, унитарную природу государства в противовес федеральному устройству, а с другой — наличие многочисленных «национальностей» и право регионов и их народов добиваться самостоятельности. Понятно, что допускаемый Конституцией компромисс способен вызвать новые конфликты, поскольку идет навстречу как центристам, так и сепаратистам. Однако тем самым был облегчен самый масштабный в Западной Европе послевоенного периода процесс передачи полномочий от центра регионам.

К середине 1980-х Испания превратилась в некую совокупность из 17 автономий, управляемых выборными законодательными органами и наделенных правами осуществлять властные полномочия, предоставляемые им центральной администрацией в Мадриде. Пусть неофициально, но на практике это означает федеральное устройство страны. Образование, социальная и культурная политика, обеспечение правопорядка и налогообложение в значительной степени находятся под контролем региональных администраций.

Большинство басков одобрили устав автономии в 1979 году, и данные опросов общественного мнения показывают, что с тех пор баск-

ская общественность продолжает его поддерживать. Исследования Университета Страны Басков свидетельствуют о том, что 30 % жителей «удовлетворены» существующим договором с центром, 40 % «частично удовлетворены» (видимо, их больше устроило бы дальнейшее расширение полномочий) и 25 % испытывают неудовлетворенность.

Что касается политического статуса Страны Басков, то 32 % поддерживают статус-кво (автономию), 35 % предпочитают федеральное устройство и 30 % настаивают на полной независимости. Конечно, расширение баскского самоуправления не привело к умиротворению ЭТА, которая требует полного отделения от Испании. Однако эти меры не позволили ЭТА представить испанские властные структуры в виде колониальных притеснителей (что с самого начала являлось ее главной целью) и настроить басков против Мадрида. В свою очередь это предотвратило перерождение внутрибаскского конфликта в противостояние «рядовых басков центральной власти» и не позволило дискредитировать Испанию как демократическое государство.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO

FOREIGN AFFAIRS

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (386)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Рынки без границ

“Демократические страны, как правило, не воюют друг с другом, но в целом их готовность применить оружие не уступает боевому настрою других государств. Более того, оказалось, что развивающиеся демократические страны и развивающиеся диктаторские режимы одинаково воинственны”

Россия и глобализация *Георгий Вельяминов*

88

Глобально интегрированное предприятие *Самьюэл Палмизано*

106

Экономическая свобода и международный мир *Эрик Гартцке*

117

Трудовая миграция: факторы и альтернативы *Сергей Иванов*

129

Россия и глобализация

Георгий Вельяминов

Вступление России в глобализирующийся мир, ее активное участие в международных структурах, в том числе ожидающееся членство во Всемирной торговой организации (ВТО), требуют глубокого осознания сущности, истоков и перспектив глобализационных процессов. Глобализация — понятие не правовое, а экономическое, политическое и социальное. Речь идет о всесторонней планетарно ориентированной экспансии, осуществляемой отдельными индивидами, коллективами, государствами и межгосударственными объединениями в таких сферах, как торговля, финансы, промышленность, коммуникация, информатика, наука, техника, культура, религия, преступность и пр., и сопровождающейся конвергенцией (сближение различных цивилизационных систем, стирание различий между ними. — Ред.).

История глобализации, восходящая к эпохе Римской империи (*Pax Romana*), есть по большей части история вестернизации. Современная глобальная политика зародилась, по мнению исследователей, в XIV—XVII веках — в период начальной европейской экспансии. Нынешний этап развития глобализации характеризуется ее беспрецедентным географическим охватом, интенсивностью и масштабностью торгово-промышленных и финансовых трансграничных трансфертов. Такие не зависящие непосредственно от глобализации факторы, как распад колониальной системы, крушение социалистического сообщества, а также научно-техническая и коммуникационная революция, обеспечили ей мощную материальную базу.

Г.М. Вельяминов — д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН; арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ.

На сегодняшний день глобальный капитализм и свободный рынок — это наиболее эффективный мотор экономического прогресса, они же, увы, содействуют увеличению судьбоносного разрыва между бедностью и богатством (или, по крайней мере, оказываются не в состоянии его сократить), деградации окружающей среды и массовой культуры. Но процесс глобализации исторически не постоянен; годы активизации сменяются периодами спада и дезинтернационализации. Что касается современного витка глобализации, то согласно прогнозу группы английских ученых, сделанному в 1999 году, предвидится «после сдвига в сторону более регулируемой формы глобализации переход к поверхностной глобализации (поскольку протекционизм, эксклюзивный регионализм и национализм одерживают верх), а затем — к более хищной форме неолиберальной экономической глобализации».

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Локомотивом построения глобализационной системы являются Соединенные Штаты. Между современной глобализацией и панамериканизмом вполне уместно поставить знак равенства. Как утверждают в своем капитальном исследовании «Империя» ученые Майкл Хардт и Антонио Негри, «образ американского правительства как мирового жандарма... сформировался не в 1960-е и даже не на первом этапе холодной войны, а начиная с периода советской революции и, возможно, с еще более ранних времен... Мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта (постоянно отодвигаемая под натиском непрерывной экспансии граница. — **Г.В.**) в открытое пространство имперского (имеется в виду американского. — **Г.В.**) суверенитета».

Идеологической базой глобально-имперских притязаний Америки служит (прежде всего со времен президента Вудро Вильсона) мессианская идея об исключительной демократическо-цивилизаторской миссии США, подразумевающей построение *Pax Americana*. Эта провиденциальная (провиденциализм — понимание процесса всего мирового развития как проявления воли Провидения, осуществления божественного плана «спасения» человека. — **Ред.**) идея владеет умами и нынешних американских строителей всемирной империи. С 1990-х годов администрация Соединенных Штатов взяла открытый курс на глобальное военно-стратегическое доминирование. По словам бывшего президента Билла Клинтона, американский народ и Конгресс должны быть готовы платить за сохранение

своего лидерства, в том числе иногда и «жизнями американцев». (Агрессия в Ираке, осуществленная уже при президенте Джордже Буше-младшем, показала, что это не пустые слова.)

Что касается торгово-финансовой глобализации, то здесь политика Вашингтона определяется экономическими интересами большого капитала США. При этом все реальные «успехи» такой глобализации практически сосредоточены в сфере экономического экспансионизма (международная торговля, финансовые трансферты и инвестиции, промышленность). Можно, правда, говорить и об «успехе» военной глобализации, в которую вовлечено шесть стран: США, Великобритания, Япония, Франция, Швеция и Германия, каждая из которых играет свою роль в структуре мирового военного порядка, «что имеет важные политические последствия, разрушающие само понятие независимой государственности» (Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон, в книге: Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура).

Даже так называемая культурная глобализация, по сути, не более чем маргинальный продукт торговой экспансии, причем движущей силой глобального распространения массовой культуры является культурная индустрия Соединенных Штатов. «В конце концов и Голливуд, и такие компании, как *Microsoft* и *AT&T*, занимаются тем, что делают деньги», — отмечают эксперты.

Социальная составляющая глобализации оценивается со знаком минус. По словам профессора Иллинойского университета (США) Роберта Макчесни, «политика глобализации привела к значительному росту социального и экономического неравенства, к заметному ухудшению положения беднейших наций и народов мира...». В программном документе *United States Command, Vision for 2020* отмечается, что «глобализация мировой экономики продолжается, а пропасть между “имущими” и “неимущими” возрастает». Этот разрыв и есть питательная среда преступности, терроризма, наркомании и т. д. Однако для исправления такой ситуации ничего не делается.

Глобализация оказывает пагубное воздействие также и на окружающую среду. Даже скромная попытка ограничить загрязненность атмосферы на многосторонней основе (Киотский протокол 1997-го, предусматривающий установление для стран-участниц квот на выброс парниковых газов) не была поддержана самыми главными «загрязнителями» — Соединенными Штатами и Китаем.

Важнейшая системообразующая особенность современной глобализации — ее ярко выраженная управляемость. Хотя глобализационные процессы объективно обусловлены общей интернационализацией жизни на планете и, казалось бы, стихийны, на самом деле они умело направляются в русло рыночной экономики, в рамки ее концептуально капиталистической, неолиберальной модели. «Глобализация далека от того, чтобы оставаться просто “вне контроля”, она, напротив, представляет собой объект новых форм многостороннего регулирования и многостороннего управления... разные и осознанные политические или экономические проекты национальных элит и межнациональных социальных сил», — утверждают Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон. Главной руководящей силой, несомненно, являются США — оплот международного мегакапитала.

Наиболее действенный и надежный метод управления — *право*. Однако глобализация, как таковая, не может напрямую формировать право, ибо последнее есть выражение *государственной* воли, а международное право (в том числе в экономической области) выражает *согласованные* воли государств. В современном мире такое согласование происходит в ходе переговоров в первую очередь между странами — членами международных организаций; а торгово-экономические глобализационные отношения регулируются в рамках ВТО.

Явственное воздействие контролируемой экономической глобализации на реальное многостороннее правотворчество наблюдается только в сфере международной торговли прежде всего промышленными товарами, а также в связанной с торговлей защитой интеллектуальной собственности и инвестиций. Что касается регулирования валютно-финансовых отношений, с крахом Бреттон-Вудской системы (1972) валютные курсы, транснациональные трансферты капитала существенно не регулируются на многостороннем международно-правовом уровне. Это же касается и сферы производства. Как пишут солидные английские исследователи, сегодня «глобализацию производства осуществляют в значительной мере многонациональные корпорации..., остающиеся стержнем современной мировой экономики». Около 25 % всех крупнейших ТНК базируются в Соединенных Штатах. Для ТНК, естественно, какое-либо государственное или межгосударственное вмешательство в их деятельность отнюдь не желательно. Но при этом в отношении прямых инвестиций в страны с так называемыми некоммерческими (политическими) рисками

защита от таковых оказывается весьма востребованной, и она осуществляется в рамках в основном двусторонних международных соглашений о поощрении и защите инвестиций, а также на базе Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (*MIGA*).

СТОРОННИКИ, ПРОТИВНИКИ И ИДЕЙНЫЕ ВДОХНОВИТЕЛИ

Сущность и перспективы глобализации оцениваются учеными по-разному.

Ортодоксы-глобалисты (гиперглобалисты) — Кенечи Омае, Джеймс Редвуд, Милтон Фридман, Пол Кеннеди, Энн Слотер и др. — рассматривают глобализацию как новую эру глобальной цивилизации, движущими силами которой являются капитализм и новые технологии. Национальные государства переживают упадок, а людские судьбы полностью зависят от порядков на мировом рынке.

По мнению **трансформистов** (Барри Аксфорд, Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон, Джеймс Розенау, Энтони Гидденс и др.), глобализация глубоко трансформирует мировую политику, государственную власть и общество, которые пытаются адаптироваться к более взаимосвязанному и быстро меняющемуся миру. Однако, поскольку интеграции сопутствует фрагментация, стабильность дальнейшего развития глобализации ставится этими учеными под сомнение.

Скептики (Пол Хирст, Грэхем Томпсон, Джордж Аллен, Роберт Гилпин, Найель Фергюссон и др.) считают, что глобализация — миф. Речь может идти только о трех основных региональных блоках, конфликте цивилизаций и маргинализации Юга. Власть национальных правительств остается неизменной и весьма сильной, интернационализация зависит от согласия между государствами. Мир сегодня даже менее взаимозависим, чем в 90-е годы XIX столетия.

Антиглобалисты (Ноам Хомский, Роберт Макчесни, Алекс Каллиникос, Наоми Кляйн, Сьюзен Джордж, Ричард Фальк и др.), некоторые из которых сами себя называют **альтерглобалистами**, фактически выступают не против самого процесса глобализации, а против его целей (служить корыстным интересам мегакапитала) и методов. Сопrotивление современной однобокой глобализации — «всеобщей товаризации и приватизации мира» (Каллиникос) — реализуется в интернациональном, то есть как раз глобальном, масштабе, правда, иногда и в форме уличных беспорядков.

Идейным фундаментом рыночной глобализации является **неолиберализм**. По мнению его адептов, альтернативы свободному рынку нет. Как отмечает в своей книге «Капитализм и свобода» неолиберальный гуру Милтон Фридман, поскольку достижение прибыли есть сущность демократии, любое правительство, проводящее антирыночную политику, является антидемократичным.

Будучи своего рода вероучением, неолиберализм окружен ореолом сакральности: бог этой «религии» — Капитал; храм — свободный рынок. Есть и свое евангелие — так называемый «Вашингтонский консенсус» (комплекс мер, рекомендуемых странам для реформирования их экономики. — **Ред.**). Этот термин, введенный в политический обиход в конце прошлого века экономистом Джоном Уильямсоном, служит для обозначения лишь виртуального консенсуса великих мира сего, принимающих в отношении более уязвимых стран и сообществ важнейшие решения, которые реализуются через международные учреждения, в основном подконтрольные Соединенным Штатам. В данном произведении, излагающем, в сущности, догматы неолиберализма, предлагаются такие подходы, как либерализация цен и финансов, приватизация, дерегулирование экономики государством. (Прощай, учение достопочтенного Джона Мейнарда Кейнса, утверждавшего, что стабильность капитализма зависит от государственного вмешательства в обеспечение занятости!) Проповедуются финансово-бюджетная дисциплина с приоритетностью расходов на государственные нужды, либеральные налоговые реформы, обуздание инфляции; конкуренция валютных курсов; прямые иностранные инвестиции и «святая святых» — либерализация торговли.

Между тем преобладающая ныне неолиберальная парадигма глобализации не столь безобидна, как полагают многие из ее самых горячих сторонников. После окончания Второй мировой войны либерализация под флагом свободной конкуренции, рассматриваемой как панацея от всех бед, стала стержнем Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), флаг этот и поныне развевается над ВТО. Однако, как свидетельствует профессор Массачусеттского университета (США) Ноам Хомский, «конкуренция встречается на рынках довольно редко. Большая часть экономики контролируется огромными корпорациями, которые безраздельно господствуют на своих рынках».

В результате под эгидой ГАТТ в рамках, по сути, всего капиталистического мира была осуществлена впечатляющая програм-

ма *правовой* либерализации импортных таможенных тарифов для *промышленных* товаров. Средний уровень импортных пошлин на них был снижен в странах – участницах ГАТТ с 40 % (1948 г.) до менее 4 % в 1990-е годы *ad valorem* (соответственно стоимости товара. – **Ред.**). Однако либерализация, изначально провозгласившая принцип: *laisser faire, laisser passer* («не мешайте деловой активности, не мешайте пересечению границ». – **Ред.**), приобрела весьма однобокий характер, поскольку подразумевает, что бедные и слабые страны должны открыть свои рынки для промышленных товаров из богатых и сильных государств, последние же оставляют за собой право на протекционистскую защиту от аграрного, текстильного и иного импорта из слабых стран. Такую модель можно назвать экстравертным либерализмом, который нацелен на либерализацию не собственного, а зарубежного рынка. Иначе говоря, возникает особого рода протекционизм экспорта собственной продукции на иностранных рынках. Страстный поборник принципа *laisser faire* Рональд Рейган «...защитил американскую промышленность от конкуренции со стороны импортных товаров в большей степени ... чем все его предшественники, вместе взятые» (Хомский).

Но почему более слабые страны пошли на такое неравное сотрудничество, к тому же юридически закрепленное? Чтобы вынудить их к этому, было задействовано множество экономических и политических рычагов – например, угроза лишения кредитов, финансовой и гуманитарной помощи. «Долги развивающихся стран послу-

Тысячи южноамериканских девушек овладели американизированным искусством стриптиза. Оно символизирует способ действия североамериканских монополий, раздевающих догола население Латинской Америки.
Херлуф Бидstrup, 1973 г.

жили для МВФ и МБРР рычагом, чтобы заставить правительства стран Третьего мира принять в 1980-е годы неолиберальные программы “структурного регулирования”, а крах коммунизма позволил США оказать регионам [...] в Восточной Европе и в бывшем СССР содействие в проведении “шоковой терапии» (Уолден Белло). А кроме того, лучше играть вторые роли, нежели быть аутсайдерами либо, что еще хуже, странами-изгоями...

ЧЛЕНСТВО РОССИИ В ВТО: ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Столпом правового регулирования международной торговли является Всемирная торговая организация и, главное, комплекс действующих под ее эгидой свыше пятидесяти многосторонних соглашений, охватывающих широкий спектр международной торговли.

Упорядочивающий и гармонизирующий правовой эффект данной системы – серьезный мотив стремления Российского государства обрести статус ее участника. Сам факт подачи Москвой официальной заявки (1993) должен пониматься как осознание на государственном уровне полезности членства в этой организации. Важным стимулом для участия в ВТО служит и возможность использования механизма урегулирования споров в ВТО, хотя механизм этот не является исключительно правовым (*rule oriented*), но включает и элементы дипло-

матического (*power oriented*) метода разрешения споров посредством переговоров. При этом значительную роль играет Орган по урегулированию споров (фактически Генеральный совет ВТО), выполняющий скорее роль дипломатического форума, нежели процессуально-правовую функцию, но возможности воспользоваться этим инструментарием Россия получит сразу же после своего вступления, чего не скажешь о других, вообще довольно проблематичных, выгодах.

Отечественные ученые – специалисты по международному экономическому праву неоднозначно относятся к перспективе присоединения нашей страны к ВТО. Владимир Шумилов, например, весьма оптимистичен: он прогнозирует возникновение «глобально-экономического пространства» и дальнейшее развитие и укрепление права ВТО. С другой стороны, Сергей Григорян утверждает, что «нет оснований для априорных ожиданий, что вступление России в ВТО даже на относительно приемлемых условиях существенно поможет решить ее экономические проблемы. Возможно, наоборот». Столь же скептически относится к данному вопросу автор этих строк, поскольку в рамках торгово-финансовой глобализации, и соответственно в ВТО, Россия сильно рискует оказаться в рядах Юга.

Какие же надводные и подводные рифы ожидают нашу страну в бурных водах океана мировой торговли?

Первое. Организационно-правовое регулирование современной международной торговли в рамках ВТО концептуально остается и на сегодня непосредственным продуктом неолиберальной, рыночной глобализации – процесса, возглавляемого наиболее агрессивным американским мега-капиталом. Всё новые и новые, зачастую явно выходящие за пределы компетенции ВТО требования и вступительные «экзамены», которым подвергается Россия, со всей очевидностью служат одной единственной цели, согласующейся с американской политикой сдерживания, – любой ценой задержать вступление России в ВТО. «Мы сознаем, что членство России может существенно изменить соотношение сил», – признаётся заместитель генерального директора ВТО Родерик Эббот.

Второе. При вступлении в ВТО Россия автоматически становится жертвой экстравертной либерализации: сомнительно, что она быстро сможет (если вообще ей это удастся) стать нетто-экспортером промышленных товаров и тем самым влиться в клуб стран богатого Севера. Во всяком случае России придется широко открыть ворота для импорта иностранных индустриальных товаров.

Наиболее эффективный способ быстрой индустриализации — мощная инвестиционная, налоговая и протекционистская (в отношении иностранной конкуренции) государственная поддержка. Но беда как раз в том, что все подобные меры запрещаются или подавляются правилами ВТО в свете неолиберальной концепции свободной конкуренции.

Третье. В ходе более чем полувекового процесса неолиберализации международной торговли западные страны успешно сопротивляются требованиям Юга отменить «западный» аграрный протекционизм, а также протекционизм в отношении промышленного производства Юга, в котором он конкурентоспособен на западных рынках (текстиль, готовая одежда и аналогичные товары). Продукция стран Третьего мира остается невостребованной, а аграрная продукция Севера продается в развивающихся государствах иногда даже дешевле, чем собственная. Как отмечал бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда Хорст Кёлер, вся помощь, получаемая бедными странами, гораздо меньше тех средств, которые они теряют в силу протекционистских мер развитых стран. В таких условиях России, имеющей огромный потенциал аграрного производства продовольствия и сырья, едва ли удастся занять соответствующее место на мировых рынках.

Четвертое. Страны Запада предпочитают свободу игры и на рынках сырья. На практике это ведет к хищнической эксплуатации ресурсов планеты в интересах крупных корпораций. Заложниками этой модели волей-неволей становятся государства, экономика которых зависит от производства и экспорта сырья: они превращаются в сырьевые придатки развитых государств, поскольку иностранные инвестиции и кредиты направляются именно в сырьевое производство.

Россия после распада СССР и социалистического лагеря быстро превратилась в страну, по сути зависящую от экспорта энергетического и иного сырья. (В 1990-е кредиты Всемирного банка шли прежде всего в нефтегазовый и угольный секторы нашей экономики). Единственная возможность удержать страну от ее превращения в сырьевой придаток Европы (а также США, Китая и других государств) — это концептуально вернуться к политике бывшего СССР, когда на доходы от экспорта сырья строились, в частности, крупные промышленные предприятия. Во всяком случае, не приходится уповать на применение правовых рычагов в рамках ВТО и прочих ме-

ждународных организаций с целью содействовать индустриализации сырье-добывающих стран.

Пятое. Торговля услугами развивается исключительно быстро, значительно опережая темпы роста торговли товарами. Между тем национальные рынки услуг повсеместно подпадают под протекционистскую защиту. Во многих странах разные виды услуг часто монополизированы государственным сектором (железные дороги, водоснабжение, электроэнергетика, связь и т. д.). Все это не способствует формированию действительно свободного рынка услуг и его эффективному международно-правовому регулированию, в котором заинтересованы наиболее конкурентоспособные в этой области страны, прежде всего Соединенные Штаты.

Хотя в 1994 году и было заключено Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), предоставление допуска на внутренний рынок иностранных предприятий по конкретным видам услуг и на условиях национального режима, однако, практически остается в компетенции национальных государств. Но в ходе переговоров государства могут принимать на себя в рамках ГАТС так называемые конкретные (специфические) обязательства заморозить существующие национальные ограничения по допуску иностранных услуг и не ужесточать их.

При вступлении во Всемирную торговую организацию России следует по примеру других стран обеспечить защиту своего рынка услуг, особенно в страховом и банковском бизнесе, где иностранная конкуренция особо опасна. Конечно, открытие транспортного транзита через Россию было бы выгодно трубопроводным, авиа- и автопредприятиям западных стран, но где же свободный транзит между Калининградским эксклавом и остальной Россией? Нельзя не напомнить и о так называемых соглашениях об односторонних «добровольных ограничениях» экспорта, которые Вашингтон использовал в 1990-е для того, чтобы оказывать грубое давление на Россию, Китай и Украину с целью максимально тормозить их выход на мировой рынок торговли услугами в области запусков космических спутников ракетами-носителями.

Шестое. В полном противоречии с неолиберальным принципом свободы конкуренции ведущие либерализаторы — развитые капиталистические страны во главе с Соединенными Штатами — активно используют, в том числе в отношении России, протекционизм и дискриминацию во всем спектре внешней торговли (нередко и в

своих политических интересах). Имеется в виду, в частности, непропорциональное применение торговой блокады, эмбарго, бойкота и других силовых мер в отношении политически неугодных стран; неоправданное использование антидемпинговых мер, чрезвычайных защитных мер. Это и прямое манипулирование, если не шантаж, с предоставлением финансовой помощи странам в обмен на их политическую, военную поддержку.

По оценкам Министерства экономического развития и торговли РФ, Россия находится на втором месте после Китая по числу мер, которые применяются, нередко необоснованно, против ее товаров. Самый одиозный пример: американская так называемая поправка Джексона–Вэника, действующая с 1974 года в отношении СССР, а потом России. Эта поправка предусматривает невозможность применения в торговых отношениях режима наибольшего благоприятствования к странам, препятствующим эмиграции своих граждан (в случае СССР это были лица еврейской национальности). Поправка не отменена и до сих пор, хотя ограничений для выезда евреев из России давно нет.

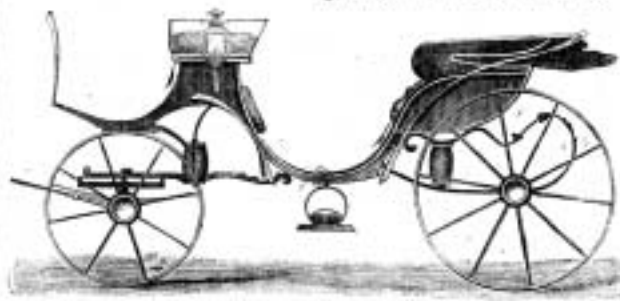
Седьмое. В рамках Марракешского пакета соглашений (1994) было заключено Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (*TRIPS*) с благой целью защиты от пиратства авторских и патентных прав, принадлежащих прежде всего правообладателям западных стран. При этом размах производства контрафактной продукции прямо пропорционален взвинченным монопольными ценам на продукцию, защищаемую исключительными правами. Фармацевтические гиганты Севера не желают, к примеру, снижать монопольные цены или делать патентные (лицензионные) послабления для производства в странах Юга так называемых антиретровирусных препаратов, широко и эффективно применяемых на Севере для борьбы со СПИДом, но недоступных на Юге в силу их дороговизны. Священное право собственности, справедливо обеспечиваемое правилами ВТО, как обычно, не в ладах с социальной справедливостью.

Другим важным документом Марракешского пакета является Соглашение о торговых аспектах инвестиционных мер (*TRIMS*), направленное на недопущение нарушений неолиберальных принципов свободы конкуренции в странах — импортерах инвестиций. Оговоренные *TRIMS* запреты, в частности касающиеся практики допуска и использования иностранных инвестиций на условиях достижения страной-импортером определенных экономических ре-

РЕЗИНОВЫЯ БУФЕРНЫЯ РЕССОРЫ

СИСТЕМЫ А. П. ЭНГЕЛЬГАРДТА

патент № 5120 и 3104.

Торгов. Управляющ. Русско-Американской Резиновой Мануфактуры въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 4216

Заказъ на всякомъ родѣ резины производится въ:
 въ С.-Петербургѣ:
 А. А. Байковъ, Литейный просп., д. № 15.
 П. Роткинъ, на Московскомъ шоссе, въ Колпачекской ул., д. № 5.
 въ Варшавѣ:
 Шведская резиновая фабрика, Герушковская ул., д. № 42-25.
 въ Прагѣ:
 Промышленная резиновая фабрика П. К. Фельд-Габеленскы, Младенской гудерны, Какошиновского рынка, ст. Хитчинъ.
 въ Екатеринбургѣ:
 Шведская Резиновая Фабрика, Голубинская Фабрика и часть города и округа для резиновой промышленности резины вслѣдствіе разности товаровъ и качества. № 4217 3-1

Всякая вещь для всякаго заказчика фотографирована. Предлагается № 4216
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.
 Штук съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
 Штукъ поменьше съ снимкомъ на одну минуту.
 Намера пожеланію можетъ быть въ одну рубль.
 Хорошіе результаты. Пробова съими: 20 к.
 Единственный продажа для всѣхъ Россіи.
 Краткое описание выгнано въ фотографическомъ журнальцѣ бесплатно. Адресомъ для всякаго заказчика въ какомуто мѣстѣ, съ полнымъ объясненіемъ, платится въ 15 рублей. Восточной и западной фотографической промышленности
СЕГАДѢ ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
БРУНО ЗЕНГЕРЬ и К^о
 Фотограф. С.-Петербургъ. НЕВСКАЯ ПЛ., № 25-1

Одна вещь удивительнаго свойства выдана.
СЕРНИКИ.
 Самые лучшіе и дешевые въ настоящее время, употребляемые по полу и количеству отъ 8-20 марокъ, а также отъ 20-200 марокъ. Азия, Австралія, Гамбургъ, Сибирь, 15-20 мар. Фабрика 20-25 мар. Цитры 18-20 мар. Татары 8-10 мар. Препарируемая штука. Въ каждомъ изъ нихъ. Небольшое количество для употребления въ 1/2 р. Машина для выжиганья. Изготовленіе въ Варшавѣ, Саратовѣ, С.-Петербургѣ и др. Полнѣйшая информация. Предъявленіе бесплатно.
Бр. Вольфъ.
 Фабрика серническихъ инструментовъ. П. № 4124. Варшава. 5-5

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и простота. Введена во всѣхъ Министерствъ и во множ. армейскихъ и частныхъ учрежд.
 Предъявленіе, одомъ, многократно, отъ Правительства и другихъ учреждений, выглашено бесплатно. № 2749
 Единственный складъ для всѣхъ Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кураевской мостъ. В. Морская, 21.

Употребляемая въ С.-Петербургѣ. Воспитательномъ Дамъ
МОЛОЧНАЯ МУКА
 для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
 Паров. фабр. **ВЛНГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ С.-П.
 Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АРУХЪ**, Колодецкая, 18-19, въ С.-Петербургѣ.
 Его подпись должна быть на каждой упаковке:
 Цена 90 к. за шестидесять фунтъ. пересылка. Произведена въ Латвіи, извѣстна въ всѣхъ Россіи. 5.20 171 17-1

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 Главные дѣла № 4202
 Изготовитель инструментовъ и вещей. С.-Петербургъ, П. Морская, № 24 и 40 (близко № 2 и 43). Москва, Кураевской мостъ, д. Захаркина.

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНИИ
ФАБРИКИ Г. Ф. КАЛЬБЕ.
 Фигурными въ 40, 50, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 20 и 25 р.
 Дугарными въ 15, 16, 18, 19, 20, 25, 25, 30 р. и атласны въ 10 и 22 р.
 Треугольными въ 60 р., а также въ 30, 50 и 70 р.
 Синоупчель. Сохраняетъ на 1 годъ. Наилучше же на 15 к. и 1 р. въ четверть.
 Намера, предъявленіе бесплатно. Продажа оптомъ и въ розницу.
Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главные дѣла № 4202
 Изготовитель инструментовъ и вещей. С.-Петербургъ, П. Морская, № 24 и 40 (близко № 2 и 43). Москва, Кураевской мостъ, д. Захаркина.

ЭММЪ ЛЕНГАРТЪ и К^о.
 Изготовитель инструментовъ и вещей. С.-Петербургъ, П. Морская, № 24 и 40 (близко № 2 и 43). Москва, Кураевской мостъ, д. Захаркина.

**ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ**

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СТИАНЪ (Жерика) Франкш.
Находится во вѣсѣхъ аптекахъ, мно-
гочисленныя лавочки и аптекарскія ма-
газинныя.

**Противъ насморка—бронхита
КАПСЮЛИ ГЮЙО**
Примъ ЗА КАНДОЙ ЪДОЙ дой капсулы.
CAPSULES GUYOT.

Примеде вышеназв. эти бѣлыя перцы в покрывн для примъ, высуе на сол бѣлы
и востов в кувшнхъ.
На каждой кандой выдана канда Гюйо. Н. № 4891 9—2
Дозежъ, содержащій въ себѣ 20 Гюйо, высуеисае вышеназв. высуеисае.

Примеде. Дале в
вѣсѣхъ, которыя по до
гуежъ, высуеисае эти
высуеисае, бѣды высуеисае
ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REVALENT
приготовленной
19, rue Jacob.

Требуемъ
на высуеисае
може сав-
фуциому под-
нимъ прелъ
чѣныюже
Во вѣсѣхъ
аптекахъ,
Отосана фабрикацїи: 19, rue Jacob, Paris.

**ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА
ДЛЯ ХОЛИ и ШИГОСТИ**

УСОЖЪ
Главный складъ въ Петербургѣ, магазинъ
СПБ. 52. ВАРСАНЪ, 52, Невский пр.
При посещенїи 1 р. 2. нѣмъ высуеисае
може высуеисае, высуеисае одна банка
высуеисае во вѣсѣхъ города Ревель. № 4410

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЮЗНИНЪ

высуеисае чѣты сообщенъ, чѣты высуеисае
чѣты черную краску, которыя высуеисае
высуеисае высуеисае высуеисае «Нива», № 2100

**ТУАЛЕТНАЯ
МЫЛА**
ЛУИ БУНСЬ И КО
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

Huste-Nicht
НЕ КАШЛЯЙ!
Л. Г. ПИТТЕРЪ и К^о
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

Bauschule Strelitz i. M.
Bauschule Strelitz i. M.
Bauschule Strelitz i. M.

НОВОСТЬ!
НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
БЕЗЪ ШВА,
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

А. РАЛЛЕ и К^о
ПРИДВОРНЫЕ
ПОСТАВЩИКИ
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
НАСТОЯЩАГО ЦВѢТНАГО
О-ДЕ-КОЛОНА
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ
1889 года.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
БРОКАРЪ и К^о
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

АЛКЕСТЕРЪ
и МОЗОЛЕЙ
БРОДАВКЪ
Складъ фабрики: 19, rue Jacob, Paris.

Глобализация, век XIX.
Рекламы импортных
товаров из журнала
«Нива», 1890 г.

зультатов (*“performance requirements”*), не отвечают потребностям индустриального развития России.

Восьмое. После окончания Второй мировой войны и крушения колониальной системы перед развитыми капиталистическими странами встала проблема сохранения традиционных и установления новых экономических связей со ставшими юридически независимыми странами Третьего мира. Чтобы удержать развивающиеся страны в орбите капиталистического мира, применялись как «политика кнута» (Вьетнам, Гренада), так и «политика пряника» — целенаправленная финансовая помощь, на практике оказавшаяся более продуктивной, чем «кнут».

Принцип уважения прав человека и основных свобод превратился при этом в удобный предлог для интервенции (в том числе гуманитарной) и для вмешательства во внутренние дела, разумеется, обычно более слабых государств: ведь нарушение прав и свобод человека при желании можно обнаружить в любой стране. К примеру, когда первоначальный повод для нападения на Ирак — ликвидация оружия массового уничтожения — «лопнул», агрессор переключился на защиту прав и свобод человека.

Россия многократно испытала и испытывает на себе двойные стандарты в применении данного принципа. Это, к примеру, с одной стороны, навязчивые обвинения в излишнем применении силы и ущемлении прав человека в Чечне, и с другой — отказ выдавать в Россию чеченских террористов, укрывающихся за рубежом, или нежелание признать факт дискриминации русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии.

Девятое. В настоящее время происходит масштабный рост участия государств, как таковых, в торгово-экономических отношениях с контрагентами — субъектами частного права других государств («диагональные» отношения). Соответствующие сделки с «торгующими государствами» частные партнеры заключают обычно на условиях обеспечения имущественной ответственности государства на случай неисполнения им своих обязательств и часто с условием применения права тех государств, на территории которых находятся соответствующие частные лица. Эта практика способствовала постепенно отходу от концепции *абсолютного* государственного иммунитета и от невозможности привлечения государства к суду в другом государстве в силу принципа *par in parem non habet jurisdictionem* (равный равному неподсуден). В результате во внутреннем

праве отдельных государств (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Россия) возникло и постепенно закреплялось понимание государственного иммунитета как *функционального*. Это означает, что государство имеет право на иммунитет от властных действий другого государства только тогда, когда выполняет свои суверенные, властные функции — *jure imperii*, но не тогда, когда выступает в качестве торгового, коммерческого партнера в частно-правовых отношениях.

Концепция функционального иммунитета применяется и к Российскому государству в случаях его участия на коммерческих условиях в мировых торговых отношениях. Необходимо иметь, однако, в виду, что принцип функциональности применим не ко всей полноте государственного иммунитета (включая дипломатический иммунитет), а лишь к одной из его составляющих — к судебному, процессуальному иммунитету.

Десятое. Развитие «диагональных» сделок и других контрактов между предприятиями развитых и развивающихся стран привело к уходу от применения «нежелательного» законодательства (юрисдикции) прежде всего развивающихся стран, в том числе ориентированного на развитие национальной экономики и на решение социальных задач, то есть законодательства, применимого к соответствующим трансграничным сделкам и возникающим на их основе спорам.

Появляются теории, утверждающие особые, самодостаточные «внегосударственные» правовые системы или методы, которые должны заменять как международное, так и национальное право. Это так называемые «транснациональное право», «мягкое право», т.н. *lex mercatoria* (купеческое право), концепции самодостаточности частно-правового контракта («контракт без права»), трактуемого как исчерпывающее право для сторон.

Все это укладывается в далеко идущие задачи дискредитации национально-этноисторической концепции права, грядущего создания мирового правительства, «мирового права» и т. п. и ведет к подрыву четкой правовой основы международных экономических отношений, к замене ее правом силы. В отсутствие ясного закона и его надежного обеспечения верх берут «кулачное право», «самопомощь», вплоть до физического устранения оппонентов.

В этой связи нельзя обойти вниманием и угрозу, связанную со стремлением внедрять методы экстерриториального действия аме-

риканских законов за пределами страны. Свежим одиозным примером может служить решение Верховного суда США, позволяющее судам низших инстанций разбирать дела, касающиеся европейской собственности (иск американской гражданки Марии Альтман к австрийскому правительству о возврате ей хранящихся в Государственном музее Австрии шести ценных картин из коллекции Фердинанда Блох-Бауэра — австрийского еврея, покинувшего страну в 1938 году). Это решение способно спровоцировать новую волну возврата собственности, принадлежавшей евреям до периода нацистской оккупации.

Разумеется, всякие эвентуальные посягательства на российское юрисдикционное поле со стороны любого иностранного экстерриториального законодательства крайне опасны и недопустимы. В условиях, когда правовое регулирование в международных организациях и в двусторонних отношениях зависит от воли Вашингтона и поддерживающих его стран, твердые правовые основы международных отношений для России исключительно важны.

Одиннадцатое. Транснациональные корпорации (ТНК) оказывают двоякое экономическое, политическое и социальное воздействие. С одной стороны, их инвестиционная и торговая деятельность стимулирует и ускоряет развитие экономики принимающих стран. С другой — они используют свою мощь для давления на политику стран — импортеров капитала, часто нанося ущерб национальным интересам последних, допускают налоговые и коррупционные злоупотребления, отказываются принимать местную юрисдикцию, требуя особых льгот и привилегий, предпринимают попытки получить иммунитет статуса субъекта международного публичного права и т. п.

Деятельность ТНК в России, разумеется, ничем не отличается от их практики в других странах, особенно в развивающихся. Международно-правовая защита от негативных элементов этой деятельности отвечала бы российским интересам.

Двенадцатое. Развитие рыночной глобализации и усиление террористической активности — процессы параллельные и взаимосвязанные. Терроризм коренится не только в бедности, но скорее, в углубляющейся пропасти между бедностью и богатством, в желании добиться успеха любой ценой, в использовании террора в политических целях, в том числе на путях сепаратизма и религиозного экстремизма. Вместе с тем провозглашение борьбы с терроризмом чуть ли не главной задачей международного сотрудничества, утвержде-

ние «права» на превентивное, упреждающее применение военной силы против угрозы терроризма, поиски очагов терроризма в странах-изгоях направлены не столько на противостояние террору, сколько на достижение своекорыстных целей Вашингтона.

Совпадение в России торжества неолиберальной политики с возникновением и расцветом терроризма, конечно, тоже не случайно. «Наш» терроризм в немалой степени является следствием нашего же неолиберализма, и борьба с первым бесполезна без отказа от доминанты второго. Ведь неолиберальные реформы 1990-х уже привели к тому, что только по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в 2005 году за чертой бедности находилось около 15 % населения России, т. е. более 20 млн человек.

* * *

Приведенный выше перечень трудностей и угроз, предстоящих перед Россией, разумеется, не исчерпывающий. Кардинально же важно то, что экономический курс российского правительства и на сегодня продолжает быть радикально неолиберальным, по сути, антиконституционным (Статья 7 Конституции РФ прямо гласит, что Россия – социальное государство). Очевидно, что сохранение неолиберального курса оказывается возможным только в результате сложившегося в стране номенклатурного управления. «Номенклатура, бюрократия, ранее допустившая до власти взращенных ею же олигархов, а также либералов, решила, что может управлять страной самостоятельно. [...] выбрана худшая модель развития страны» (Гавриил Попов). Утвердилась модель, обкатанная и проявившая продуктивность в олигархической экономике США: ставка на индивидуализм, жесткую конкуренцию, материальный успех любой ценой, бездуховность, наличие резерва дешевой рабочей силы, невмешательство в экономический процесс государства с его социальными функциями. Модель, грубо противоречащая историческому опыту, ментальности, уровню жизни, национальному укладу большинства населения нашей страны. А потому обреченная у нас на провал.

Глобально интегрированное предприятие

Самьюэл Палмизано

НА СМЕНУ МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНЫМ КОРПОРАЦИЯМ

Мультинациональная корпорация (МНК), в которой часто видят основной фактор глобализации, обретает новую форму, одинаково перспективную как для бизнеса, так и для общества в целом. Смысл этой новой разновидности предприятия с точки зрения бизнеса становится понятен, если рассматривать его не как «мультинациональный», а как «глобальный» проект.

На протяжении длительного исторического периода МНК постоянно развивалась, и в конце XX века она имела мало общего с международными компаниями позапрошлого столетия, последние же в свое время существенно отличались от великих торговых компаний XVIII века. Возникновение современной организационной формы бизнеса, каковой является глобально интегрированное предприятие, сопровождалось столь же стремительными переменами.

Многие участники дебатов о глобализации ошибочно пытаются проецировать в будущее сегодняшний или даже вчерашний день корпораций. Причем это одинаково характерно как для приверженцев свободного рынка, так и для противников глобализации. Между тем в ответ на императивы глобализации и новых технологий коренным образом меняются структура, деятельность и корпоративная культура деловых предприятий. Как генеральному директору и председателю совета директоров *IBM* мне приходилось непосредственно наблюдать этот процесс и на своем предприятии, и на при-

Самьюэл Палмизано — председатель совета директоров, президент и генеральный директор *IBM*. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 3 (май — июнь) за 2006 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

мере наших клиентов. У меня сложилось убеждение, что регулирующие органы, научное сообщество, неправительственные организации, общественные деятели и руководители бизнеса продолжают уделять слишком много внимания моделям прошлого, вместо того чтобы с пользой для дела подумать о глобальных корпорациях будущего и их значении в развитии новых подходов к вопросам регулирования, образования, профессиональной и коммерческой деятельности.

ЭВОЛЮЦИЯ КОРПОРАЦИИ

В своих ранних формах корпорации создавались государством. Правительства учреждали их на основе устава и санкционировали выполнение ими определенных поручений. Положение несколько изменилось в XIX столетии, когда Великобритания, Соединенные Штаты и другие страны стали наделять владельцев компаний ограниченным правом на самостоятельность, предоставляя корпорациям более свободный статус независимых «юридических лиц».

Корпорации, которые можно назвать международными, начали появляться в середине XIX века. Акционерные компании, организационно представлявшие собой простую сеть предприятий с центральным узлом и периферийными ответвлениями, создавали и контролировали международные торговые маршруты, часто полагаясь при этом на то, что будут находиться под защитой армий своих стран. В некоторых отраслях такие корпорации использовали торговые пути для импорта сырья (алмазы, каучук, чай и нефть) и экспорта готовой продукции (шоколад, мыло, маргарин и другие потребительские товары промышленного производства). Основной структурный принцип внутреннего производства и международного товарооборота находил одинаковое применение практически во всех отраслях.

Начало следующего этапа в жизни корпораций совпадает с 1914 годом, Первой мировой войной и последующим крахом экономик США и Европы. Сеть международных корпораций, в основе функционирования которой лежала необходимость постоянного внешнего товарообмена, оказалась заблокированной. Протекционизм, получивший широкое распространение в 1920–1930-е, сопровождался повышением тарифов, ужесточением валютного контроля и других торговых ограничений. В ответ бизнес начал эволюционировать в сторону сегодняшних МНК, представлявших

собой своего рода гибрид. С одной стороны, они приспособлялись к торговым барьерам, создавая местное производство. Такие американские МНК, как *General Motors* и *Ford*, например, строили автомобильные заводы в Европе и Азии, что позволяло им сбывать продукцию на основных местных рынках, не подвергаясь тарифным штрафам. С другой стороны, МНК брали на себя выполнение некоторых глобальных задач, таких, как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и проектирование изделий.

Разумеется, в XX столетии появился целый ряд получивших мировое признание продуктов – от кока-колы до фирменных плееров *Sony*. Их успешное продвижение по планете явилось ярким свидетельством возрастающей роли брендинга и маркетинга. Однако в большинстве своем корпорации продолжали организовывать производство на базе отдельных рынков, в пределах традиционных границ национальных государств.

И все же в последние три десятилетия XX века мировая экономика претерпела серию значительных перемен. Во-первых, ослабли узлы экономического национализма, что привело к снижению торговых и инвестиционных барьеров. В результате изменилось представление компаний о приемлемых типах глобализации. Во-вторых, с начала 1970-х годов революция в сфере информационных технологий (ИТ) на несколько порядков улучшила качество и снизила стоимость коммуникаций и деловых операций, имеющих место на мировом уровне. А самое главное, вслед за ней произошла стандартизация технологий и деловых операций во всем мире, что способствовало упрощению деятельности компаний и развитию связей между ними. Сочетание общедоступных технологий и общепринятых деловых стандартов, использующих информационные технологии и коммуникационную инфраструктуру, изменило представление компаний о возможных типах глобализации.

В совокупности новые представления о том, что разрешается и что возможно, привели к углублению процесса корпоративной глобализации, переместив акцент с продукции на производство – с того, что производить, на то, как производить; с того, какие услуги предлагать, на то, каким должен быть способ их предоставления. Попросту говоря, возникающее сегодня глобально интегрированное предприятие – это компания, чья стратегия, управление и операции направлены на достижение новой цели: интегрирование производст-

ва и экономичное предоставление товаров и услуг во всемирном масштабе. Государственные границы во все меньшей степени определяют способ мышления и практическую деятельность корпораций.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Переход от мультинациональных корпораций к глобально интегрированным предприятиям принял две четкие формы. Во-первых, произошли изменения в выборе места производства продукции. Во-вторых, перемены коснулись кандидатуры производителя. До недавнего времени компании, как правило, предпочитали производить товары ближе к месту сбыта. Как следствие, большая часть иностранных инвестиций направлялась на конкретные зарубежные рынки. Сегодня иностранные инвестиции по-прежнему осуществляются вкладчиком с намерением получить доступ к важным источникам зарубежного спроса, но более значительную часть капитала компании вкладывают в целях изменения способа поставок на всем глобальном рынке в целом. Глобальная интеграция производства способствует снижению затрат и привлекает новые источники профессиональных навыков и знаний.

Самые заметные перемены в этом отношении можно наблюдать в Китае и Индии. Согласно одной из оценок, только в период с 2000 по 2003 год зарубежные фирмы открыли в КНР 60 тысяч производств. Некоторые из фабрик нацелены на местный китайский рынок, остальные направлены на освоение глобального рынка. Европейские химические компании, японские производители автомобилей и индустриальные конгломераты из США – все они уже приступили или объявили о намерении приступить к строительству фабрик в Китае, с тем чтобы затем осуществлять поставки продукции на мировые экспортные рынки. Аналогичным образом банки, страховые компании, фирмы по предоставлению профессиональных услуг и ИТ-компании создают научно-исследовательские центры и центры обслуживания в Индии для поддержки сотрудников, клиентов и производств во всем мире.

Подобные изменения выходят далеко за пределы Китая и Индии. Американские рентгенологи посылают рентгенограммы для оцифровки в Австралию. Центры обслуживания потребителей в Новой Шотландии обрабатывают гарантийные запросы покупателей из Соединенных Штатов. Закупочные центры в Маниле занимаются подготовкой документов по корпоративным решениям о закупках

от имени крупных и мелких фирм со всего мира. Вспомогательные офисы брокерско-дилерских компаний в Дублине обрабатывают сделки с производными ценными бумагами для глобальных инвестиционных банков. В США европейские биотехнические и фармацевтические компании, такие, как *Roche*, *Boehringer Ingelheim* и *Eppendorf*, строят производственные и научно-исследовательские центры для поддержки глобальных исследований и производства. А изготовители чипов, как *Samsung* и *Infineon Technologies*, а также производители оборудования по созданию чипов, как *Tokyo Electron*, используют американские инженерные кадры и ноу-хау для совершенствования производственных технологий. Повсюду экономическая активность обращается вовне за счет принятия общих деловых и технологических стандартов, позволяющих бизнесу подключиться к поистине глобальной системе производства.

Эти общие стандарты одновременно предоставляют компаниям возможность выбора производителей. По мере того как наряду с одинаковыми методами ведения бизнеса распространяются и соответствующие способы связи, компании передают внешним специалистам все больший объем работ, который раньше они выполняли самостоятельно. От взаимодействия со вспомогательными офисами, например по обработке счетов или управлению льготами для сотрудников, до сбыта научно-исследовательских разработок и предоставления технической поддержки клиентам.

Ранее корпорация рассматривалась как совокупность филиалов, бизнес-подразделений или производственных линий, находящихся на территории одной страны. (Например, 30 лет назад *IBM* во многих отношениях воплощала собой эталон мультинациональной корпорации. За последнее десятилетие в ответ на развитие глобализации и новых технологий *IBM* и ее клиенты изменились и с точки зрения структуры, и с точки зрения оперативной организации и корпоративной культуры.) Сегодня распространение аутсорсинга поощряет компании рассматривать себя как стройную систему специализированных элементов: закупки, производство, исследования, продажи, распространение и т. д. По каждой из этих составляющих глобальная интеграция хозяйственной деятельности заставляет компании выбирать, где они предпочитают выполнять данную работу, хотят ли они выполнять ее сами или с опорой на привлеченных извне партнеров. (Например, *Procter & Gamble* полагается на внешних специалистов в том, что касается почти всех сфер своего бизнеса.) Тем са-

мым корпорация превращается в сочетание как тесно переплетающихся, так и слабо связанных между собой разнообразных функций и профессиональных навыков и интегрирует эти элементы деловой активности и производства на глобальной основе. Этот простой перечень изменений, затронувших цели и миссию корпораций, влечет за собой дальнейшие сдвиги.

СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Глобально интегрированное предприятие потребует радикально новых подходов к производству, распространению, а также подбору и расстановке кадров, что, собственно, уже происходит. Поскольку новые технологии и бизнес-модели позволяют компаниям относиться к своим разнообразным функциям и операциям как к отдельным элементам, фирмы имеют возможность производить с ними различные комбинации. Они могут членить и соединять их между собой, исходя из стратегической оценки того, какие операции позволят данной компании добиться необходимых результатов самостоятельно, а какие она предпочтет передоверить своим партнерам.

Подобные решения принимаются не просто в целях разгрузки компании от второстепенной работы или спекуляции на разнице в цене рабочей силы. Они призваны развязать узел проблем, связанных с развитием активного менеджмента. Имеется в виду использование различных операций, человеческого опыта и знаний, а также потенциальных возможностей, с тем чтобы сделать предприятие открытым в самых разных отношениях и позволить ему установить более тесную связь с партнерами, поставщиками и клиентами. Это становится реальностью благодаря чрезвычайно интенсивному росту числа сервисных фирм, предоставляющих специализированные услуги.

Например, *IMS Health* управляет продукцией фармацевтических компаний, *Celestica* производит электронное оборудование, *State Street* управляет финансовыми активами, *Industrial Light & Magic* создает передовые спецэффекты для киноиндустрии, а *International Flavors & Fragrances* разрабатывает вкусы и ароматы для потребительских товаров, производимых другими компаниями. Новые формы сотрудничества распространяются повсеместно, начиная со все более сложных межкорпоративных производственных сетей и кончая спросом на программное компьютерное обеспечение с открытым исходным кодом, которое помогло преобразить традиционную

модель инноваций. Сегодня инновации не могут быть результатом деятельности талантливых одиночек, пытающихся что-то изобрести на своих чердаках. Это процесс, объединяющий деятельность разных людей, а также их знания и опыт в области технологий и маркетинга. Открытые подходы, о которых идет речь, распространяются далеко не только на разработку программного обеспечения и ИТ, они влияют также на такие сферы, как образование, государственное управление и на многие промышленные отрасли.

Достижение устойчивого конкурентного преимущества зависит не только от производительности или изобретательности. Сегодня более чем когда-либо залогом успеха является сочетание изобретательского таланта и интуиции, позволяющее преобразовать привычный ход деятельности. Настоящая инновация – это не просто разработка и запуск в производство новых продуктов. Это также способ предоставления услуг, интегрирования бизнес-процессов, управления компаниями и институтами, способ передачи знаний, формирования социальной политики, а также участия в этом процессе различных предприятий, сообществ, организаций и извлечения ими из всего этого преимуществ.

Исследователь технологического прогресса Карлота Перес считает, что мы вступаем в золотой век глубинных инноваций. Она утверждает, что за последние 250 лет появление каждой из пяти групп технологических инноваций – искусственные каналы и ирригационные системы; паровые двигатели и железные дороги; производство стали, электричество и тяжелое машиностроение; выпуск автомобилей, нефть и массовое производство; компьютеризация и телекоммуникации – сначала вызывало неконтролируемый рост, затем фазу выправления, наконец, несколько десятилетий стабильного применения по мере интеграции революционной технологии в функционирование бизнеса и общества.

Информационные и сетевые технологии, явившись поначалу причиной бурного роста, а затем коллапса электронного бизнеса, вступают сегодня в стадию интеграции. Тесная связь между всемирной интеграцией и инновациями вовсе не случайна, учитывая изначально глобальный характер используемых технологий. В свою очередь, по мере того как двойной императив интеграции и инновации обнаруживает неэффективность и даже избыточность старых сетей МНК, становится все очевиднее, что корпоративная модель XX века уже не является оптимальной для осуществления инноваций.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Глобально интегрированные предприятия способны принести значительные выгоды как развитым, так и развивающимся странам. Интеграция рабочей силы в развивающихся странах в глобальные системы производства уже сейчас повышает уровень жизни, улучшает условия труда и создает дополнительные рабочие места. Эти изменения создают особые преимущества для развития мелкого и среднего бизнеса. На сегодняшний день и мелкий, и средний бизнес повсеместно извлекают выгоду. По мере того как новые услуги — начиная с администрирования операций и кончая поддержкой продаж — создают инфраструктуру, которая раньше была доступна только крупным организациям, мелкому и среднему бизнесу теперь также открывается дверь для участия в глобальной экономике.

Возьмем, например, *Bharti Enterprises*, которая благодаря всепроникающей сети и за счет знаний и ресурсов внешних партнеров превратилась в крупнейшего провайдера телекоммуникационных услуг в частном секторе Индии. Эта компания пользуется аутсорсингом для своих основных операций, высвобождая инвестиционный капитал и не упуская, таким образом, возможностей развития. *Bharti* применяет совершенно новые методы работы во всем, что касается планирования роста, способов обслуживания клиентов и развертывания новых сетевых возможностей. В результате в 2005 году доходы компании увеличились более чем на 60 %, а абонентская база за последнюю пару лет расширилась примерно с 7 до 18 миллионов единиц.

Таких примеров будет становиться все больше и больше. Однако переход к модели глобально интегрированного предприятия сопряжен с серьезными проблемами для тех, кто стоит у руководства в любой из сфер общества. Сам факт получения равного доступа к процессу производства и рынку со стороны все большего числа людей во всем мире означает резкий подъем коммерческой деятельности и обострение конкурентной борьбы. И несмотря на последующее изобилие и появление новых возможностей, это может также привести к нарушениям нормального хода производства и обеспокоенности, что в совокупности представляет угрозу для глобальной интеграции. Законные опасения, касающиеся потери рабочих мест и нехватки квалифицированной рабочей силы, следует трезво и конструктивно анализировать.

Самая важная и стоящая особняком проблема, возникающая сегодня при переходе к глобально интегрированным предприятиям (и

одновременно соображение, на основе которого принимается большинство деловых решений), — это потребность в высококвалифицированных кадрах. И государства, и компании обязаны вкладывать капитал в более качественные программы общего и специального образования и обучения. Необходим также качественно новый подход к управлению. Иерархические, командно-административные методы управления больше не работают. Они воздвигают преграды на пути свободного перемещения информационного потока внутри компаний, стесняют живой, подвижный и сотворческий дух современного предприятия.

Вторым по важности шагом должно стать разумное регулирование вопросов интеллектуальной собственности во всем мире. С одной стороны, пиратство покушается на права отдельных изобретателей и лишает их стимулов, и с ним необходимо бороться. С другой стороны, следует всячески оберегать и поощрять сотрудничество между корпорациями и их партнерами, поставщиками и клиентами — основу современных инноваций, а также интеграции технологий и бизнес-моделей. Необходимо найти баланс между этими двумя интересами и последовательно отстаивать его соблюдение во всем мире. В противном случае огромный инновационный потенциал глобально интегрированной экономики будет ослаблен.

Интеллектуальная собственность обещает стать одной из ключевых геополитических проблем XXI века. К счастью, уже опробуются некоторые новые подающие надежды подходы. Уже сейчас внимание переключается с защиты интеллектуальной собственности, что требует ограничивать ее использование, на максимизацию интеллектуального капитала, в основе которой — совместная собственность, инвестиции и капитализация.

Третья проблема заключается в том, удастся ли нам найти способ сохранить доверие внутри предприятий, работающих в соответствии с бизнес-моделями, которые приобретают всё более рассредоточенный характер. Стандарты управления, прозрачности, конфиденциальности и качества той или иной компании должны оставаться неизблемыми, даже если производство и операции последней рассредоточены среди множества различных организаций по всему миру. Недостаточно полагаться на иерархический принцип управления, идет ли речь о должностной иерархии, предприятии или государстве, — его необходимо дополнить новыми способами установления доверия, основанными на разделяемых ценностях, ко-

которые не знают государственных границ и формальных преград отдельных организаций.

И наконец, глобальная корпоративная интеграция приведет к значительным изменениям в организационной культуре, вызовет к жизни новые формы партнерства между предприятиями и сегментами общества, будет способствовать появлению новых стандартов управления гораздо более сложно структурированными рынками. Эти изменения, не менее кардинальные, чем переход от вертикальной интеграции и массового производства вековой давности к сегодняшним интегрированным цепочкам поставок, займут немало времени.

Глобально интегрированное предприятие, по сути, представляет собой более эффективный и выгодный способ организации бизнеса, но рынки капиталов изобилуют деньгами, вложенными в краткосрочные быстрокупаемые проекты. Движение в сторону глобально интегрированного предприятия потребует от лидеров бизнеса долгосрочного планирования и непрерывных инвестиций, не говоря уже о необходимости сосредоточиться не на перспективной окупаемости, а на реальных доходах, которые являются источником капитала, вкладываемого в рост и инновации. Это также потребует терпения и понимания от акционеров.

ГЛОБАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Распространение общих технологий и деловых стандартов создает беспрецедентные возможности для дальнейшей глобальной интеграции не только в рамках каждого отдельного сектора общества, но и между всеми секторами в целом. По мере того как границы, разделяющие традиционные «сословия», становятся всё более размытыми, новые деловые предприятия получают возможность внести свой вклад в виде ранее неизвестных форм торговли, обучения и передовых методов управления. Лидеры государств найдут в бизнесе надежного партнера. На него можно положиться в таких областях, как реформирование здравоохранения и образования, безопасность мировых торговых путей и электронной коммерции, обучение и обеспечение правоспособности перемещенных и лишенных собственности лиц, решение проблем охраны окружающей среды и борьбы с инфекционными заболеваниями, преодоление множества других вызовов глобализации.

Среди безотлагательных проблем, которые предстоит решать возникающим глобальным институтам во всех сферах общества,

следует указать на глобальную безопасность и порядок. Их отсутствие делает тщетными все остальные усилия. Лишь уверенность в том, что геополитические отношения, от которых зависит инвестиционный климат, будут стабильными и долгосрочными, позволит компаниям инвестировать в глобальные системы производства. В отсутствие оной инвестирование прекратится.

Одну из положительных тенденций укрепления глобальной стабильности составляет всемирный рост горизонтальных, межправительственных объединений, включающих регулирующие и законодательные органы. Можно провести любопытную аналогию между этими объединениями, построенными на общих профессиональных стандартах и родстве транснациональных экспертных сообществ, с одной стороны, и новыми формами организации работы в бизнесе, такими, как глобально интегрированные цепочки поставок, коммерческие «экосистемы» и сообщества разработчиков открытых исходных кодов, — с другой.

Альтернатива глобальной интеграции не выглядит привлекательной. Если оставить ее без внимания, недовольство глобализацией только возрастет. Люди в конечном итоге могут сделать выбор в пользу правительств, склонных принять жесткое торговое или трудовое законодательство, и — не исключено — крайне протекционистского толка. Хуже того, могут проявиться наиболее экстремистские формы национализма, ксенофобии и антимодернизма. Переход от МНК к глобально интегрированным предприятиям откроет пространство одновременно для развития бизнеса и социального прогресса. Вместе с тем это сопряжено со слишком серьезными и взаимосвязанными проблемами, которые не под силу решить бизнесу или государству поодиночке.

Глобально интегрированное предприятие может сыграть новую перспективную роль на мировой сцене. Сегодня лидеры в сфере бизнеса, государственного управления, образования и гражданское общество в целом должны ближе познакомиться с набирающей обороты динамикой глобально интегрированного предприятия. А главное — помочь ему достичь степени зрелости, при которой оно будет способствовать социальному, экономическому и гуманитарному прогрессу на планете.

Экономическая свобода и международный мир

Эрик Гартцке

Период сравнительно мирного существования продолжается на большей части нашей планеты уже довольно давно — с тех пор, как закончилась Вторая мировая война. Чтобы и впредь избежать губительных войн, необходимо выяснить причины, по которым сегодняшние державы менее склонны к конфликтам, чем их предшественники.

ЧТО ДВИЖЕТ МИРОМ?

Классическая либеральная теория обуславливает состояние мира между государствами двумя факторами. Первый из них связан с формой и практикой правления. Он был выявлен еще Иммануилом Кантом, который ошибочно считал, что республиканской форме правления свойственна наименьшая степень воинственности. Современные исследователи установили, что демократические страны, как правило, не воюют друг с другом, но в целом их готовность применить оружие не уступает боевому настрою других государств. Более того, оказалось, что развивающиеся демократические страны и развивающиеся диктаторские режимы одинаково воинственны. Политика, призванная сделать бедные страны демократическими, не может гарантировать ни политической стабильности, ни мира между народами.

Второе условие установления мира — наличие свободного рынка и частной собственности. Именно экономическая свобода является

Эрик Гартцке — профессор Колумбийского университета (США), исследователь вопросов происхождения войн и конфликтов в современном мире. Данный материал представляет собой выдержки из главы II «Обзора экономической свободы в мире: доклад за 2005 год». Текст любезно предоставлен интернет-порталом www.cato.ru, где публикуется полный вариант обзора.

одним из немногих факторов, в целом препятствующих межгосударственным конфликтам. Капитализм позитивно сказывается на межгосударственном сотрудничестве, поскольку формирует ситуацию, когда война становится малопривлекательной или ненужной. Свободный рынок создает такую сферу межгосударственной конкуренции, в которой возникающие конфликты могут быть урегулированы без обращения к военной силе. Преобразование торговли, ставшее возможным благодаря экономической свободе, также ведет к трансформации международных отношений. Вооруженный захват становится делом дорогостоящим и неприбыльным: не так-то просто «присвоить» силой изобилие, порождаемое современной экономикой.

Ричард Кобден (британский политик XIX века, лидер движения за свободу торговли. — **Ред.**) называл торговлю «великой панацеей, которая, подобно благотворному медицинскому открытию, позволит привить здоровый и спасительный вкус к цивилизации всем странам мира». Кант верил, что «дух торговли, несовместимый с войной, рано или поздно возобладает в любом государстве». По мнению Джона Стюарта Милля, «именно торговля быстро делает войну ненужной, поддерживая и приумножая личные интересы, находящиеся в естественной оппозиции к войне». Проблема, конечно, заключается в том, что Милль был неправ. Многочисленные войны и локальные конфликты отделяют сегодняшний день от XIX столетия — эпохи целомудренного оптимизма либеральных политэкономистов.

Идеи приходят и уходят в зависимости от имеющих место событий. Когда на рынке царит изобилие, легко утверждать, что капитализм делает государства менее воинственными. Государственные деятели и мыслители конца XIX века связывали свободный рынок с миром между народами, но в результате в 1914 году Европу охватила война. Когда же миру угрожают экономические и политические кризисы, несложно принять точку зрения Томаса Гоббса («война всех против всех»).

Несмотря на свидетельства того, что свободные и трудолюбивые нации обычно оказываются менее воинственными, ученые времен холодной войны, сторонники так называемой «реалистической школы» в международных отношениях (такие, как Кеннет Уолтс и Джон Меерсхеймер) утверждали, что всемирные экономические связи не играют большой роли в делах государства. Гораздо более правдоподобной выглядит идея о том, что связи между экономиче-

ской свободой и миром между народами и странами не носят абсолютного характера, а представляют собой тенденцию, которая осложняется вероятностной природой социальных явлений и которой противостоят многочисленные стимулы, побуждающие к войне.

На сегодняшний день существует множество доказательств того, что наличие стран со свободной экономикой содействует сокращению числа международных конфликтов. Разработана методология, позволяющая установить относительно прочную корреляцию между этими явлениями. Применяя статистический анализ к мировой политике, мы можем избавиться от постоянных столкновений между различными теориями, основанными лишь на многочисленных, не подтвержденных фактами гипотезах. Более глубокое понимание того, как свободный рынок освобождает государство от необходимости вступать в войну, способно упрочить и даже приумножить мир между развитыми капиталистическими государствами.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Норман Энджелл, горячий сторонник либерализма, удостоенный Нобелевской премии мира (1934. — Ред.), полагал, что международный мир является результатом экономического прогресса. Мол, развитие приводит к таким изменениям в производственном процессе, которые делают вторжение и завоевание неприбыльным, а значит, и непривлекательным.

«За последнюю четверть X века, — писал Энджелл, — викинг Анлаф трижды вторгнулся в Эссекс и каждый раз хорошо на этом наживался. [...] Помня о том, что движущие силы истории и мотивы человеческих поступков остались неизменными, я попытался представить себе британцев [...] тысячу лет спустя: и вот наши моряки нагружают корабли сельскохозяйственными и промышленными товарами Скандинавского полуострова».

Трудно, однако, вообразить моряков британского военно-морского флота в роли мародеров-викингов. Гораздо легче представить себе на их месте Гитлера, Муссолини и Хидэки Годзио. Эти лидеры заглядывались на эпохи, когда государственная мощь усиливалась благодаря территориальному росту. И все же можно утверждать, что в ходе Второй мировой войны экономическое развитие в определенных ситуациях удерживало страны от конфликтов. Война с Западной Европой была задумана из стратегических соображений — для запу-

гивания Франции и Великобритании, а не для захвата ресурсов. Что касается территориальных претензий стран «оси», то они касались бедных государств на экономической периферии Европы.

За исключением Финляндии, ни одна из Скандинавских стран не была атакована с целью захвата территории. Германское вторжение в Норвегию имело целью прежде всего предотвратить запланированную высадку войск Англии и Франции. Последние со своей стороны стремились защитить северные морские пути и отрезать Германии доступ к сырьевым ресурсам, что приобретало смысл только в широком военном контексте.

Гитлер не ударил по Швеции – богатейшей стране и ключевому поставщику железной руды. Это не значит, что ее не затронула война. Нацистские чиновники использовали значительный дисбаланс сил, чтобы оказывать давление на шведское правительство по самым разным вопросам, особенно таким, как перемещение припасов и передвижение людей по нейтральной территории. Швеция сохранила независимость не только потому, что благоразумно и дипломатично смирилась, когда была покорена Норвегия. Гитлер не нападал на Швецию, поскольку торговля с ней приносила больше выгод, чем ее оккупация. Речь шла о простом расчете: покупать необходимые шведские ресурсы было дешевле, чем захватывать их силой.

Еще одно явление, на которое Энджелл указывает как на обстоятельство, усиливающее неприятие развитыми странами вооруженных действий, – это либерализация экономики. Растущая интеграция мировых рынков приводит к тому, что приобрести товары и услуги посредством торговли становится проще, а отделаться от беспоконных инвесторов путем ведения войны – сложнее.

Энджел задается вопросом о том, что случилось бы, если б Германия оккупировала Лондон. Какие бы преимущества ни получил германский бюджет от захвата британского золота, ущерб вследствие беспощадных шагов германского правительства все равно оказался бы гораздо более серьезным. Страна, которая способна прикарманить чужие банковские резервы, вряд ли привлечет иностранных инвесторов: сущность кредита заключается в доверии, а те, кто его не оправдывает, дорого платят за свои действия. Может быть, немецкий генералиссимус вел бы себя в Лондоне не более цивилизованно, чем сам Анлаф, но он быстро увидел бы, в чем различие между ним и его норманнским предшественником. Анлафу не бы-

ло нужды беспокоиться о банковской процентной ставке и тому подобных вещах. Немецкий же генерал, попытавшийся присвоить резервы Английского банка, в один прекрасный день может обнаружить, что его собственный счет в Немецком банке опустел, а стоимость даже самых удачных его инвестиций снизилась.

На первый взгляд Энджелл ошибается — ведь Первую мировую войну, в конце концов, ничто не остановило. Однако вспомним: та война разразилась на Балканах — в наиболее отсталом в экономическом плане регионе Европы, тогда как серия кризисов в экономически взаимозависимых западных державах, длившаяся вплоть до 1914-го, не вылилась в вооруженные действия. Таким образом, балканский конфликт легко объяснить с точки зрения отсутствия экономической свободы. Быстрое распространение локальной войны, начатой Австро-Венгрией против Сербии, произошло благодаря налаженной системе союзных договоров.

В 1914 году проблема Европы состояла как раз в том, что процессы либерализации и интеграции шли неровно, а политические союзы сводили на нет значение экономической взаимозависимости стран Запада. Наиболее развитые нации активизировали свою политику на балканском направлении, чтобы получить дополнительные рычаги давления друг на друга. Пока соблюдались договоры о военном союзе, решения по мобилизации оказывались в руках тех самых стран, действия которых не были обусловлены принципами экономической взаимозависимости. Хотя эта взаимозависимость оказалась неспособна погасить вспыхнувшую войну, ей удалось отсрочить ее начало.

Послевоенные события, по-видимому, подтверждают правоту Энджелла: современная экономика уже не предрасположена к военным завоеваниям. Однако энджелловская теория мотивов возникновения межгосударственных конфликтов нуждается в расширении. Государства конкурируют на мировой арене не только за обладание ресурсами, но и по политическим и стратегическим соображениям. Важную роль играет географическое положение государства, особенно в случае, если оно находится между двумя протагонистами кризисной ситуации.

Имеют значение и притязания той или иной страны (независимо от ценности ее собственной территории или ресурсов), поскольку исходя из ее претензий другие государства решают, как ей противостоять и не стоит ли даже объявить ей войну.

«КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ» МИР

Экономическая свобода подразумевает, что ее можно взять с собой. Когда внутренние условия ухудшаются, капитал может покинуть страну, что приводит к экономическому, а следовательно, и политическому истощению общества. Ясно, что государство не желает оттока денег. Однако, поскольку суверены не могут остановить утечку капитала, им приходится создавать условия, благоприятствующие добровольному нахождению денег в пределах страны.

Либеральная теория об экономической свободе как факторе отсутствия войны утверждает, что у капитализма есть немало возможностей для поддержания международного мира. Вероятно, наиболее универсальное обоснование этой идеи состоит в том, что экономическая взаимозависимость создает одинаково ценные условия для развития различных стран, и государства в дальнейшем не склонны воевать из-за опасения потерять имеющиеся у них экономические выгоды. Это объяснение выглядит убедительно, но оно предполагает, что эти общие ценности, как таковые, не разжигают войну и не способствуют конфликтам.

Томас Шеллинг рассказывает притчу о двух альпинистах, связанных одной веревкой, от которой зависит их общая судьба. Ученый показывает, как с помощью этой общей ценности один из партнеров манипулирует другим. Так и государства, связанные экономическими взаимоотношениями, могут использовать их для оказания давления друг на друга, для своеобразной «игры в гляделки»: чем более ценны связи, тем эффективнее и показательнее игра. Даже если государство не хочет поставить под удар потенциальные выгоды от благоприятных экономических связей, это не означает, что межгосударственного конфликта не будет. В уклонении от «драки» иные страны могут усмотреть уязвимость. Чтобы восторжествовал мир, все участники должны отказаться от «игры в гляделки» или, другими словами, отказаться от потенциального использования своей военной силы.

Индивиды, социальные группы и страны нередко расходятся во мнениях, но имея разные интересы, они, как правило, находят способы договориться, чтобы избежать более дорогостоящих или взрывоопасных последствий. От чего же тогда зависят дипломатические успехи и провалы?

Одна из основополагающих проблем в международных отношениях — распознать, когда оппонент говорит правду, а когда лукавит. Подобно тому как игроки в покер скрывают друг от друга свои кар-

ты, политические лидеры порой притворяются для того, чтобы выиграть, и часто блефуют, заявляя о готовности применить силу. Если оппонент решит, что война — это слишком затратный метод решения спора, он предпочтет ей переговоры. Но из-за стремления игроков к блефу и, следовательно, неопределенности ситуации дипломатические усилия могут оказаться неудачными, и тогда разгорается конфликт. Военные действия вынуждают игроков «раскрыть карты» (т. е. предоставить информацию об относительных возможностях государства и его намерениях).

Что в этих условиях может дать экономическая свобода? Во-первых, свободный рынок играет роль резонатора политической активности. Действия, вызывающие обеспокоенность рынка, отпугивают инвесторов, приводят к ухудшению экономических условий в стране, и поэтому ее лидеры, скорее всего, будут избегать подобных шагов. Использование военной силы за пределами страны часто ассоциируется с сокращением объема инвестиций в экономику и оттоком капитала. Исходя из того, насколько глава государства готов выступать с внешнеполитическими заявлениями, способными напугать фондовый рынок, и в какой мере сохраняется денежная политика, мешающая правительству влиять на потоки капитала, международное сообщество может делать выводы о действительных намерениях того или иного лидера. Представление об истинных помыслах оппонента позволяет проводить переговорный процесс более эффективно, так что обращение к силовым действиям становится все менее необходимым. Таким образом, свободный глобальный рынок создает механизм, посредством которого лидеры смогут добиться признания собственного авторитета (собственной надежности) без обращения к военной силе.

Во-вторых, страны, обладающие интеллектуальным и финансовым капиталом, в меньшей степени заинтересованы или нуждаются в оккупации чужих территорий. Как показали действия американской армии в Ираке, одержать военную победу — это самая легкая часть завоевания. Военные, нацеленные на быстрый и легкий разгром врага на современном поле сражения, всё в меньшей степени способны взять на себя трудоемкую работу по поддержанию общественного порядка в густонаселенной стране, особенно когда ее жители неоднозначно относятся к иностранной оккупации.

Исторически богатство создавалось за счет обладания плодородными землями. Страны, занимавшие обширные территории, счита-

лись богатыми. Быть другом короля означало иметь землю, а значит, и власть. Современные общества устроены иначе. Земля уже не является основным источником благосостояния. Теперь деньги делаются или сохраняются благодаря новаторским идеям и духу предпринимательства. Содержать оккупационную армию дорого, а доходы от использования завоеванных ресурсов падают. То есть при том что экономическая свобода препятствует завоеваниям, ее воздействие на другие виды конфликтов, в том числе в сфере международной политики, может оказаться незначительным или вообще отсутствовать. Экономическое развитие приводит к снижению вероятности военных действий на данной территории, но это же самое развитие способствует росту экстратерриториальных споров. Либеральные демократические режимы, как правило, не воюют друг с другом, но они не менее других склонны применять военную силу по отношению к тем, кого они называют «врагами демократии».

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В наступившем столетии страны со свободной и процветающей экономикой имеют хороший шанс сохранить и даже упрочить международный мир, характерный для второй половины XX века. Переход к постиндустриальному производству здесь уже произошел и снизил выгоды от ведения войны. Капитализм и свободный рынок также укрепили свои позиции. Но есть и серьезные проблемы, например существование коммерческих и финансовых систем, не отвечающих современным «глобальным» реалиям. Окончательно не изжит протекционизм. Соединенные Штаты должны удерживать лидирующую роль в развитии глобального капитализма.

Перемены в природе производства, стимулирующие экономически благополучные страны к отказу от завоевательных войн, могут быть обращены вспять или сведены к минимуму последующими технологическими, социальными, военными или экологическими факторами. В настоящее время развитые страны обладают эффективными военными средствами, но находят задачу охраны правопорядка и государственного управления на завоеванной территории слишком трудоемкой и неприбыльной. Выгадать от захвата чужих территорий могут развивающиеся страны, но они зачастую оказываются не в состоянии содержать или разворачивать достаточно мощные военные силы. Саддам Хусейн хотел оккупировать Кувейт, но не смог удержать его. Соединенные Штаты и их союзники по ко-

алиции смогли овладеть Кувейтом, но он оказался им ненужен, по крайней мере в качестве недвижимого имущества. Если кража ресурсов вновь станет прибыльным делом, как это бывало в прошлом, мы снова увидим, как богатые государства завоевывают территории других стран.

Однако стоит помнить, что сырая нефть, как бы высоко ни поднималась ее цена, по-прежнему значительно дешевле соответствующего объема бутилированной воды, потребляемой солдатами оккупационных армий. Пентагон недавно подсчитал, что стоимость содержания одного солдата в течение его жизненного цикла превышает 4 миллиона долларов США. Снижение затрат на оккупацию решает только половину задачи. Главное, что страны с информационной экономикой будут в обозримом будущем оставаться малопривлекательной целью с точки зрения расширения территории; распространение глобальной информационной экономики само по себе способствует упрочению мира.

Перспективы развивающихся стран видятся не в столь радужном свете. Чтобы повлиять на их политический курс или стратегию, крупнейшие экономически развитые державы по-прежнему готовы взяться за оружие. Войны не исчезнут до тех пор, пока государства не перестанут по-разному вести себя на международной арене. Страны-«изгои» будут по-прежнему проявлять непокорность. Экономический и политический рост Китая делает вполне вероятным столкновение идеологий и сфер влияния в Азии. Опыт показывает, что курс на либерализацию экономики выбран верно. Политическая свобода должна прийти в Поднебесную, и это непременно произойдет, но сама по себе демократизация вряд ли сделает Китай более миролюбивым. В реальности рост националистических чувств в странах, ставших на путь демократизации, связан с их возрастающим военным авантюризмом.

«Капиталистический» мир не будет оказывать никакого воздействия на войны между развивающимися странами, пока экономика последних скована государственным контролем. Кроме того, без экономического развития не возрастет роль интеллектуального и финансового капитала, который не так-то просто приобрести с помощью силы. Проблемы возникают по мере того, как рост изобилия и внутренней политической стабильности дает развивающимся странам возможность действовать силовыми методами за пределами своих границ. Большая часть территории Африки и Южной Америки

поделена на страны по прихоти давно умерших европейских дипломатов, и существующие границы не отражают ни исторических, ни современных этнических, лингвистических или культурных реалий. Экономическое развитие может обеспечить развивающиеся страны оружием, которое они будут использовать друг против друга.

Но Южное полушарие не обязательно превратится в очаг напряженности. Этого не случится, если повышение благосостояния совпадет как с относительным снижением ценности, приписываемой территории, так и с ростом зависимости Юга от всемирного капитала. Преимущество поздно индустриализовавшихся стран состоит в том, что они могут перескочить через самые опасные стадии индустриализации. Ранняя индустриализация формирует потребность в естественных ресурсах и в средствах их присвоения; в ходе войны ценные активы и ресурсы могут стать объектом мародерства. Затраты на рабочую силу низки, что позволяет укомплектовать оккупационную армию. Информационная экономика требует уже больших инвестиций капитала и человеческой изобретательности, но мало что в ней может быть присвоено захватчиками. Аутсорсинг (перенос производства за границу), вызывающий немало беспокойства в развивающихся странах, способствует созданию в них экономики, обуздывающей склонность к агрессии.

Конфликт между Индией и Пакистаном не раз приводил к кровопролитию, но лидеры обеих стран в конце концов поняли, что активные военные действия причиняют значительный ущерб их достаточно открытым экономикам. Растущая зависимость от международного капитала и снижение ценности спорных территорий по сравнению с ценностью технологических инноваций означают, что стимулы к мирному существованию возросли, а привлекательность войны снизилась. На Кипре на смену тридцатилетней напряженности постепенно пришло понимание того, что доступ к информационной экономике Европы гораздо более важен для процветания страны, чем владение садами и пастбищами.

У демократии много очевидных преимуществ, и текущие политические инициативы Соединенных Штатов и других стран по поддержке — и даже принудительному установлению — демократии в принципе могут быть оправданы только внутривнутриполитическими выгодами. Представляется, что гораздо эффективнее мирное существование можно упрочить с помощью свободного рынка: во-первых, укрепляя, а во-вторых, используя его для поддержки распро-

странения демократии. Предполагающие демократизацию усилия по укреплению мира на Ближнем Востоке и в других находящихся под властью автократических правительств регионах обладают весьма спорной эффективностью. Еще нет ясности в том, реально ли установить стабильную демократию в Ираке, но и успех такого предприятия вряд ли приведет к серьезному снижению накала и числа межгосударственных конфликтов, если параллельно не будут проведены значительные и действенные экономические реформы.

Учитывая ограниченность ресурсов, внимание развитых стран должно быть направлено на укрепление и пропаганду принципов свободного рынка и тех практик, которые уже привели к установлению мира на большей части Северного полушария. Соединенные Штаты чаще других в современной истории использовали свой статус мировой державы для продвижения капитализма и поощрения экономического развития. Эти усилия не должны ослабнуть в наши дни, когда терроризм и завершение холодной войны сделали ненужной политике сдерживания Советского Союза и подвигли Вашингтон к более активным шагам на международной арене. Демократию нужно поддерживать, но опыт свидетельствует о том, что, как таковая, она не обеспечивает мир на планете, а народное правление оказывается нестабильным при отсутствии определенного уровня экономического благосостояния. Короче говоря, если развитые страны хотят достигнуть мира и свободы, они не могут себе позволить прекратить спонсировать распространение капиталистических институтов и практик.

* * *

Мир во всем мире нельзя установить посредством одной только экономической свободы. Глупо разделять оптимизм либералов XVIII–XIX веков и верить, будто свобода во всех сферах – ключ к международному миру. Уже давно признано, что свобода позволяет проявляться не только лучшему, но и всему худшему, что есть в человечестве. Тем не менее не следует сбрасывать со счетов явные возможности экономической свободы способствовать усилиям по поддержанию мира.

Политика, направленная на распространение капитализма и свободного рынка, не «подкладывала бесчисленные мины под здание международного мира», как утверждают и утверждали многие критики. Напротив, глобализация капитализма и распространение свободного рынка создали условия, при которых применение силы

перестало быть наиболее эффективным средством достижения цели.

На первый взгляд принцип «капиталистического мира» кажется парадоксальным. Фирмы конкурируют между собой, и эту конкуренцию часто сравнивают с военными действиями. Студенты в бизнес-школах буквально проглатывают такие книги, как «Искусство войны» Сунь Цзы и «О войне» Карла Клаузевица, в надежде поднабраться опыта в делах соперничества. Западная интеллектуальная традиция и борцы за мир привыкли видеть в своекорыстии один из главных корней мирового зла. Казалось бы, жизнь на Земле может стать лучше только благодаря альтруизму, но его, к сожалению, часто оказывается недостаточно. Утопические взгляды не могут быть воплощены в жизнь именно потому, что они рассчитаны на изменение индивидуальной и социальной природы человека. Современные исследователи, особенно те, кто отождествляет себя с неolibеральной школой, особо указывали на национальные и наднациональные институты как на возможные лекарства против межгосударственных конфликтов. Их логика мало отличается от логики сторонников расширения полномочий государства ради решения внутренних социальных проблем. Хотя мы не в силах изменить врожденную склонность людей (или стран) к неблагоприятным поступкам, мы можем изменить поведенческие стимулы или ограничения. Можно показать, что международные институты способствуют миру, хотя эффект и невелик.

Двести лет назад Адам Смит сделал великое открытие: своекорыстие, т.е. личный интерес, не стесненный бюрократическими ограничениями, служит общему благу лучше, чем государственный контроль. Рыночные силы действуют как «невидимая рука», освобождающая производственный потенциал народов. Сегодня у нас накапливается все больше данных в пользу того, что «невидимая рука» также воздействует на внешнюю политику государств. Процветание экономической свободы, которую иные насмешливо именуют «погоней за наживой», начало приводить к снижению военной агрессии, которая казалась многим вечным и неотъемлемым элементом самой цивилизации.

— русскоязычный веб-проект Института Катона, некоммерческой исследовательской организации с центром в Вашингтоне. Проект был запущен в 2005 году как информационно-образовательный ресурс о теории, практике и истории мирового либерализма.

Трудовая миграция: факторы и альтернативы

Сергей Иванов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ МИГРАЦИИ

Международные миграции станут, вероятно, одним из крупнейших явлений XXI столетия. Правда, нынешние масштабы международной миграции велики, но не беспрецедентны. И в прошлом случались не менее значительные передвижения людей, достаточно вспомнить заповенение Римской империи варварами в IV–V веках, массовые перемещения в эпоху Средневековья, многомиллионные потоки переселенцев из Европы в Америку и Россию в XIX – начале XX столетия.

В период превращения Соединенных Штатов в мировую державу (между Гражданской войной и Первой мировой) 13–15 % населения страны составляли родившиеся за ее пределами. На рубеже веков каждый пятый американец являлся уроженцем другой страны; трудовые ресурсы крупнейших городов более чем наполовину состояли из иммигрантов. Хотя народ и власть не всегда относились к иммигрантам с энтузиазмом, США ассоциируются с политикой открытых дверей. В 1920–1960-х годах иммиграция в США резко сократилась, а доля родившихся за рубежом упала к 1970-му до 5 %. Впоследствии, к 2004 году, эта цифра вновь достигла 12 %, то есть вплотную приблизилась к рекордно высоким отметкам столетней давности.

Стремление к экономическому благополучию было и остается причиной наиболее массовых и устойчивых миграционных потоков. В принципе легальной иммиграцией легко управлять в том пример-

Сергей Иванов – сотрудник отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. Выраженные в статье взгляды автора не обязательно отражают точку зрения Организации Объединенных Наций.

но смысле, как нетрудно регулировать импорт того или иного востребованного на внутреннем рынке товара путем запретов, льгот и преференций. Это не означает, что таким образом наверняка снизится число нерезидентов, поскольку иммиграция может перетечь в нелегальные формы. Причем разумный горизонт прогнозирования здесь ближе к экономическим, чем к демографическим, показателям.

Вполне разумно допущение, что потенциальные мигранты сравнивают ожидаемую полезность дохода в странах выезда и въезда. Модель имеет смысл, только если принимать во внимание огромное разнообразие индивидуальных ожиданий, сильно разнящихся в зависимости от возраста, образования, квалификации, имущественного состояния. С одной стороны, даже относительно простые модели, где условные потенциальные мигранты сопоставляют дисконтированные реальные доходы и доступность их источников на родине и за рубежом, могут в значительной степени искажать реальность, которая обычно характеризуется дефицитом информации и навыков ее интерпретации.

С другой стороны, не всякий перепад доходов создает достаточный мотив для трудовой миграции. Люди руководствуются далеко не только экономическими соображениями: привычная культурная среда, в особенности родной язык, с детства знакомый образ жизни, родственные связи, друзья – эти важнейшие, но не выражающиеся в цифрах факторы сдерживания могут уравнивать экономические мотивы выталкивания. Поэтому миграционные потоки между странами часто сходят на нет по достижении некоторого абсолютного порога благосостояния и задолго до полного выравнивания экономических уровней стран выезда и въезда.

Эмпирические исследования установили, что поток трудовых мигрантов из Южной Европы в Западную часть в 1980-е, когда в Италии, Испании, Португалии и Греции валовой внутренний продукт (ВВП) достиг 4 тысяч долларов на душу населения. Нетто-миграция между странами – членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) снижается, когда различия в ВВП на душу населения между ними сокращаются до 50 %.

Однако сумма миграционных потоков в мировом масштабе отнюдь не убывает. Колоссальные перепады экономических, политических и социальных условий по-прежнему формируют огромный резерв желающих переселиться туда, где лучше. Хотя географическое местонахождение как центров выталкивания, так и центров

притяжения мигрантов меняется, трудно представить себе, что в обозримом будущем экономические условия в мире выровняются настолько, чтобы трудовая миграция совсем иссякла. Скорее наоборот, неравномерность экономического развития усилится, а глобальное информационное поле будет все настойчивее и доходчивее формировать миграционные установки.

В странах-реципиентах иммиграция позволяет удовлетворять спрос на труд, заполняя нижний этаж социальной пирамиды, способствует восходящей социальной мобильности «своих», снижая цену труда, повышает прибыли предпринимателей и конкурентоспособность национальной экономики.

Принципиально новым фактором, который будет определять динамику международной трудовой миграции в предстоящие десятилетия, является демографическая ситуация в развитых странах — главных центрах притяжения мигрантов. Но прежде чем обратиться к его анализу, упомянем о двух других особенностях современной миграции, значение которых резко возрастает.

Во-первых, современные средства транспорта и связи чрезвычайно облегчают миграцию. В частности, они создают неизвестные прежде возможности временной (возвратной) миграции на большие расстояния (например, из Филиппин в США либо в страны Персидского залива).

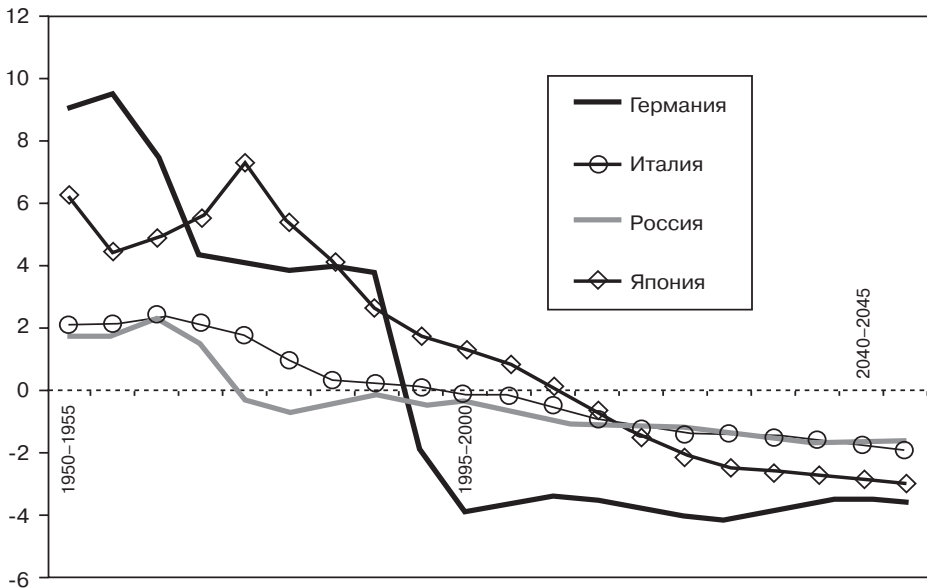
Во-вторых, трудовая миграция все более вплетается в многогранный процесс глобализации. В соответствии с господствующей концепцией главным проявлением последней становится возрастающая свобода международного передвижения капиталов, товаров, услуг, информации и идей. В принципе из этого логически следует необходимость обеспечить такую же свободу передвижения людей. Однако данную концепцию поддерживают далеко не все.

Нелегальная (точнее, иррегулярная, «недокументированная») трудовая миграция имеет массу пороков. В частности, она противоречит национальному суверенитету и способна даже создать угрозу общественной безопасности, в особенности когда трудовая миграция связана с коррупцией и организованной преступностью. Вместе с тем в некотором смысле она представляет собой полезную смазку для негибкого государственного механизма, устраняющую противоречия между глобализацией рынка труда и традиционным сдерживающе-запретительным характером государственной миграционной политики.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ИММИГРАЦИИ

Демографическая ситуация в развитых странах формирует исторически беспрецедентную потребность в массовой иммиграции. Низкая рождаемость и растущая продолжительность жизни обуславливают старение населения и сокращение его численности. Избирательная (по критерию возраста) иммиграция — в принципе также единственный практический способ затормозить показатели старения населения. Попытки сделать это через «управление» рождаемостью или смертностью бесперспективны, и вот почему.

**Естественный прирост населения,
млн человек за пятилетие (1950–2050)**

Источник: United Nations (2005). World Population Prospects. The 2004 Revision. Comprehensive Dataset. Sales No. E.05.XIII. 12

СМЕРТНОСТЬ

Во второй половине прошлого столетия основной резерв снижения младенческой и детской смертности был выбран и продолжительность жизни стала возрастать, способствуя демографическому старению. В результате этого в последние десятилетия XX века начал расти общий коэффициент смертности, что, естественно, отрицательно сказалось на увеличении народонаселения.

Бывает, хотя и нечасто, что младенческая и детская смертность соответствуют стандартам развитых стран, а смертность взрослых превосходит уровни многих развивающихся стран. Таким прискорбным исключением является Россия, где продолжительность жизни мужчин составляет всего 59 лет, что на 20 лет меньше, чем в Японии, на 15 лет меньше, чем в Германии, и на 11 лет меньше, чем в Китае (для женщин отставание не столь значительное). Даже если рождаемость возрастет почти наполовину, то к 2050 году при отсутствии иммиграции численность населения страны уменьшится на одну пятую (при неизменной смертности — на четверть).

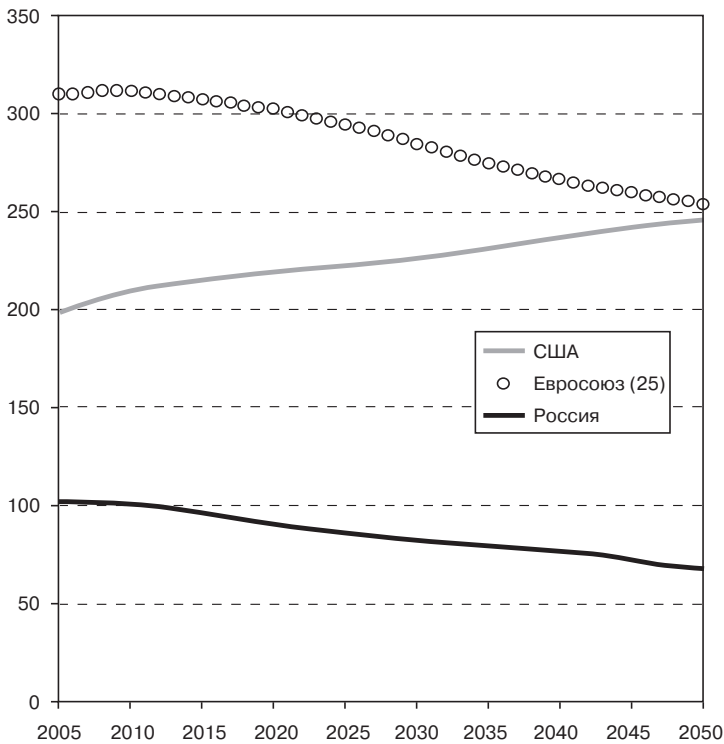
РОЖДАЕМОСТЬ

Между тем естественная убыль населения главным образом обусловлена падением рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, то есть двух детей на женщину. Всеобщий, причем в основном спонтанный, без государственного вмешательства переход от многодетной семьи к малодетной был неотъемлемой частью (как следствием, так и фактором) модернизации европейских обществ в XIX–XX веках. Развивающиеся страны вступили на этот путь после Второй мировой войны. Многие государства при поддержке международных организаций приняли на себя роль катализатора снижения рождаемости и достигли выдающихся успехов. Нельзя забывать, что радикальное снижение рождаемости не только способствовало национальному развитию стран Третьего мира (наиболее яркий пример — азиатские «тигры» и «тигрята»), но и обуздало мировой демографический взрыв с его опасными последствиями для всего человечества. Следует, однако, иметь в виду, что численность населения развивающихся стран будет расти еще несколько десятилетий.

Однако, вопреки господствовавшей ранее концепции, снижавшаяся рождаемость не стабилизировалась на уровне простого воспроизводства. Во всех индустриальных странах (кроме США) и при растущем числе развивающихся стран (в частности, в Китае) она упала ниже этого уровня, в том числе в двух десятках стран (включая Россию) — много ниже. Хотя конкретные причины «сверхнизкой» рождаемости дебатированы, ясно, что характер и ткань индустриальных, точнее, постиндустриальных демократических обществ создают несовместимую с простым воспроизводством рождаемости систему мотиваций и возможностей.

Это противоречие носит системный характер, который не удалось преодолеть посредством разнообразных и дорогостоящих мер, осуществляемых некоторыми западными государствами. Нет оснований полагать, что в России причины сверхнизкой рождаемости чем-то принципиально отличаются. Поэтому при формировании подхода к миграционной проблематике следует, как это и начал делать Европейский союз, исходить из неизбежности в среднесрочной перспективе (что в демографии означает 20–30 лет) сохранения демографического режима весьма низкой рождаемости.

**Прогноз численности населения в возрасте 15–64 лет,
млн человек (2005–2050)**

Источник: United Nations (2005). *World Population Prospects. The 2004 Revision. Comprehensive Dataset*. Sales No. E.05.XIII. 12

В трудоспособном возрасте в течение уже нескольких лет происходит сокращение численности населения в Германии, Италии и во всех европейских странах, расположенных на территории быв-

шего СССР. Если не произойдет значительного увеличения (в некоторых государствах, включая Россию, Италию, Украину, — в разы) притока иностранцев на рынки труда, то они в ближайшие годы начнут «сжиматься» почти повсеместно (за исключением Соединенных Штатов и Великобритании). В 2005-м совокупная численность населения в трудоспособном возрасте в Евросоюзе на 55 % превосходила соответствующий показатель США. При условии, что миграция останется на прежнем уровне, к середине столетия разрыв сойдет на нет. Американское демографическое благополучие обеспечивается высокой (около двух детей на женщину) рождаемостью и устойчивым миграционным притоком (около миллиона только лишь легальных иммигрантов), а также их взаимодействием, поскольку рождаемость иммигрантов выше рождаемости коренного населения.

В отличие от большинства развитых стран, депопуляция в России обладает еще одним свойством. Сокращение численности населения огромной редконаселенной страны потенциально чревато угрозами ее безопасности и территориальной целостности, тормозит рост рынков потребительских товаров и услуг, препятствует расширению транспортной сети и затрудняет освоение богатых природными ресурсами восточных и северных районов.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРУДА

БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ?

Потенциальное предложение труда формируется демографической динамикой и интенсивностью использования трудовых ресурсов. Динамика населения в трудоспособном возрасте в течение предстоящих 15–20 лет задана прошлыми уровнями рождаемости. Интенсификация использования трудовых ресурсов, складываясь из уровня экономической активности (то есть участия в рынке труда), уровня занятости и реального рабочего времени в расчете на одного занятого, обладает большим потенциалом и значительно варьирует в странах Запада. Годовое число отработанных часов в расчете на одного человека в трудоспособном возрасте в Великобритании и США превышает этот показатель во Франции в полтора и два раза соответственно, не говоря уже о России.

Занятость. Наиболее очевидным способом более интенсивного использования трудовых ресурсов является сокращение безработицы, однако европейский опыт в этом отношении не слишком обна-

деживает. Россия по уровню безработицы близка к странам Евросоюза. Следует иметь в виду, что сокращение безработицы ведет к удорожанию труда и, что еще важнее, к повышению возможностей работников отстаивать другие свои интересы, в особенности в том, что касается регламентируемой продолжительности рабочего дня (недели), отпусков и праздничных дней.

Экономическая активность. Интенсивность использования трудовых ресурсов за последнее десятилетие выросла во многих странах ЕС главным образом за счет одного из трех его компонентов — уровня экономической активности, прежде всего женщин. Однако не следует забывать, что рост экономической активности женщин сыграл роль в падении рождаемости.

Зато увеличение занятости населения старших возрастов разумно, поскольку продолжительность дееспособной жизни во всех странах (за исключением России и Украины) намного превысило установленный законом пенсионный возраст. Расширяющаяся экономика услуг больше соответствует физическим возможностям людей старших возрастов, чем «материальное производство». Этот путь перспективен потому, что численность соответствующих возрастных групп велика и будет расти, причем быстро.

Европейские страны сильно различаются по степени вовлеченности лиц пожилого возраста в рынок труда. Так, уровень экономической активности в возрастной группе 60–69 лет колеблется от менее 10 % в Австрии и Бельгии до более 30 % в Дании и Португалии; Россия по этому показателю (около 20 %) занимает промежуточное положение.

Увеличение отработанного рабочего времени. Достигнутая разными способами более высокая интенсивность использования имеющихся трудовых ресурсов может значительно сократить дефицит предложения труда. Однако в ряде стран даже героические усилия по ее повышению не способны уравновесить накопленный эффект низкой рождаемости. Речь идет о Германии, Испании, Италии, России, Украине, Японии. Выход — в серьезном увеличении трудовой иммиграции, что уже начали делать Италия и Испания.

Другой альтернативой является радикальное ускорение роста производительности труда. В противном случае неминуемо сокращение производства. Конечно, можно предложить аргументы в пользу отрицательного экономического роста: например, сокращение производства при убывающем населении совместимо с ростом

Еврейские переселенцы отправляются в Палестину. Кадр из фильма «Исход» (США), 1960 г.

благополучия, способствуя в то же время устойчивому развитию в планетарном масштабе. Однако сокращающаяся экономика — это теоретически неизведанная территория. Кроме того, нелегко смириться с уменьшением экономической, а следовательно, и геополитической мощи, особенно по сравнению со странами, не подверженными демографическому упадку.

Иногда говорят, что перемещение промышленности и сельского хозяйства в трудообильные развивающиеся страны позволит высвободить достаточные трудовые ресурсы для сферы услуг. Абстрактно экстраполяция уже действующей тенденции и ее использование для восстановления равновесия на рынке труда может показаться привлекательной. Действительно, стратегия аутсорсинга (*outsourcing* — букв.: использование внешних источников; передача специализированным субподрядчикам производства деталей, услуг, непрофильной продукции во внешние центры и развивающиеся страны. — **Ред.**) способна смягчить ситуацию в среднесрочной перспективе (к примеру, до 2020 года), то есть на сравнительно раннем этапе депопуляции, повысив эффективность мировой экономики и содействуя раз-

витию стран-реципиентов. Однако с ее помощью не добьешься восполнения дефицита труда в развитых странах, не обеспечишь работниками средние и мелкие предприятия.

В качестве иллюстрации рассмотрим решение хрестоматийной задачи применительно к Европейскому союзу. Дано: численность занятых в промышленности и сельском хозяйстве по сравнению с занятыми в других сферах в 2004-м и численность трудоспособного населения в 2020 и 2050 годах. Прогноз численности населения построен на основе гипотез умеренно снижающейся смертности, средней рождаемости (то есть выше сегодняшней, но ниже простого воспроизводства) и сохранения нынешних сальдо внешних миграций. Спрашивается: насколько надо будет уменьшить число занятых в указанных отраслях по отношению к уровню 2004-го, чтобы компенсировать сокращение трудоспособного населения и таким образом предотвратить снижение числа занятых в других сферах?

Ответ: для этого в промышленности и сельском хозяйстве Евросоюза в 2020 году должно будет работать на 8 % меньше людей, а в 2050-м — на 63 % меньше, чем в 2004-м. Поскольку же в промышленность включены принципиально неперемещаемые отрасли, в том числе строительство и энергетика, то требуемое сокращение в перемещаемых отраслях окажется еще выше.

Общие данные по ЕС усредняют весьма различное положение отдельных стран, определяемое демографией. К примеру, во Франции сравнительно высокая рождаемость делает такую гипотетическую реструктуризацию экономики ненужной в течение ближайших десятилетий. Но если иммиграция в страну не возрастет, то к 2050 году число занятых в промышленности и сельском хозяйстве придется сократить на 30 %. В Великобритании опять-таки довольно высокая рождаемость (хотя и ниже французской) в сочетании с устойчиво высокой (то есть такой же, как и ныне) иммиграцией стабилизирует численность трудоспособного населения.

Иное дело в Германии, Италии и Испании — странах со «сверхнизкой» рождаемостью. В Германии сохранение иммиграции в нынешних — немалых — масштабах не сможет предотвратить сокращение населения в трудоспособном возрасте. Поэтому для сохранения сектора услуг придется, например, сократить число занятых в промышленности и сельском хозяйстве к 2020 году на 18 %, а к 2050-му — на 90 %. Положение Италии экстремально. Демографически обусловленное сокращение занятости в промышленности

уже к 2020 году должно составить 36 %, а к 2050-му придется пожертвовать не только всей промышленностью и всем сельским хозяйством, но и почти половиной (44 %) сферы услуг. Поскольку демографические параметры России очень близки к итальянским, перспективы обеспеченности российской экономики трудовыми ресурсами столь же удручающи.

Эти примеры иллюстрируют колоссальные последствия демографических сдвигов и очерчивают границы взаимозаменяемости «демографического» и «экономического» и, следовательно, указывают на масштабы необходимого увеличения иммиграционной «подпитки».

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИЙ

Многие правительства индустриальных стран соглашаются с экономическими (а в последнее время и с демографическими) аргументами в пользу более либерального подхода к международной миграции, однако больше они озабочены ростом числа иностранцев (даже временно прибывших) в связи с проблемой национальной безопасности. Такая позиция доминирует почти везде, не только в России.

Переселенческая иммиграция. Постоянная (переселенческая) иммиграция является надежным способом освоения не- или редконаселенных территорий и заполнения демографических лакун. Хотя адаптация иммигрантов и их интеграция в общество редко проходят бесконфликтно, длительный опыт стран массовой иммиграции — США, Канады, Австралии — свидетельствует о том, что возможна успешная интеграция иммигрантов на основе признания иммигрантами правил поведения и социальных ценностей принявшей их страны, с одной стороны, и механизмов обеспечения законных прав иммигрантов и толерантного к ним отношения — с другой. Некоторые страны идут по пути полной ассимиляции иммигрантов. Наиболее ярким примером является Франция, где господствует идея единой национальной идентичности, основанная на культурной однородности. Сам по себе выбор между сосуществованием и ассимиляцией не гарантирует успеха.

Заблуждением является утверждение, что Россия в принципе плохо подготовлена к массовой постоянной иммиграции нерусского населения. В действительности многовековое расширение Российского государства сопровождалось интеграцией множества этносов и конфессиональных групп. Часто забывают, что Российская империя целенаправленно привлекала переселенцев из Европы, создав для

них в XVIII веке преференциальные режимы землевладения, налогообложения и воинской повинности. В период между реформами 1860-х годов и революцией 1917-го Россия стала страной массовой иммиграции. Накопленная нетто-миграция за этот период составила 4,5 миллиона переселенцев; перед Первой мировой войной среднегодовой миграционный оборот достигал полумиллиона человек.

К сожалению, трудно опровергнуть утверждение, что Россия сейчас плохо абсорбирует даже русскоязычное население. Несмотря на то что правительство неоднократно заявляло, что рассматривает «русских ближнего зарубежья» как первоочередной резерв переселенцев в Россию, сколько-нибудь внятная стратегия их привлечения и ассимиляции отсутствует, а правила предоставления российского гражданства оказываются весьма рестрикционными.

Вместе с тем упор на «этническое воссоединение» опасен в двух отношениях. Во-первых, разделение иммигрантов на «своих» и «чужих» подпитывает дискриминацию, межэтнические и межконфессиональные трения. Во-вторых, жизнеспособные русскоязычные диаспоры в странах СНГ и Балтии отвечают региональным и геополитическим интересам России. Кроме того, не следует преувеличивать количественный потенциал такой иммиграции. Отсюда следует, что в стратегическом плане главные потенциальные резервы переселенцев в Россию состоят из представителей титульных национальностей трудоизбыточных государств за южными рубежами страны.

Стереотипы восприятия «чужих» и представления о границах приемлемого поведения могут иметь исторические и культурные корни, но в то же время на них весьма значительное влияние оказывают средства массовой информации. На коммунальном уровне определяющее влияние имеют конкретные проекты местных органов самоуправления и степень развитости гражданского общества. Однако пассивность государства оказывается, как правило, залогом серьезных конфликтов. Основной функцией государства является создание правовых механизмов, которые, соответствуя Основному закону страны, реализовали бы экономические и другие интересы сторон.

Правительство и муниципалитеты иногда реализуют специальные жилищные программы для иммигрантов. В некоторых случаях речь идет о предоставлении субсидированного жилья различным категориям неимущих независимо от их гражданского (иммиграционного) статуса. В прошлом, как правило, осуществлялось строительство специальных комплексов жилых зданий (называемых в США

«*projects*», *HLM* – *habitations à loyer modéré* – во Франции), микро-районов, городов-спутников, что почти непременно оборачивалось превращением их в маргинализованные гетто. Для крупных городов более перспективным, хотя и более сложным вариантом является помощь иммигрантам в их укоренении в местной среде населения. Это, впрочем, не означает, что компактное расселение иммигрантов всегда неприемлемо. Так, представляет интерес сформулированная в середине 1990-х годов (впоследствии забытая) идея организованно привлекать переселенцев в пустеющие мелкие города «серебряного кольца» России.

Возвратная миграция. Возвратная (временная) трудовая миграция может быть либо спонтанной, либо организованной в совместные программы государств-поставщиков и реципиентов. Спонтанная временная миграция бывает легальной или нелегальной; организованная возвратная миграция легальна по определению. В России под гастарбайтерами почему-то подразумевают нелегальных мигрантов, в то время как в немецком оригинале имеются в виду главным образом вполне законно въехавшие в страну иностранные рабочие.

Принципиальное преимущество спонтанной возвратной миграции состоит в том, что ее потоки регулируются в первую очередь рынком труда, а также и другими рынками, в том числе жилья. Это, в частности, означает отсутствие необходимости в рискованных масштабных и долгосрочных государственных программах. Вместе с тем эффективность данной формы миграции напрямую зависит от государства.

Во-первых, для того чтобы миграционный приток адекватно реагировал на рост спроса на труд, важно упростить формальности. Между тем в последние годы административные препятствия, которые чинили иммигрантам в большинстве стран, усугублялись. В результате – рост нелегальной иммиграции.

Во-вторых, государство в принципе способно стимулировать возвращение мигрантов на родину. В последнее время оживился поиск соответствующих экономических стимулов главным образом в области «взаимозачета» пенсионных накоплений или частичной компенсации социальных налогов.

«Оргнабор» широко практиковался в послевоенной Европе. В 1950–1960-е годы действовали масштабные межгосударственные программы временного привлечения неквалифицированного труда в Германию из Италии и Турции, а во Францию из Алжира. Они

были успешны в том смысле, что количественные задачи были легко выполнены. Однако обеспечить возвратность не удалось. Принятые в начале 1970-х решения прекратить трудовую иммиграцию из-за пределов Общего рынка еще больше ослабили стимулы к возвращению и расширили потоки лиц, иммигрировавших по статье «воссоединение семей». В это же время промышленный кризис и реструктуризация экономики сделали избыточной значительную часть неквалифицированной рабочей силы.

Поскольку гастарбайтеры были, как правило, территориально сегрегированы, создались условия для их массовой и наследственно закрепленной маргинализации. Следует отметить, что коренной проблемой являлось все же не культурное или профессиональное отчуждение, а изначальная установка на заполнение нижних этажей социально-профессиональной структуры. Несмотря на серьезные трудности, порожденные в прошлом «оргнабором» в ряде западноевропейских государств, программы временной миграции в настоящее время широко обсуждаются в разных контекстах. Так, например, Филиппинам в сотрудничестве со странами — реципиентами мигрантов (государства Персидского залива, а также США) удалось создать хорошо действующую систему ротации своих граждан на работах за рубежом.

Поощрение возвратной миграции соответствует экономическим и политическим интересам стран СНГ и существенно облегчается все еще сохраняющимся общим культурным пространством. Это, по существу, означает создание единого рынка труда Содружества, для чего имеется множество исторических, экономических и демографических предпосылок. При этом нет необходимости разделять непреодолимой стеной возвратную и переселенческую миграцию — пусть экономика, брачные связи, социокультурная среда и индивидуальный выбор решат, где и на какой срок поселяться людям. Это, конечно, не равносильно самоустранению государства из этой области. Въезд в страну для неграждан — не право, а привилегия, и государство может и должно определять критерии предоставления такой привилегии. Надо лишь, чтобы эти критерии отвечали национальному и международному праву и были разумны. Соображения разумности должны в полной мере учитывать, что старение населения и отрицательный естественный прирост неминуемо и надолго останутся факторами развития многих стран, в том числе и России.

Ближневосточный узел

Иран в центре «Большой игры»
между Российской и Британской империями.
Английская карикатура 1911 года

“ Основная цель «Аль-Каиды» в Ираке — втянуть США в продолжительный изнуряющий конфликт. Стараниями экстремистов среди населения страны получило распространение мнение о войне, якобы уже ведущейся Западом против исламского мира, что подтверждается иракскими событиями”

Обстановка в Ираке: перспективы развития

144

Эволюция успеха Роберт Блэкуилл

157

Азербайджан между Америкой и Ираном Ариф Юнусов

167

После «Дорожной карты» Алек Эпштейн

181

Обстановка в Ираке: перспективы развития

Ситуационный анализ

Участники обсуждения рассмотрели процессы и явления, наиболее характерные для развития ситуации в Ираке. Среди внутренних факторов к таковым следует отнести противоречия между шиитской и суннитской частями населения, иракскими арабами и курдами, включая деятельность террористических групп, связанных с «Аль-Каидой». Из внешних факторов особое внимание в ходе дискуссии уделено политике американских оккупационных властей и влиянию Ирана.

ШИИТЫ И СУННИТЫ: ВЕРОЯТНОСТЬ РАЗРЯДКИ
Вслед за американским вторжением и падением режима Саддама Хусейна кардинально изменилось соотношение сил между религиозными общинами в Ираке. Шииты, составляющие 60 % населения, из политического меньшинства превратились в самую влиятельную силу страны. Неоднородность и соперничество шиитских группировок отнюдь не является следствием их разделения по признаку принадлежности к религиозным или политическим организациям. Не подлежит сомнению исключительно религиозный характер наиболее значимых шиитских партий и движений, непререкаемый авторитет их религиозных лидеров – великого аятоллы Али Систани и молодого радикаль-

Ситуационный анализ проходил 26 апреля 2006 года в МГИМО (У) МИД РФ под руководством академика РАН **Е.М. Примакова**. В качестве экспертов участвовали А.А. Байков, Д.А. Баталов, Р.А. Грошков, Л.А. Добрынина, А.В. Долинский, К.А. Дулов, А.В. Илларионова, Э.О. Касаев, П.А. Кузьменко, О.А. Лазарева, И. Матушик, Н.В. Михайлова, О.У. Мусаев, С.А. Овчаренко, М.А. Пиляева, Д.Ю. Таратынов, А. Токтомушев, Я.Ю. Хван.

но настроенного Муктады ас-Садра. Относительная близость их позиций не исключает и очевидных различий — умеренности первого и непримиримости с американским оккупационным режимом второго.

Все шиитские руководители бывшего временного правительства, а также члены нынешнего кабинета министров рекрутировались из религиозной среды. И глава временного правительства Ибрагим аль-Джаафари, и новый премьер-министр Ирака Нури Малики — выходцы из религиозной партии «Ад-Даава» («Призыв»), принадлежащей к правящему шиитскому религиозному блоку «Объединенный иракский альянс» (ОИА).

Усиливается тенденция к созданию исламского по своему характеру государства. Но «не в чистом виде», считают большинство экспертов, ссылаясь на особенности исторического развития Ирака, а также на религиозный состав населения.

И суннитская, и шиитская общины не отличаются сплоченностью. Однако первую объединяет цель сохранить за собой, хотя бы частично, принадлежавшее ей при Саддаме Хусейне положение ведущей силы. В отличие от шиитской части населения, в целом открыто не проявляющей антиамериканизма, сунниты упорно сопротивляются оккупационным властям. Вместе с тем на ситуационном анализе подчеркивалось, что далеко не все сунниты подходят под определение баасистских приверженцев прежнего режима. Последние не задают тона в общине, действуя преимущественно под исламистскими либо националистическими лозунгами. Их цель — привлечь на свою сторону определенные слои иракцев. Однако по мере того как правительство и оккупационные власти вынуждены использовать бывших членов партии Баас в новых государственных структурах, эта часть суннитского сопротивления постепенно тает. Непримируемыми остаются лишь ортодоксальные функционеры или те, кто не надеется на помилование.

Стремление завоевать руководящие позиции, несовпадение преследуемых целей и интересов, очевидно, надолго развели иракских шиитов и суннитов по разные стороны баррикад. Было отмечено, что число терактов в отношении друг друга, в том числе нападений на святыни другой общины, превышает количество атак на оккупационные силы. Несмотря на попытки остановить перерастание конфронтации в гражданскую войну, противоречия настолько обострились, что вряд ли в скором времени могут быть нивелированы.

Новый премьер-министр Ирака Нури Малики, пользующийся широко разрекламированной поддержкой, в том числе со стороны ряда суннитских политических партий, едва ли способен выступить в качестве фигуры, объединяющей враждующие группировки. Вернувшись из эмиграции в 2003 году уже после свержения Хусейна, он участвовал в работе комиссии по «дебаасизации». Многие бывшие функционеры партии Баас, в прошлом занимавшие ключевые посты в административных и силовых структурах, связывали деятельность комиссии с намерением отстранить суннитов от управления страной и контроля над ее нефтяными богатствами.

В качестве фактора сохранения на ближайший период шиитско-суннитской конфронтации называлась также перспектива федерализации Ирака по религиозно-этническому признаку. Подобная перспектива лишит суннитов доступа к нефтяным ресурсам, которые перейдут под контроль курдов (на севере) и шиитов (на юге), и повлечет за собой возникновение суннитских меньшинств.

Участники обсуждения заострили внимание и на внешних факторах шиитско-суннитской конфронтации. Шииты пользуются поддержкой и помощью Ирана, на стороне суннитов выступают Саудовская Аравия, Египет, Иордания, Сирия, Турция. К суннитскому сопротивлению присоединились «добровольцы» из некоторых арабских стран, в его рядах сражаются террористические группировки, связанные с «Аль-Каидой». Согласно данным ЦРУ, среди членов активного сопротивления по состоянию на 2005 год насчитывалось 5 тысяч суннитских боевиков и от 20 до 25 тысяч их приверженцев. В среднем они ежедневно осуществляют до 50 операций, нападению подвергаются также блокпосты и другие важные объекты коалиционных войск.

ПРИСУТСТВИЕ ИРАНА И ПЕРСПЕКТИВА ТОРГА С США

Через шиитов Тегеран оказывает прямое воздействие на обстановку в Ираке. По мнению экспертов, иранские лидеры не заинтересованы обнаружить себя в ситуации выбора между умеренными и радикальными шиитскими организациями и выступают за их сплочение. Однако это совсем не означает, что взгляды и подходы иранских и иракских шиитов полностью совпадают. Пользуясь тем, что на территории Ирака находятся две главные шиитские святыни в городах Неджеф и Кербелла, а также Казумия в Багдаде, иракские шииты

хотели бы сохранить большую самостоятельность в принятии решений. Между тем в среде иранского руководства отмечаются две тенденции. С одной стороны, оно вынашивает планы превратить иранский Кум в основной центр шиизма, получившего распространение в целом ряде арабских стран. С другой стороны, существует стремление расположить иракских шиитов к равноправному партнерству. Большинство экспертов высказались в пользу того, что возобладает первая тенденция.

Реальная возможность влиять на ситуацию в Ираке – важный козырь Ирана в его взаимоотношениях с Соединенными Штатами. Рано или поздно Тегеран способен использовать его, дабы установить непосредственные контакты с Вашингтоном и увязать умиротворение иракских шиитов со снятием остроты вокруг вопроса о своем «ядерном досье». Такой прогноз действий Ирана представляется вполне вероятным.

Однако некоторые эксперты высказывались и в том духе, что влияние Ирана на обстановку в Ираке скорее всего ограничено. Во-первых, между обеими странами исторически сложились напряженные взаимоотношения. Во-вторых, шиитские группировки в Ираке достаточно самостоятельны и действуют под руководством собственных политических и духовных лидеров (таких, например, как ас-Садр).

Часть экспертов не исключают возможности радикализации политики Ирана в отношении Ирака. Распространение исламской революции остается одним из направлений деятельности иранского руководства. К тому же конфронтация иракского населения и американских воинских частей выгодна Тегерану, поэтому весьма вероятно смещение акцента в его политике в сторону активизации контактов с более радикальными шиитскими группировками.

КУРДСКО-АРАБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОЙДЕН ЛИ КРИЗИСНЫЙ ЭТАП?

Самой организованной политической силой в Ираке являются курды. Традиционно они представлены двумя соперничающими партиями – Демократической партией Курдистана во главе с Масудом Барзани и Патриотическим союзом Курдистана под руководством Джалала Талабани. В октябре 2002 года этим партиям удалось объединить усилия в борьбе за федеративный Ирак. Барзани поддержал кандидатуру Талабани на пост президента, а сам получил должность

главы курдской автономии. Оба лидера в настоящее время ориентируются на США.

Однако им так и не удалось изжить серьезных противоречий, которые сохраняются еще со времен вооруженной борьбы между талабанийцами и отрядами «пешмерга» («идущие на смерть») Мустафы Барзани, отца Масуда. Но дело не только в истории их противоборства. Талабани, особенно на посту президента, устраивает федеративное устройство страны, если курды получают свою долю власти и финансовых поступлений. Речь идет прежде всего о распределении доходов от нефтяных промыслов Северного Ирака. Барзани скорее ориентируется на самостоятельность Курдистана. Но и тот и другой в настоящее время добиваются установления контроля над районами Киркука и Мосула и возвращения на север курдов, переселенных в другие части страны при Саддаме.

Условия автономии, на которых настаивают курды, — собственная законодательная, исполнительная, судебная ветви власти, самостоятельный сбор налогов, собственные вооруженные силы, увеличение доли национального бюджета, выделяемой в Курдистан, с 17 % до 25–30 % — вряд ли понравятся арабам. Еще острее стоит проблема Киркука и прилегающей к нему местности. И Талабани, и Барзани неоднократно заявляли, что никогда не откажутся от притязаний на город. Ведь это не только очаг курдской культуры, но и второе по значению месторождение нефти в Ираке, запасы которого оцениваются в 10 млрд баррелей.

После формирования нового центрального правительства Барзани планирует активизировать решение этой проблемы путем референдума, исход которого легко прогнозируем, особенно если учесть намерение Барзани непосредственно перед его проведением заселить район Киркука курдами.

Рассматривая варианты решения вопроса иракских курдов, эксперты пришли к выводу, что в среднесрочной перспективе, вероятно, сохранится их автономия в составе Ирака. Об отделении Курдистана и обретении им полной самостоятельности речь пока идти не может главным образом из-за внешних факторов. Особенно этому противятся государства, на территории которых проживают курдские меньшинства, — Турция, Иран, Сирия. В ходе ситуационного анализа высказывались предположения о том, что после вывода из Ирака оккупационных сил нельзя исключать всплеска насилия между арабами и курдами.

ТЕРРОРИЗМ В ИРАКЕ: «АЛЬ-КАИДА» И ДРУГИЕ
Присутствие американцев способствовало превращению Ирака в один из основных плацдармов международного терроризма. Данная тенденция только усилилась после того, как сузились возможности базирования «Аль-Каиды» в Афганистане. В ходе экспертного анализа подчеркивалось, что развитие событий в этом направлении сопровождается децентрализацией структуры «Аль-Каиды». Тем не менее, несмотря на расширение сети ее автономных ячеек, она продолжает оставаться идеологическим центром, своего рода «брендом» террористического движения.

Участники ситуационного анализа пришли к единодушному выводу о том, что основная цель «Аль-Каиды» в Ираке – втянуть США в продолжительный изнуряющий конфликт. Стараниями «Аль-Каиды» среди иракского населения получило распространение мнение о уже ведущейся войне между Западом и исламским миром, что якобы подтверждается событиями в Ираке.

С относительной долей уверенности можно утверждать, что «Аль-Каида», в частности группа Абу Мусаба аль-Заркави, контролирует в Ираке значительную часть суннитского повстанческого движения. Созданная им после вторжения в Ирак организация «Ат-Таухид валь-Джихад» («Единобожие и джихад») тесно сотрудничала с «Аль-Каидой», а в конце 2004-го произошло их слияние. Несмотря на это, группа аль-Заркави пользуется полной самостоятельностью. (Уже после проведения ситанализа Заркави был убит. Дополнительный опрос экспертов показал, что, по их мнению, это не приведет к ликвидации его организации, которая обретет другого лидера.)

Политика группы аль-Заркави направлена на подрыв и дискредитацию иракского правительства, в котором доминируют шииты. Налицо попытка спровоцировать межконфессиональную вражду и тем самым ввергнуть иракское общество в гражданскую войну. В отдельных выступлениях экспертов указывалось на несоответствие такой политики позиции руководства «Аль-Каиды», не заинтересованного в конфликте с шиитами, Ираном и группировкой «Хезболла». В частности, обращаясь к иракцам, Усама бен Ладен призывал к объединенному противостоянию американцам и режиму оккупации независимо от того, являются ли они арабами или курдами, суннитами или шиитами. В письме к Заркави Айман аль-Завахири (второй человек в иерархии «Аль-Каиды» и ее главный идеолог),

признавая «неудобность шиизма», предостерегал от разжигания распри с шиитами. В руководстве «Аль-Каиды» придерживаются мнения, что столкновение между Ираном, с одной стороны, и США и Израилем — с другой, неизбежно. А поскольку это приведет к значительному расширению зоны конфликта, шииты, по всей вероятности, станут для «Аль-Каиды» важной социальной базой. Все это не мешает «Аль-Каиде» ориентироваться на устрашение (вплоть до уничтожения) преимущественно шиитских сил, идущих на сотрудничество с оккупационными властями.

Среди террористических организаций заметно присутствие самостоятельных исламистских группировок, стремящихся подорвать американское присутствие. Их мотивы различны: религиозный фанатизм, экономическая выгода, озлобленность, жажда мести вследствие потери близких. Преобладающим влиянием пользуются радикальные суннитские военизированные отряды, такие, как Армия аль-Рашидин, Исламская армия в Ираке, Исламский фронт сопротивления, Армия аль-Моджахеддин (группировка Сарай-аль-Моджахеддин), Ансар аль-Ислам, Ансар аль-Сунна и др. Некоторые из них, в частности Ансар аль-Ислам, что осуществляет вербовку среди курдов, поддерживают связи с «Аль-Каидой».

Характерно, что целый ряд экстремистских суннитских группировок менее всего проявляют склонность принять шиитское религиозное правление и предпочитают ему «светское государство» при «равном и справедливом» распределении власти.

ВЛИЯНИЕ АРАБСКИХ СТРАН

Основные интересы арабских стран лежат в сфере недопущения роста влияния Ирана в Ираке и во всем регионе. Именно это порождает у них стремление воспрепятствовать маргинализации иракских суннитов. Египет, Иордания, Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, а также Турция опасаются формирования «шиитского альянса» (Иран и иракские шииты), угрожающего подорвать баланс сил в регионе. Это — главная причина, по которой они не являются сторонниками незамедлительного и неподготовленного вывода американских войск из Ирака.

Эксперты сомневаются в том, что арабские страны в ближайшее время окажутся способны выступить в качестве сплоченной силы и реально повлиять на обстановку в регионе. Их участие в иракском урегулировании исчерпывается главным образом предложением со-

здать собственное поле для политического диалога между сторонами внутрииракского противостояния. А между тем Соединенные Штаты по мере развития иракской ситуации в невыгодном для них направлении будут все больше нуждаться в помощи и участии арабских стран. Одной из форм такого сотрудничества могло бы стать развертывание миротворческих сил Лиги арабских государств в Ираке. Однако осуществление такого плана возможно только под эгидой Организации Объединенных Наций.

ВЛИЯНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

По оценкам экспертов, для подавления сопротивления в Ираке потребуется длительный период времени – от 7 до 12 лет. Между тем американская армия столкнулась с многочисленными трудностями. Регулярных сил для ведения военных действий не хватает, поэтому Пентагону пришлось мобилизовать резервы. Отмечается растущая усталость и деморализация американских военнослужащих, плохо представляющих себе цели иракской войны. Примерно треть вернувшихся из Ирака нуждается в медицинской и психологической помощи. Национальная гвардия последние три года испытывает недобор, несмотря на повышение денежного довольствия и снижение требований к рекрутам. В 2005 финансовом году расходы на военные нужды с учетом дополнительных ассигнований на Ирак составили 433 млрд долларов, превысив пик, достигнутый при Рейгане (400 млрд в ценах 2005-го) и Джонсоне (421 млрд долларов). В условиях многолетнего бюджетного дефицита это не может не беспокоить как руководство, так и общественное мнение страны.

Более того, администрация Буша уже не может рассчитывать на автоматическую поддержку любой своей инициативы в Конгрессе. Осенью 2005 года в обеих палатах Капитолия впервые развернулась серьезная борьба по иракскому вопросу. Даже поддерживавшие президента в 2003-м конгрессмены теперь настаивали на «иракизации» и «интернационализации» войны.

Как показала межпартийная дискуссия в Конгрессе, ни республиканцам, ни демократам не удалось предложить какой-либо способ завершения войны на приемлемых для США условиях. И в той, и в другой партии растут опасения относительно «нового Вьетнама», но при этом считается, что немедленный вывод американских военных означал бы крушение всей стратегии закрепления позиций США как единственной сверхдержавы. Лидеры обеих партий заинтересованы в

том, чтобы найти компромиссный вариант решения, позволяющий избежать ухода американских войск по вьетнамскому сценарию. Однако по мере развития избирательного цикла (промежуточные выборы – президентские выборы) действие конфронтационных факторов угрожает усилиться, если республиканцы и демократы сделают упор не на сдвиг в центр, а на мобилизацию правоконсервативной базы в первом случае и леволиберальной во втором.

Неудачный ход боевых действий в Ираке не мог не оказать воздействие на американское общество, перед которым замаячил призрак «нового Вьетнама». Это связано с ростом потерь (более 2,5 тыс. убитых и 20 тыс. раненых), высокой стоимостью войны и отсутствием четкого представления о ее целях. События в Ираке не способствовали популярности администрации, которая оказалась замешана в целом ряде политических скандалов (подтасовка разведанных, разглашение конфиденциальной информации, секретные тюрьмы, пытки заключенных).

Пока, в отличие от 1960-х годов, в Соединенных Штатах нет массовых движений протеста. Однако сопоставление опросов показывает, что уровень поддержки войны в Ираке за прошедшие три года падает еще быстрее, чем в период корейской и вьетнамской войн. В начале 2005-го 55 % американцев считали, что войска США должны находиться в Ираке «столько, сколько потребуется», а 40 % выступали за их скорейший вывод. К началу этого года ситуация изменилась: число сторонников войны до победного конца сократилось до 36 %, а требующих немедленно покинуть Ирак выросло до 59 %.

Участники обсуждения указывали на отсутствие у США стратегии завершения войны. На Вашингтон, главная задача которого – избежать поражения, безусловно, оказывает воздействие не только тупиковая ситуация в Ираке, но и отношения с западноевропейскими партнерами. Европейский союз расколот по поводу иракской войны между «старыми» и «новыми» членами ЕС, а также между ведущими государствами Европы – Францией и Германией, с одной стороны, и Великобританией – с другой. Однако рычаги влияния Европы на ситуацию в Ираке в значительной степени ограничены. Соединенные Штаты заинтересованы порой даже в чисто символическом военном присутствии там своих союзников, которые со своей стороны используют это как предмет торга. Но слабость их позиции, по сути, также в дефиците альтернативных вариантов решения конкретных иракских проблем.

Немаловажным для определения политики Запада в отношении Ирака остается нефтяной фактор. По оценке участников обсуждения, эта страна в ближайший период не в состоянии превратиться в один из надежных источников снабжения нефтью США, Западной Европы и Японии. В обстановке партизанской войны в Ираке невозможно обеспечить безопасность энергетической инфраструктуры, привлечь новых инвесторов. Нерешенной остается и проблема распределения нефтяных ресурсов и доходов от них в случае федерализации страны.

РОЛЬ РОССИИ

С самого начала иракского кризиса Россия настаивала на необходимости привлечь международное сообщество к его урегулированию. Имея непосредственное отношение к разработке и принятию важнейших решений Советом Безопасности ООН, подготовке и проведению различных международных форумов, Москва неоднократно предлагала созвать международную конференцию с участием политических и религиозных сил Ирака, а также сопредельных с ним стран и постоянных членов СБ ООН. Такая встреча могла бы способствовать выработке плана конкретных действий по передаче суверенитета представителям иракского народа. Одновременно выдвигалось предложение определить мандат многонациональных сил безопасности в тесной увязке с календарем вывода оккупационных войск из Ирака.

Российская сторона готова участвовать и в восстановлении Ирака, включая деловое сотрудничество, особенно в тех отраслях экономики, где работали советские, а затем российские специалисты. В ноябре 2004 года российское руководство пошло на беспрецедентное списание свыше 90 % иракского государственного долга. Некоторые российские компании уже направили туда своих представителей с целью реконструкции и модернизации энергетических объектов. Однако участники ситуационного анализа сошлись во мнении, что не стоит строить иллюзий относительно быстрого обретения Россией прочных экономических позиций в этой стране, даже в случае стабилизации.

В то же время иракцы рассчитывают на более активное содействие Москвы в урегулировании кризиса — в первую очередь в качестве посредника. Об этом свидетельствует, в частности, факт посещения российской столицы в июле 2003-го Джалалем Талабани, а в

декабре того же года делегацией Временного управляющего совета Ирака во главе с Абдель Азизом аль-Хакимом и годом позже главой временного правительства Айядом Аллави.

Стабильность позиции России органично связана с неизменностью ее отношения к проблеме вывода оккупационных сил из Ирака – не немедленного, неподготовленного, а в зафиксированные сроки.

ВЫВОД ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ: КОГДА, ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ?

В ходе обсуждения проанализировано три варианта.

1. Оккупация Ирака продолжится еще 5–10 лет или более. Но по мере стабилизации обстановки в стране и формирования иракских вооруженных сил США пойдут на постепенное сокращение своего военного присутствия, оставив необходимый минимальный контингент на ряде военных баз для обеспечения безопасности стратегических объектов. Такое развитие событий видится наиболее вероятным, что объясняется несколькими причинами:

- присутствие собственных войск в регионе имеет для США стратегическое значение: контроль над энергоресурсами, сохранение плацдарма для возможной силовой акции в отношении Ирана;

- вывод американских войск выглядел бы проявлением слабости, особенно при отсутствии каких-либо реальных успехов в поддержании порядка в Ираке и в восстановлении страны;

- в условиях растущей дестабилизации обстановки в Ираке и в регионе в целом прекращение оккупации способно повлечь за собой еще более негативные последствия для США.

2. Единовременный вывод оккупационных войск из Ирака в близкой перспективе как вариант теоретически не исключается в силу возникновения непредвиденных обстоятельств, неприемлемых для США:

- выход ситуации из-под контроля (параллель с Вьетнамом);
- резкое увеличение числа американских потерь;
- радикализация недовольства общественного мнения в США;
- усиление давления со стороны международного сообщества.

Однако такой вариант, по мнению экспертов, маловероятен главным образом потому, что американские войска останутся в Ираке вплоть до решения иранской проблемы. Предполагать же, что это произойдет в ближайшее время, не приходится. К тому же очевидны неготовность иракских властей к самостоятельному управлению и неспособность обеспечить порядок.

3. Вывод коалиционных войск из Ирака и замена их на воинский контингент из арабских (мусульманских) стран. Здесь мнения участников ситуационного анализа разделились. Одни считают развитие событий в соответствии с этим вариантом весьма проблематичным по тем же причинам, которые ставят под сомнение второй вариант. Другие придерживаются точки зрения, что Соединенные Штаты, возможно, даже заинтересованы в выходе из тупиковой ситуации путем замены преобладающей части своих вооруженных контингентов миротворческими подразделениями. Не исключается и участие арабских стран в их комплектовании.

При этом, согласно единодушному выводу экспертов, в случае падения или пассивности нынешнего режима, американское военное присутствие продлится. Между тем новым властям в Ираке грозят серьезные трудности, связанные не только с отсутствием безопасности, но и с тяжелым экономическим положением в стране. Огромной проблемой по-прежнему остается безработица (по разным подсчетам, от 25 до 40 % трудоспособного населения). Неспособность обеспечить рабочие места обуславливает рост влияния радикальных исламских организаций, берущих на себя социальные функции. Повсеместно развивается коррупция. Вместе с тем Ирак обладает довольно солидным потенциалом в том, что касается богатейших природных ресурсов и наличия образованных кадров.

ПРОБЛЕМА ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ

Отдельно эксперты остановились на перспективах федерализации Ирака.

При широкой курдской автономии на севере Ирака остальная часть страны вряд ли останется единой, унитарной. Боснийский вариант решения проблемы был признан несостоятельным.

Учитывая настроения суннитской части населения, трудно говорить о создании структуры из трех субъектов федерации: на севере курды, на юге шииты, а в центральной части Ирака сунниты, поскольку в таком случае последние будут лишены доступа к нефтяным месторождениям.

Наиболее эффективным механизмом федерализации страны, во многом снимающим межконфессиональные противоречия, является разделение Ирака (кроме курдской автономии) на 14 или 18 провинций, отнюдь не преследуя при этом цель достижения их этно-конфессиональной однородности. Существенным дополнением

такого устройства мог бы стать двухпалатный парламент, в котором провинции были бы представлены в верхней палате, наделенной правом вето в отношении решений нижней палаты. Такой сценарий позволил бы во многом ограничить шиитское доминирование в парламенте.

Подводя итог обсуждения, следует отметить следующие выводы, к которым пришли большинство экспертов.

Первое. В Ираке сохранится видимое единство, а урегулирование будет достигнуто через конституционные меры. Объединение части страны с Ираном, как и отделение Курдистана, эксперты признали маловероятным, по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Второе. Существует явно выраженная тенденция перехода Ирака к государственному устройству исламского типа. Этому в немалой степени способствует и усиливающаяся в последние годы исламизация общественной и повседневной жизни, особенно в южных провинциях. Нельзя сбрасывать со счетов весомое иранское влияние. Установление в Багдаде исламистского режима станет негативным, дестабилизирующим фактором для сопредельных стран (Сирия, Иордания, Турция) и для региона в целом; в связи с этим не исключено установление власти исламистов в других ближневосточных государствах (Египет).

Третье. Маловероятен приход сильной авторитарной личности. На роль общеиракского лидера со временем может реально претендовать Муктада ас-Садр, не скрывающий своих политических амбиций. Однако слишком глубокие расколы в иракском обществе не позволят выдвинуть и признать единоличную власть лидера, неизбежно представляющего лишь одну из общин. Поэтому данный сценарий не нашел поддержки у большинства участников дискуссии.

Четвертое. В ближайшее время, вероятнее всего, продлится ситуация, для которой характерны вялотекущий межконфессиональный конфликт, террористическая активность и иностранное военное присутствие, при этом сохранится слабая государственная власть, низкая боеспособность армии и невысокая эффективность полиции.

Эволюция успеха

Америка на Большом Ближнем Востоке

Роберт Блэкуилл

Когда в начале 1970-х годов я начинал работать в команде Генри Киссинджера, термин «Большой Ближний Восток» (ББВ) еще не вошел в употребление. Вместе с новым геополитическим понятием пришли новые реалии и новое видение ближневосточной проблематики. Сегодня речь идет о регионе, включающем в себя, помимо традиционного Ближнего Востока, Афганистан и неразрывно связанный с ним Пакистан, зону Персидского залива и часть Северной Африки. Общими для многих стран, входящих в этот регион, являются вызовы радикального ислама и терроризма, некоторые из государств обладают или стремятся обзавестись оружием массового уничтожения (ОМУ). Кто-то, возможно, склонен относить к данному региону даже Центральную Азию с ее богатыми запасами энергоресурсов и проблемами, аналогичными тем, что наблюдаются на Ближнем Востоке.

В повестке дня американской администрации ББВ занимает, несомненно, первое место. Причем сегодняшний подход к этому региону существенно отличается от того, каким он был в период от арабо-израильской войны 1967-го до трагических событий 11 сентября 2001 года.

СМЕНА СТРАТЕГИИ

Во-первых, все эти годы Америка продвигала свои интересы в регионе за счет сближения с консервативными, или, как их тогда назы-

Роберт Блэкуилл в течение многих лет работал на ответственных должностях в Государственном департаменте США и администрации Белого дома, занимался проблемами Ближнего Востока и Южной Азии. Данный материал основан на лекции, прочитанной автором в Государственном университете — Высшей школе экономике в Москве в январе 2006 года.

вали, умеренными, арабскими режимами, не обращая внимания на их преимущественно антидемократический характер.

Во-вторых, в центре ближневосточной политики Вашингтона находился арабо-израильский конфликт, поскольку именно он порой раздувал пламя региональных войн. Более того, так как Соединенные Штаты действовали не в пустом пространстве (значительным влиянием пользовались также Советский Союз и ряд других государств), противостояние между израильтянами и палестинцами угрожало конфронтацией двух сверхдержав, что особенно отчетливо проявилось в 1973-м. (Как США, которые поддерживали Израиль, окруживший египетскую армию, так и СССР, который требовал возвращения израильских Сил самообороны на исходные позиции, заявили тогда о готовности открытого военного вмешательства. — **Ред.**)

В-третьих, предметом озабоченности Вашингтона являлось обеспечение бесперебойных энергопоставок из района Персидского залива.

В те годы почти не обсуждались только две темы: отсутствие демократии в большинстве стран региона и оружие массового уничтожения, которое имелось лишь у Израиля. Некоторые арабские режимы, возможно, хотели заполучить ОМУ, но им мешало значительное технологическое отставание.

Не случись событий 11 сентября 2001 года, мы, возможно, и по сей день придерживались бы прежней линии поведения, которая не менялась на протяжении десятилетий. В рамках привычного видения ситуации американцам не удавалось в полной мере оценить степень радикализации отдельных частей арабского мира, но это послужило уроком на будущее. Исламский радикализм можно преодолеть не с помощью пушек, а противопоставив ему конкурентоспособные идеи.

Одной из таких идей стала предложенная президентом США Джорджем Бушем-младшим и его командой концепция *трансформационной демократии*, которая предполагает, что демократизация осуществляется дипломатическими средствами с учетом особенностей каждой страны и с опорой на местные силы. Отныне наша конечная цель — рост демократии и терпимости, уважение к законности и правам человека на Большом Ближнем Востоке. Страны региона должны отказаться от терроризма и агрессивных намерений, обрести мир и стабильность и прийти к открытой рыночной системе. Все это коренным образом отличается от принципов, которыми Америка руководствовалась на протяжении десятилетий.

Взявшись за выполнение этой задачи, Америка взвалила на свои плечи тяжелое дипломатическое бремя. Ведь каждое государство региона уникально, у каждого — своя история и культура, своя внутренняя политическая динамика. Чтобы добиться демократических перемен на этом обширном многоликом пространстве, нужно осознавать, что придется отказаться от заранее подготовленных сценариев, полагаясь на инициативу, исходящую изнутри, в соответствии с условиями и потребностями конкретных стран.

Есть ли альтернатива этому новому подходу? Не лучше ли, например, возвратиться к поддержке умеренных арабских режимов, не являющихся демократическими? Кое-кто из арабских союзников США наверняка отдает предпочтение такой тактике, но она уже невозможна: джинн вырвался из бутылки. Еще один вариант действий — разработка и реализация планов практических шагов применительно к каждой из стран региона в отдельности — едва ли поможет добиться позитивного эффекта. Не причисляю себя и к тем американским деятелям, которые выступают за радикальную демократическую трансформацию. Я — приверженец именно эволюционного процесса, поскольку не верю в мгновенное торжество демократии в регионе. Вопрос в том, удастся ли обеспечить гражданам арабских государств более широкую свободу выбора, не подрывая при этом основ национальной культуры.

Наконец, остается насильственная демократизация. Мы пошли этим путем в Афганистане, но давайте не будем забывать, что тогда нам пришлось отвечать на нападение. Мы были уверены, что режим Саддама Хусейна представляет смертельную угрозу для Соединенных Штатов, и атаковали Ирак. Но я твердо убежден в том, что установление демократии силой — это не наш подход.

Развитие демократии не способствует росту терроризма. Не исключено, конечно, что свободные выборы могут привести к власти

Саддаму Хусейну!

Чтоб избежать бесчестья и позора
В родном Ираке раз и насовсем —
Любому и предателю, и вору
Был краток твой вердикт, Саддам Хусейн.

А мы примеру твоему не вняли,
Пустили «демократов» на порог —
И Родину почти что потеряли,
В Беде увязли с головы до ног...

Еще вчера была у нас держава,
Империя, сильна и велика,
Но «пятая колонна» нас держала
По ветру, что летел издалека.

Из тех заокеанских кабинетов,
Лабораторий, баз и всяких лож,
Где цель одна — господство над планетой,
Где средство — подкуп, хитрость или ложь.

...А ведь могли бы избежать позора
В родном Союзе раз и насовсем,
Когда бы и к предателю, и к вору
Мы подошли, как ты, Саддам Хусейн.

Евгений Нефедов.

Сборник «Привет Саддаму!

Стихи поэтов России о Саддаме Хусейне».

М: «Синдбад», 1997

силы, глубоко враждебные Соединенным Штатам. Но если мы верим в демократию как принцип миропорядка, мы должны принять и ее последствия, устраивают они нас или нет.

ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ПЕРЕМЕНЫ

В президентской администрации считают, что с 2001 года на Большом Ближнем Востоке наметились благоприятные тенденции, обусловленные продвижением трансформационной демократии. Они, разумеется, не являются заслугой исключительно Америки, но без ее лидирующей роли были бы невозможны.

В Афганистане, который в плане демократии, бесспорно, является примером для всего региона, состоялись президентские и парламентские выборы, а также, что самое главное, был уничтожен оплот «Аль-Каиды». Фабрики террора прекратили свою работу, что с геополитической точки зрения является огромным достижением Соединенных Штатов. В Афганистане установился политический плюрализм, хотя, безусловно, пройдут десятилетия, прежде чем он превратится в нормальное демократическое государство.

В Саудовской Аравии впервые в истории прошли местные выборы. В Египте оппозиционным политикам отныне позволено выступать на телевидении с критикой в адрес президента Мубарака. Нельзя не упомянуть также о выводе сирийских войск из Ливана и мирном разрешении конституционного кризиса в Кувейте.

Обнадеживают и перемены, наметившиеся в жизни Ирака. Согласно данным Всемирного банка, Ирак занимает второе место в мире по объему доказанных нефтяных ресурсов. Его достаточно стабильная национальная валюта растет по отношению к доллару. Обладая высокоэффективным банковским законодательством, Багдад контролирует инфляцию, привлекает иностранные инвестиции и уже в этом году ожидает 40-процентного увеличения экспорта. Реальный прирост ВВП Ирака составит в 2006-м 17 %, значительно вырастет доход на душу населения. За последние полтора года в Ираке появилось 1,5 млн абонентов сотовой связи, в одном только минувшем сезоне в стране было зарегистрировано 30 тыс. новых компаний.

По окончании войны в 2003 году Ирак не имел собственной армии, а спустя год его вооруженные силы насчитывали порядка 100 тыс. военнослужащих. Сегодня эта цифра превышает 200 тыс., а к концу нынешнего года составит 300 тыс. человек. На двух третях

иракской территории установились мир и спокойствие. Тихо и в северной курдской зоне, и в южной шиитской — в тридцати километрах от Багдада. Уверенно развивается деловая активность крупных шиитских городов, особенно Наджафа и Кербелы, где жизнь течет, как в любой мирной стране. Сунниты, получившие по результатам декабрьских выборов-2005 более 50 мест в новом парламенте, вовлечены в политический процесс.

Однако проблемы остаются. Экономика восстанавливается крайне медленно. В отдельных районах Багдада и трех суннитских провинциях, голосовавших против новой Конституции, насилие не ослабевает, причем 90 % погибших в ходе мятежей и терактов — местные жители. Значительная часть суннитов до сих пор поддерживает мятежников. Органы правопорядка катастрофически слабы и неукомплектованы. Ситуация все еще может серьезно ухудшиться, однако, я уверен, рано или поздно следует ожидать благоприятного исхода. Через два-три года Ирак будет единой, в целом спокойной и стабильной страной (хотя нельзя исключить вероятность отдельных, но все же крайне редких терактов). Политический процесс придет в норму, экономику ждет постепенное выздоровление. Добыча нефти продолжится. Ирак перестанет представлять угрозу для соседей и поддерживать террор.

Каково будущее иракских курдов? В ходе опросов 99 % из них обычно высказываются за отделение, причем молодежь требует независимости немедленно. Сказываются последствия саддамовского правления и применения отравляющего газа. Арабский язык практически исчез из программы курдских университетов, а многие предпочли бы вообще никогда не иметь дела с арабами. Но будь у курдов возможность провозгласить независимость в нынешних условиях, им, скорее всего, пришлось бы иметь дело с турецкими войсками, размещенными на территории Курдистана. Со стороны Сирии и Ирана также последовала бы реакция. Похоже, что нынешнее курдское руководство это осознаёт, и потому провозглашения независимости не предвидится.

ИРАНСКИЙ ВЫЗОВ

Что касается иранской проблемы, то на сегодня у нее нет очевидного решения. Стремление Ирана обзавестись ядерным оружием может отчасти объясняться тем, что оно есть у Израиля. Но, скорее всего, дело в том, что иранцы — представители, бесспорно, великой

Израильское лобби и внешняя политика США

В последние десятилетия центральное место в американской политике на Ближнем Востоке занимали отношения с Израилем, пишут в скандальной статье «Израильское лобби» профессор Чикагского университета **Джон Миршеймер** и профессор Гарвардского университета **Стивен Уолт**. Материал появился в журнале *London Review of Books*, поскольку попытки напечатать эту работу в Соединенных Штатах успехом не увенчались. Впоследствии эта работа была опубликована в бюллетене *Kennedy School's Faculty Research Working Papers*.

Практически безоговорочная поддержка Израиля и вытекающая из нее декларативная готовность к демократизации всего Ближневосточного региона поставили под угрозу как американскую, так и глобальную безопасность, считают исследователи. По мнению авторов, односторонность этой политики совершенно очевидна. США не только предоставляют Израилю огромные субсидии (3 млрд дол. в год), продают новейшее вооружение и поддерживают средствами дипломатии, но и делятся с ним такими данными разведки, в которых отказывают союзникам по НАТО.

Авторы статьи утверждают, что курс Соединенных Штатов предопределяется влиянием израильского лобби. Это довольно рыхлая коалиция отдельных лиц и организаций. Ее члены объединены стремлением ориентировать внешнюю политику на стабильную и фактически безоговорочную поддержку Израиля. Некоторые из таких коллективных лоббистов имеют общенациональный статус. Это прежде всего сверхвлиятельный Американско-израильский комитет по связям с общественностью и Конференция президентов основных еврейских организаций. Немало и менее заметных групп, действующих в пределах штатов или городов. В состав лобби входят не только евреи, но и влиятельные евангелистские проповедники, например Пэт Робертсон и Джерри Фолвелл, видные конгрессмены-христиане и сотрудники их аппарата, представители администрации, например, посол США в ООН Джон Болтон.

Активными членами лобби являются известнейшие идеологи неоконсерватизма, например, сотрудник аналитического центра *Carnegie Endowment for International Peace* и обозреватель газеты *The Washington Post* **Роберт Кейган**, редактор журнала *The Weekly Standard* **Уильям Кристал**. Это не тайный союз заговорщиков, а вполне нормальная для американской политики группа влияния, действующая традиционными методами (и в этом смысле, отмечают авторы, ничем не отличающаяся, скажем, от фермерского или нефтяного лобби). Ее специфика состоит разве что в исключительной целенаправленности усилий и очень высокой эффективности.

Лобби оказывает давление на исполнительную и законодательную власть и всеми силами создает Израилю благоприятный имидж в общественном мнении. Для этого оно старается направлять дискуссии по проблемам Ближнего Востока в такое русло, чтобы даже теоретическая возможность крупных изменений американской политики в этом регионе выглядела антинациональной и потому абсурдной.

Израиль практически никогда не подвергается серьезной критике в Конгрессе. Бывший руководитель республиканского большинства в Палате представителей Дик Арми в сентябре 2002 года даже провозгласил, что его главным внешнеполитическим приоритетом является защита Израиля (а не США, чего следовало бы ожидать от американского законодателя).

Было бы совершенно неверно объяснять иракскую войну неким «еврейским влиянием», подчеркивают авторы, однако нельзя не признать, что значительную часть вины за эту акцию несет израильское лобби, и прежде всего его активисты из лагеря неоконсерваторов, которые уже в конце 1990-х годов начали кампанию за смену режима в Багдаде. Именно тогда неоконсервативные политологи и журналисты стали утверждать, что демократизация Ирака запустит процесс необратимых изменений на всем Ближнем Востоке. Они уверяли, что устранение Саддама Хусейна чуть ли не автоматически приведет к падению других антизападных руководителей стран региона, ликвидирует опасность распространения оружия массового уничтожения и нанесет решительный удар по терроризму. Сразу после падения Багдада израильское лобби начало понуждать администрацию Джорджа Буша резко усилить давление на Сирию.

В последнее время лобби активизировало кампанию за недопущение Ирана к разработке ядерных технологий. Авторы статьи признают, что у США есть причины опасаться иранских ядерных амбиций. Однако если Соединенные Штаты могли сосуществовать с Советским Союзом и маоистским Китаем, несмотря на их ядерные арсеналы, то они тем более могут не особо опасаться и иранской бомбы.

Миршеймер и Уолт подчеркивают, что лобби несет свою долю ответственности за продолжение палестино-израильского конфликта, который подпитывает терроризм и служит главным фактором усиления антиамериканских настроений в арабском мире. В конечном счете, деятельность лобби противоречит долговременным национальным интересам Израиля, которые не следует путать с интересами радикальных сионистов.

Washington ProFile

цивилизации — спрашивают себя: «Почему другим странам позволено иметь ядерное оружие, а нам нет?» Я бы ответил им так: «Это слишком опасно для всех нас, и ваша цивилизация, какой бы древней она ни была, здесь ни при чем». Очевидно, такой аргумент их не убеждает. Но и израильтяне не откажутся от своих ядерных запасов, особенно учитывая намерение иранского президента стереть их государство с лица земли.

Если Иран обзаведется ядерным оружием, его региональное влияние возрастет и в распоряжении Тегерана окажутся дополнительные рычаги. Вслед за этим, вероятно, будет расти поддержка, оказываемая им террористическим организациям. Все это вызовет тревогу в суннитском мире, где, как известно, и без того с опаской относятся к «шиитскому полумесяцу» (в географическом смысле речь идет о территории, простирающейся от Ливана через Южный Ирак вплоть до Ирана. — Ред.). Как только у шиитов появится бомба, сунниты обзаведутся точно такой же. Примеру Ирака последуют Египет, Саудовская Аравия, Турция и другие страны. Режим нераспространения будет ослаблен во всех аспектах.

Страны региона крайне обеспокоены стремлением Ирана обладать ядерным оружием, но они точно так же не желают американского военного вмешательства, подозревая, что оно приведет их к катастрофе.

Америке трудно найти общий язык с новым иранским руководством. Мы имеем дело с президентом, чья риторика противоречит нормам международной этики и дает мало оснований для оптимизма. Однако за время работы в должности госсекретаря Кондолизы Райс значительно продвинулась в решении иранской проблемы, придавая особую важность переговорам и горячо поддерживая деятельность европейской «тройки» в составе Великобритании, Германии и Франции. Райс способствовала активизации на иранском направлении дипломатической деятельности России, выступившей с соответствующей инициативой. Получил дальнейшее развитие переговорный процесс с Китаем по вопросу ядерной программы Ирана. Совместно с администрацией президента госсекретарю удалось убедить Индию поддержать США в ходе осенней сессии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). И конечно, важную роль сыграл лауреат Нобелевской премии и генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадеи, горячо выступающий против превращения Ирана в ядерную державу.

Но, несмотря на все эти меры, убедить Тегеран отказаться от ядерных амбиций пока не удастся. Какие же варианты поведения существуют на сегодняшний день? Во-первых, мы можем позволить Ирану обзавестись ядерным оружием и в дальнейшем осуществлять попытки сдерживания. Но это повлечет за собой негативные последствия, о которых упоминалось выше.

Во-вторых, можно продолжить работу по сплочению мирового сообщества и наращивать дипломатические усилия, в которых именно России предстоит сыграть ключевую роль. Мы могли бы обратиться в Совет Безопасности ООН. Однако не исключено, что в таком случае Москва наложит вето на введение санкций против Ирана. Но даже если Россия этого и не сделает, санкции едва ли повлияют на политику Ирана. Поведение Тегерана в последние месяцы не дает оснований надеяться на то, что предпринятые дипломатические шаги побудят Иран отказаться от полного ядерного цикла.

Третий вариант — военное вмешательство. Те, кто не верит в его эффективность, не правы. Действительно, разрушить все ядерные объекты Ирана невозможно: часть из них скрыта или находится глубоко под землей. Но уничтожение основных из них отбросит ядерную программу Тегерана на годы назад.

Силовой вариант чреват многими опасностями. Во-первых, наши данные о расположении ядерных объектов Ирана могут быть неточны. Во-вторых, нападение на Иран способно ударить по ситуации в Афганистане и Ираке, вызвать крайне негативную реакцию в арабских странах. Да и остальной мир в большинстве своем отреагирует отрицательно.

Применение военной силы против Ирана в Белом доме рассматривают как последнее средство, к которому следовало бы прибегнуть. Есть все основания считать, что администрация Буша возлагает большие надежды на возможность дипломатического решения этой проблемы и по мере сил ведет его поиски в сотрудничестве с Европейским союзом, Россией и другими странами. Но если деятельность международного сообщества зайдет в тупик, то Америке придется решать, что делать дальше.

В ближайшие десять лет предстоит учитывать действие на Ближнем Востоке двух новых мощнейших факторов — Индии и Китая. Эти страны набирают здесь всё больший вес и влияние. В районе Персидского залива проживают 3 млн индийцев, перелет из Дели в Дубаи занимает чуть более трех часов. Китай строит свои отноше-

ния с государствами Персидского залива на основе соблюдения законов свободного рынка и стремления обеспечить себе доступ к источникам энергопоставок; его стратегические и энергетические мотивы пока неясны.

* * *

Большой Ближний Восток является одним из самых проблемных регионов мира. Никогда еще за последние тридцать лет ситуация здесь не была столь нестабильной, а с учетом иранской ядерной программы — и столь угрожающей. И все же, как это ни парадоксально, сегодня регион предоставляет нам больше возможностей, чем в последние десятилетия.

Очень многое будет зависеть от качества американской дипломатии. В разные периоды ее отличали то высокий профессионализм и стратегическое видение, то полное их отсутствие. Это тяжкое испытание и для нынешних, и для последующих лидеров Америки, поскольку развивающийся на Большом Ближнем Востоке политический процесс обещает быть очень долгим.

Примириться с идеей ядерного Ближнего Востока невозможно: ее воплощение в жизнь грозит ядерной войной. Режимы зачастую незнакомы с понятием переговорного процесса, и если в их распоряжении окажется ядерное оружие, они, скорее всего, пустят его в ход. Это коренным образом изменит облик нашей планеты. Соединенным Штатам и Советскому Союзу понадобилось тридцать лет, чтобы наработать багаж знаний и опыта, необходимый для недопущения ядерной войны. У стран Ближнего Востока такого багажа нет. Поэтому США и Россия должны сделать все возможное, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия в этом регионе.

Азербайджан между Америкой и Ираном

Ариф Юнусов

Кризисная ситуация вокруг ядерной программы Ирана привлекла внимание к непосредственному соседу этой страны – Азербайджану, с которым Иран связан своим многочисленным азербайджанским меньшинством и длительными непростыми отношениями.

Некогда нынешние Азербайджан и Иран входили в единое государство, и на протяжении столетий Тегеран считал азербайджанские земли своими. Однако, согласно российско-персидскому Туркманчайскому миру 1828 года, Северный Азербайджан, занимавший примерно треть всех азербайджанских территорий, отошел под юрисдикцию Санкт-Петербурга.

История расколотого народа развивалась с тех пор по двум направлениям. Южные азербайджанцы по-прежнему принадлежали к исламской и – шире – восточной цивилизации, северные же стали приобщаться к российской, а через нее – к европейской культуре. Именно на севере страны пробудилось национальное самосознание азербайджанского этноса, возникли политические партии.

После распада Российской империи в 1918-м местная элита объявила о создании Азербайджанской Демократической Республики – первой на мусульманском Востоке. Иран отказался признать независимое государство, а весной 1920 года Россия, теперь уже советская, восстановила здесь свою власть, воспользовавшись таким поводом, как кровавый конфликт между Баку и Ереваном из-за Нагорного Карабаха. Двадцать три месяца независимого существования не прошли для нации бесследно, в ее памяти оста-

Ариф Юнусов – к. и. н., руководитель Департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии Азербайджана.

лась и та негативная роль, которую Россия, Армения и Иран сыграли в судьбе молодой демократической республики.

В самом начале Великой Отечественной войны СССР ввел войска в Иран и в течение всех военных лет контролировал Южный Азербайджан. Москва всерьез рассчитывала присоединить оккупированную территорию и в декабре 1945-го способствовала созданию там республики под руководством Сеида Джафара Пишевари, в правительство которого вошли немало выходцев из советского Азербайджана. Фактически готовилось объединение под эгидой СССР. Однако после ухода Советской армии власти Ирана разгромили республику. Шанс восстановить целостность народа был упущен.

Еще с конца 1980-х в Северном Азербайджане стали все чаще раздаваться призывы к объединению азербайджанских земель. 31 декабря 1989 года тысячи людей, воодушевленные первой за долгие десятилетия возможностью братания с соплеменниками, пересекли реку Аракс, минуя заграждения на советско-иранской границе. Ныне эта дата официально отмечается как День солидарности азербайджанцев всего мира.

ТЕГЕРАН – БАКУ:

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Распад СССР и появление в 1991-м 8-миллионной суверенной Азербайджанской Республики, по сути, вернули ситуацию в регионе к 1918–1920 годам. Вновь вспыхнул конфликт с Арменией из-за Нагорного Карабаха, резко осложнились отношения с Москвой. С момента обретения Азербайджаном независимости его внешняя политика носила ярко выраженный прозападный, прежде всего проамериканский, характер. (Этот курс, проводившийся правительством Народного фронта Азербайджана во главе с президентом Абульфазом Эльчибеем, сохранился и после прихода к власти в 1993-м Гейдара Алиева.)

Перемены не могли не сказаться и на отношениях с Тегераном. Ведь численность азербайджанцев, компактно проживавших на севере Ирана, по данным переписи 1986 года, достигала 11,5 миллиона человек – более 25 % всего иранского населения. (В 2006-м посол Ирана в Азербайджане Афшар Сулеймани отмечал, что в настоящее время в Иране проживает более 35 миллионов азербайджанцев). Особенно заметную роль азербайджанцы играли в армии и органах государственной власти.

Табриз – центр иранского Азербайджана. Начало XX века

Иран попытался направить ход событий в выгодное для себя русло, избрав для этого тактику содействия в урегулировании карабахского конфликта. По его предложению лидеры Армении и Азербайджана встретились в мае 1992 года в Тегеране. Однако эта первая и единственная попытка посредничества закончилась для ирано-азербайджанских отношений катастрофой. Официальный Баку получил от Тегерана заверения в том, что Армения не будет предпринимать никаких военных операций, но еще до завершения переговоров армяне штурмом овладели городом Шуша – главным оплотом азербайджанцев в Нагорном Карабахе. Это событие во многом стало поворотным в войне, и моральная ответственность за него полностью ложится на Иран.

В 1994-м Баку под давлением Вашингтона отказался включить Тегеран в число участников международного консорциума по разработке нефтегазовых месторождений на Каспии. Спустя два года из республики были выдворены почти все иранские религиозные, гуманитарные и общественные организации, а вскоре оказались арестованы и осуждены по обвинению в шпионаже в пользу Ирана руководители проиранской Исламской партии Азербайджана. К антииранским акциям подключилась и диаспора: на проводимых с 1997 года всемирных конгрессах азербайджанцев тема положения соотечественников в Иране поднимается постоянно.

Другой камень преткновения в отношениях с Ираном — это проблема статуса Каспийского моря и производства энергоресурсов. В июле 2001-го обе страны едва не оказались на грани войны: иранские истребители и морские корабли регулярно препятствовали разработкам нефтяных месторождений вблизи границы. В августе 2003 года Тегеран обвинил Баку в милитаризации Каспийского моря. Поводом послужило проведение совместных азербайджано-американских военно-морских учений по охране от террористов нефтегазовых морских платформ на Каспии, в которых принимали участие 18 военнослужащих США, два боевых вертолета и два патрульных катера Азербайджана.

В результате президентских выборов-2003 власть в Азербайджане практически была передана от тяжелобольного президента Гейдара Алиева его сыну Ильхаму. Администрация Джорджа Буша-младшего предпочла не замечать откровенных фальсификаций и репрессий, сопровождавших избирательную кампанию, и признала объявленные итоги голосования. Это возмутило даже те силы, которые наиболее рьяно ориентировались на Запад. Оппозиционные СМИ пестрели броскими заголовками: «Нефть в обмен на демократию», «Прощай, Запад!», «Близорукая политика Вашингтона»... А «Ени Мусават», одна из наиболее радикальных прозападных газет, опубликовала статью под названием «Если Америку устраивают такие выборы, тогда да здравствует бен Ладен?».

На фоне лицемерной позиции Запада важным источником информации о происходящем в их собственной стране для населения Азербайджана было иранское радио и четыре телеканала телевидения Ирана, в первую очередь частный «Сэхэр-2». В республике стали быстро расти происламские настроения.

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР

После американского вторжения в Афганистан и Ирак в Азербайджане решили, что наступил его час в противостоянии с Ираном, который открыто рассматривался руководством США как одна из главных угроз. В свою очередь и американцы стали больше внимания уделять национальным меньшинствам Ирана, особенно азербайджанцам.

В 2002 году высокопоставленные американские чиновники приняли лидера Движения за национальное возрождение Южного Азербайджана — профессора Тебризского университета Махмудали Чехраганлы, высланного из Ирана. После этой встречи опальный политик сделал официальное заявление в СМИ: «Цель нашей орга-

низации — создание в Иране демократического светского государства с федеративным строем, причем Южный Азербайджан получит самый высокий статус автономии». По его словам, сразу после этого в США начались переговоры по объединению всех оппозиционных кругов Ирана. Американцы настаивали на сохранении территориальной целостности Ирана как светского и демократического государства, в рамках которого азербайджанцы могут рассчитывать на создание автономной республики со столицей в Тебризе. 2 июля 2003 года на пресс-конференции в Баку Чехраганлы заявил: борьба за «новую жизнь южных азербайджанцев» началась, и по истечении 18 месяцев Иран превратится в федерацию.

Что касается политики американцев на бакинском направлении, то здесь они особых проблем не ждали. Но нынешняя ситуация уже не позволяет сделать однозначный выбор в чью-либо пользу. Ильхам Алиев, возглавивший страну уже в разгар американской битвы против терроризма, вынужден лавировать между Вашингтоном, Тегераном и Москвой. Кроме того, азербайджанское общество, болезненно воспринявшее реакцию Соединенных Штатов на результаты президентских выборов в республике, стало неоднозначно относиться к размещению там американских баз. Почувствовав это, Алиев заявил весной 2004-го, что Азербайджану не следует торопиться с решением вопроса о вступлении в НАТО.

В Баку зачастили высокопоставленные гости из Пентагона и Госдепартамента. В марте 2004-го по личному приглашению министра обороны США Доналда Рамсфелда в Вашингтоне побывал министр обороны Азербайджана Сафар Абиев. Стороны обсуждали вопрос размещения американских войск в Азербайджане и другие военно-технические проблемы в связи с реконструкцией и модернизацией военных аэродромов.

Информация о возможности нападения Соединенных Штатов на Иран, появившаяся осенью того же года, вызвала бурную дискуссию в Азербайджане. Прозападно настроенные политики связывали с якобы готовящейся акцией надежды на объединение исторических частей страны. Но большинство местных аналитиков отмечали, что осложнение американо-иранских отношений чревато для Азербайджана крайне негативными последствиями. Масла в огонь подлили тегеранские власти, публично не исключавшие вероятность нанесения Ираном превентивного удара по территории Азербайджана, если та станет плацдармом американских войск.

В ноябре 2004 года азербайджанские СМИ сообщили, что недалеко от границы с Ираном, на военно-воздушной базе близ поселка Чуханлы Сальянского района, размещено под видом консультантов более 50 американских военнослужащих. Затем последовали публикации о том, что аэродромы в Нахичевани, близ поселков Чуханлы и Насосный (севернее Баку), а также военный полигон в поселке Гараэйбат полностью модернизированы и соответствуют стандартам НАТО. По меньшей мере семь аэродромов практически готовы для нанесения воздушных ударов по Ирану. Комментаторы обращали внимание и на то, что военная база в поселке Чуханлы имеет выход к Каспийскому морю, тогда как американцы уже приступили к модернизации военно-морских сил Азербайджана. Угроза нападения США на Иран приобретала все более реальные очертания, особенно после того, как о такой возможности заявил накануне своей второй инаугурации президент Джордж Буш.

В этой ситуации поведение Ирана резко изменилось. В ноябре 2004-го — после десятилетних тщетных усилий азербайджанских властей — в Тебризе открылось генеральное консульство республики. В декабре Баку посетили спецпредставитель иранского президента по вопросам Каспия Мехти Сафари, министр здравоохранения Масуд Пезешкани, министр безопасности Али Юниси и министр обороны Али Шамхани. Чтобы не дать Азербайджану повод превратиться в плацдарм для американской интервенции, Иран старался форсировать решение всех спорных проблем.

Венцом «иранского сезона» стал официальный визит в Тегеран президента Ильхама Алиева 24–26 января 2005 года. Стороны подписали девять документов о сотрудничестве в различных социально-экономических сферах. Была принята упрощенная схема пересечения общей границы гражданами обеих стран, предусматривалось скорое открытие авиалинии Баку — Тебриз, Иран выразил намерение предоставить безвозмездный кредит в размере 1 млн долларов на развитие экономики Азербайджана. Но главный итог переговоров состоял в том, что Иран публично заявил о поддержке позиции Баку в карабахском конфликте, осудил агрессию со стороны Армении и выступил в поддержку территориальной целостности и суверенитета Азербайджанской Республики. Не менее важным было согласие тогдашнего президента Ирана Сейеда Мохаммеда Хатами на серьезные уступки в вопросе статуса Каспийского моря.

Взамен Тегеран попросил гарантий непредоставления Соединенным Штатам территории Азербайджана для подготовки и развертывания боевых операций против Ирана и предложил, чтобы Баку выступил в качестве посредника при урегулировании имеющихся разногласий с США. Однако Ильхам Алиев дал уклончивый ответ, хотя и подчеркнул, что его страна — сторонница мирного решения всех региональных конфликтов и не допустит размещения у себя иностранных войск.

РЕШЕННЫЙ ВОПРОС?

Визит Ильхама Алиева в Тегеран и заметное потепление в ирано-азербайджанских отношениях вызвали раздражение США. Начиная с весны 2005-го американцы резко активизировали контакты с оппозицией, в воздухе запахло «цветной» революцией, благо осенью предстояли парламентские выборы. В начале апреля в Баку неожиданно прибыл глава Пентагона Доналд Рамсфелд, который намеревался встретиться с президентом Алиевым. За несколько часов до визита американского гостя Ильхам Алиев внезапно «срочно» улетел в Пакистан. Рамсфелд узнал об этом в бакинском аэропорту и тут же... вылетел в Пакистан. Несмотря на отсутствие официальной информации о встрече, из близких к правительству источников стало известно, что разговор об американском военном присутствии в Азербайджане все же состоялся.

Сразу же после этого в азербайджанских политических кругах заговорили о скором появлении на территории республики баз НАТО. Тем более что, согласно сообщениям из-за рубежа, некоторые высокопоставленные деятели из Вашингтона, в том числе Верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Джеймс Джонс, говорили о размещении на азербайджанской территории полноценной натовской базы как о решенном вопросе.

С середины 2005 года, ввиду приближавшихся выборов, проблема военных баз отошла на второй план. Правда, по некоторым данным, негласные переговоры между Баку и Вашингтоном продолжались. Однако в условиях, когда азербайджанский президент не пользовался безусловной поддержкой ни в обществе в целом, ни даже в собственном окружении, ни — особенно — среди членов бывшей команды его отца, тон американцев постепенно менялся в сторону более резкой критики. Ильхам Алиев, раздраженный нежела-

нием Соединенных Штатов пригласить его для личной встречи с Джорджем Бушем, старался оттянуть решение вопроса об американском военном присутствии в республике.

События в Узбекистане и жесткое требование президента Ислама Каримова вывести до конца года американские войска из его страны внесли серьезные коррективы в планы Вашингтона. Наиболее очевидным выходом из положения стало бы размещение американских баз в Азербайджане. Но Баку по-прежнему уходил от прямого ответа.

В начале августа 2005-го в США пригласили министра иностранных дел Азербайджана Эльмара Мамедьярова. Как стало известно в оппозиционных кругах, в ходе этой встречи американская сторона в ультимативной форме все-таки поставила вопрос о размещении своих военных баз. О принятом решении предлагалось уведомить до 20 августа – даты планировавшегося визита в Баку министра обороны Доналда Рамсфелда, который мог состояться лишь в случае получения Вашингтоном положительного ответа.

Вопреки ожиданиям Рамсфелд так и не приехал. 24 августа Алиев на встрече с журналистами заявил, что власти республики не ведут каких-либо переговоров о размещении в стране американских баз. В ответ посол США в Азербайджане Рино Харниш предупредил, что в случае фальсификации парламентских выборов его правительство и Запад в целом займут гораздо более жесткую позицию. В Азербайджане это расценили как открытую угрозу.

Ильхам Алиев отреагировал целым рядом дружественных жестов в сторону России. Принадлежащий президенту телеканал «Лидер» прошелся по «политике неокOLONиализма США в регионе». В близких к правительственным кругам СМИ появились публикации, ставящие под вопрос перспективы появления в Азербайджане баз США и НАТО. Социологический центр «Ряй» («Мнение») в конце августа провел опрос в 33 населенных пунктах республики и выявил 54 % противников баз США и лишь около 21 % допустивших возможность их размещения. Отвечая на вопрос «Как бы вы отнеслись к участию Азербайджана в конфликте между США и Ираном?», большинство респондентов (58 %) высказались негативно и лишь 11 % – положительно.

В сентябре 2005 года посольство США поумерило тон заявлений, призывающих Азербайджан к демократическим преобразованиям. 20 сентября министр обороны республики Сафар Абиев срочно вылетел в Штутгарт по приглашению заместителя началь-

ника Главного штаба Вооруженных сил США в Европе генерала Чарлза Уолда. Переговоры в Германии касались двух тем — размещения американских войск и строительства в республике некоторых военных объектов. Чтобы избежать обвинений со стороны России и антиамериканских сил в самом Азербайджане, военные базы США определялись как «временно дислоцированные мобильные силы», присутствие которых, правда, будет носить долгосрочный характер и станет фактором усиления военного контроля США над энергетическими ресурсами Каспийского моря.

На официальном уровне власти Азербайджана все это категорически отрицали. Бомба взорвалась неожиданно. 21 сентября Рино Харниш заявил журналистам о строительстве двух РЛС: одной — на границе с Ираном в Астаре, другой — вблизи границы с Россией в горах Большого Кавказа по соседству с городом Хызы. Тем самым, сказал посол, вступает в действие план Пентагона по защите ресурсов Каспийского моря.

Заявление посла шокировало пресс-службу азербайджанского Министерства обороны. Вначале она попросту отказалась от комментариев, а затем ее руководитель счел необходимым признать, «что данными о строительстве двух РЛС при содействии США Министерство обороны не располагает». МИД республики также поспешил выступить с опровержениями.

Разумеется, им никто не поверил. Более того, если от модернизации семи аэродромов страна еще как-то выгадывала, то появление сразу двух РЛС казалось многим нецелесообразным. Ведь с учетом расположенной в Габалинском районе российской РЛС «Дарьял» в Азербайджане окажется сразу три подобных объекта двух иностранных держав, при этом одна американская РЛС будет направлена против России, а другая — против Ирана.

В Соединенных Штатах понимали, что им не удастся достичь своих целей в Азербайджане, пока не будет найдено решение по Нагорному Карабаху. Поэтому в начале 2006 года американская дипломатия резко активизировала шаги на данном направлении, предложив фактически новый план: армяне должны освободить шесть районов (по схеме 5+1), но при условии, что Азербайджан даст согласие на проведение через 10–15 лет референдума по статусу Карабаха.

Данную формулу урегулирования конфликта, основанную, по сути, на принципе «оккупированные земли в обмен на независимость Карабаха», азербайджанская общественность однозначно рас-

ценила как намерение аннексировать часть территории страны в угоду стратегическим интересам США. Ильхам Алиев прекрасно понимал, чем ему грозит уступка в карабахском вопросе. В результате встреча президентов Азербайджана и Армении в замке Рамбуйе под Парижем в феврале 2006-го завершилась полным провалом.

Оправившись от шока, Соединенные Штаты вновь вернулись к этому вопросу, пытаясь любыми средствами добиться согласия Алиева на урегулирование армяно-азербайджанского конфликта на предложенных условиях. Кроме того, от официального Баку требовалось согласие на участие в предполагаемой антииранской коалиции. Американцы откровенно намекали на то, что в случае отказа используют различные рычаги давления, например, поднимут вопрос о положении с правами человека и демократией. Власти Азербайджана попали в очень сложную ситуацию. Отчасти это признал Ильхам Алиев, публично отметив: «Мы должны суметь выдержать давление на нашу страну со всех сторон».

Между тем кризис вокруг Ирана принимал все более острый характер, в связи с чем возрастало значение самого Азербайджана. В конце апреля американская администрация совершенно неожиданно пригласила к себе президента Алиева (визита в Вашингтон он безуспешно добивался с 2003 года), чем не на шутку встревожила власти Ирана. Накануне визита азербайджанского лидера в США к нему прибывает иранский министр обороны Мустафа Мухаммад Наджар. А через несколько дней после возвращения из Америки он встречается в Баку с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом. В ходе этих встреч Алиева недвусмысленно предупредили о том, что предпримет Иран, если американцы получат возможность использовать азербайджанскую территорию.

Ильхам Алиев оказался между молотом и наковальней. Он сам это признавал и после переговоров с Джорджем Бушем заявил, что Баку остается приверженцем мирного разрешения иранского кризиса. Это же он повторил и во время своих переговоров и встреч с иранцами. При этом многие аналитики в Азербайджане предполагали, что, скорее всего, президент согласился на неофициальное использование территории республики американцами.

МАЙСКИЙ ВЗРЫВ В ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ
Ситуация в регионе стала еще более запутанной после выступлений в Иранском Азербайджане в мае 2006-го. Они показали, с одной

На улицах Тебриза активно обсуждают перспективы войны с США

стороны, силу и рост сепаратистских настроений, а с другой — наличие у азербайджанцев действительно серьезных проблем.

Началось все с появления в государственной газете «Иран» оскорбительных для азербайджанцев карикатур. Уже через несколько дней почти весь Северный Иран оказался охвачен массовыми митингами протеста, особенно мощным взрыв возмущения был в Тебризе. Большинство персов, особенно государственных служащих, проживающих в азербайджаноязычных районах Северного Ирана, предпочли срочно покинуть свои дома, что временно парализовало деятельность многих учреждений.

Власти Ирана быстро осознали опасность и извинились перед азербайджанцами, арестовав и редактора газеты, и автора карикатуры. Одновременно президент Ахмадинежад обвинил в провоцировании беспорядков «иностранные спецслужбы — в первую очередь американские и израильские». Подозрения Ирана вызывала и Турция. Кроме того, в организации выступлений власти Ирана открыто обвинили Махмудали Чехраганлы — ведь именно его имя выкрикивали демонстранты.

Эти меры, однако, не остановили протестующих, выступления в ряде случаев стали принимать характер межэтнического противостояния. В конце мая в руках митингующих появились флаги Азер-

байджана. Осознав, что ситуация начинает выходить из-под контроля, власти Ирана бросили на подавление демонстраций войска и другие силовые подразделения. К концу мая появились сообщения о почти 50 убитых и более тысячи раненых протестовавших азербайджанцев. Число арестованных доходило до 11 тысяч человек.

Примечательно, что, хотя перед посольством Ирана в Баку один за другим проходили митинги протеста, власти Азербайджана отчаянно пытались делать вид, что события в соседней стране их не касаются и являются исключительно ее внутренним делом. Более того, именно тогда, когда в Баку распространились сообщения о погибших соплеменниках, президент Ильхам Алиев вновь заявил, что «Азербайджан не поддержит военную акцию против Ирана». Одновременно посольство США в Азербайджане официально отвергло обвинения в причастности к событиям. Массовые волнения в Иране остались почти вне поля зрения средств массовой информации многих стран на Западе, а также России.

В начале июня стало ясно, что иранским властям удалось в целом подавить выступления. Пессимистические настроения в азербайджанской среде усилились после почти детективной истории с Махмудали Чехраганлы. 5 июня он вылетел из США, где проживал последние годы, в Турцию, чтобы быть ближе к протестующим собратьям в Иране. Однако 9 июня турецкие власти неожиданно его арестовали, а затем депортировали в Азербайджан, сославшись на угрозу теракта в отношении Чехраганлы со стороны иранских экстремистов. В Баку изгнанника ждал не менее неприятный сюрприз: правоохранительные органы без каких-либо разъяснений посадили его в самолет, направлявшийся в Дубай, откуда тот вылетел в США. Все это вызвало в турецком и особенно в азербайджанском обществе интенсивную дискуссию и критику в адрес местных властей, не пожелавших иметь проблемы с Ираном.

ТРЕВОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В последнее время резко возросло число иранских граждан, скупающих недвижимость в Баку, что привело весной 2006 года почти к 30-процентному удорожанию квартир и иной недвижимости, а также повышению цен на строительные материалы. В феврале 2006-го посол Ирана в Азербайджане Афшар Сулеймани раздраженно заметил: «Мы дадим отпор агрессорам, а переезд в Азербайджан 40–50 тысяч наших граждан ничего не изменит». Но в Азербайджане пре-

красно понимают, что, по сути, происходит миграция и срочная покупка в Азербайджане недвижимости явно связана с приближающейся войной. Тем более что большинство из «гостей» — не азербайджанцы, а иранцы, в том числе родственники представителей правящих кругов Ирана.

Иранский вопрос раскалывает азербайджанское общество. Так, Центр экономических и политических исследований *FAR CENTRE* при поддержке американского Национального фонда демократии провел в апреле — мае в 11 городах Азербайджана опрос по теме, связанной с кризисом вокруг иранской ядерной программы. 34 % респондентов выразили поддержку Ирану, и только 20 % — США и Западу в целом. Лишь 9 % опрошенных ожидают, что военная операция против Ирана принесет пользу Азербайджану, и не более чем 7 % надеются на объединение Южного и Северного Азербайджана. Опрос выявил факт резкого снижения популярности Соединенных Штатов: только 11 % респондентов отнесли их к числу наиболее дружественных Азербайджану стран, тогда как в 1999 году этот показатель составлял 30 %.

Активизировавшиеся националистические движения не скрывают удовлетворения по поводу надвигающейся войны. Они надеются на то, что в случае распада Ирана США, как якобы заявила государственный секретарь Кондолиза Райс, поддержат независимость Южного Азербайджана. На заседании «круглого стола», организованного в марте в Баку Народным фронтом Азербайджана и другими прозападными организациями и посвященного ситуации вокруг Тегерана, практически все выступавшие подчеркивали: война против Ирана неизбежна, и азербайджанцы должны быть готовы использовать шанс воссоединения в едином государстве.

Однако большинство населения и экспертов придерживаются иного мнения. Многие опасаются, что, когда начнутся боевые действия, в Азербайджан хлынут сотни тысяч иранских беженцев и тогда цены на недвижимость, продукты питания и товары широкого потребления еще больше возрастут. Это повлечет за собой рост социальной напряженности и повышение уровня преступности. Одновременно, учитывая значительную религиозность населения Ирана, усилится влияние ислама.

В случае войны, уверены ее противники, Азербайджан ждет экологическая катастрофа, поскольку вызванный бомбовыми ударами разлив больших объемов нефти и нефтепродуктов негативно ска-

жется на источниках водоснабжения и биоресурсах Каспия. Использование современного оружия резко ухудшит сейсмическую обстановку, особенно вокруг столицы. Сторонники интеграции Азербайджана в западные структуры боятся, что если Иран выполнит свое обещание и станет бомбардировать жилые кварталы Баку, то это приведет к многочисленным жертвам среди гражданского населения и соответственно росту антиамериканских настроений.

Наконец, затяжной характер войны окажет дальнейшее дестабилизирующее воздействие на ситуацию в регионе, а США едва ли допустят образование единого Азербайджана. Между тем сильнейшее разочарование политикой Вашингтона способно облегчить дальнейшее распространение происламских настроений, на гребне которых к власти в Азербайджане могут прийти радикальные силы.

Но, предвидя все тяжелейшие последствия американского удара по Ирану и особенно использования Соединенными Штатами территории Азербайджана, подавляющее большинство его населения все же с тревогой осознаёт: стране вряд ли удастся избежать участия в американо-иранском кризисе.

После «Дорожной карты»

Есть ли шансы на мир?

Алек Эпштейн

Проблемы, связанные с палестино-израильским и – шире – арабо-израильским конфликтом, уже на протяжении многих десятилетий остаются одним из основных «приводных ремней» современной геополитики. После победы на палестинских выборах движения ХАМАС ситуация значительно осложнилась, и нет сомнений, что ближневосточное противостояние и впредь будет одним из основных «поставщиков новостей» и, более того, фактором, угрожающим мировой системе коллективной безопасности. В этот конфликт вовлечены самые влиятельные международные игроки, и в том числе Россия, которая, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, инициировала ряд принятых этим форумом резолюций (в том числе такую важную, как резолюция № 1515 от 19 ноября 2003 года, поддерживающая план «Дорожная карта»). Военно-технические связи России с арабо-мусульманским миром, с одной стороны, и наличие влиятельной миллионной русскоязычной общины в Израиле – с другой, предопределяют огромную значимость данного противоборства для российской политики и дипломатии.

Дипломаты Соединенных Штатов и России продолжают настаивать на том, что основополагающим документом, способным обеспечить прорыв в переговорном процессе, является «Дорожная карта» урегулирования палестино-израильского конфликта», опубликованная Государственным департаментом США от имени «квартета» междуна-

Алек Эпштейн – д. ф. н., эксперт Института Ближнего Востока (г. Москва), преподаватель Открытого университета Израиля, Еврейского университета в Иерусалиме и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Статья написана в рамках исследовательского проекта, осуществляемого автором в Институте Ближнего Востока.

родных посредников (в который входит и Россия) 30 апреля 2003 года. Однако, на мой взгляд, за прошедшие с тех пор три года «Дорожная карта» доказала свою полную практическую несостоятельность.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ С ЦЕЛЬЮ ИСЛАМИЗАЦИИ?

Едва ли не единственный на сегодня конкретный результат реализации «Дорожной карты» — приход к власти в Палестинской национальной администрации (ПНА) представителей экстремистского исламского движения ХАМАС и соответственно кардинальное изменение всей системы палестино-израильских отношений.

«Открытые и честные выборы», проведенные в соответствии с содержащимися в «Дорожной карте» требованиями «в контексте открытого обсуждения и прозрачного отбора кандидатов в ходе свободного многопартийного процесса», привели к тому, что к власти в ПНА пришли силы, не признающие даже самого права Государства Израиль на существование.

В годы второй интифады движение ХАМАС стало главным организатором террора против военных и гражданских израильских объектов. С октября 2000 года по март 2006-го его «шахиды» устроили свыше полусотни терактов, в результате которых погибли 269 мирных израильтян и 27 служащих силовых структур, более 1 700 человек получили ранения. Теперь, благодаря «Дорожной карте», представители ХАМАС обрели легитимную политическую власть.

Мало того, «Дорожная карта» наделила новое правительство значительно более широкими полномочиями. Желая по возможности нейтрализовать или по крайней мере свести к минимуму политический вес Ясира Арафата, возглавлявшего и исполнительную, и законодательную ветви власти, американцы стали требовать превращения ПНА едва ли не в парламентскую республику, где ключевым являлся бы пост не президента, а премьер-министра, которому должны подчиняться силовые структуры. Соответствующие реформы были частично проведены, но в условиях, когда умеренному президенту Махмуду Аббасу противостоит экстремистски настроенный премьер-министр Исмаил Хания, они оказались на руку движению ХАМАС.

Переговорный процесс в регионе отброшен на десятилетия назад. С тех пор как делегация представителей Западного берега реки Иордан и сектора Газа, возглавляемая Хайдером Абделем Шафи, приняла в 1991 году участие в Мадридской международной конференции по Ближнему Востоку, израильские официальные лица пра-

ктически непрерывно поддерживали контакты с теми или иными палестинскими деятелями, Такие контакты не прекратились даже после начала в сентябре 2000-го второй волны интифады. К остановке публичного переговорного процесса привели и крах переговоров в Табе (январь 2001 г.), и приход к власти в Израиле Ариэля

Шарона, однако даже в период бойкота израильским руководством Арафата отношения с палестинцами поддерживались как в экономической сфере, так и в области безопасности.

Несмотря на победу ХАМАС на выборах 25 января 2006 года, командование подразделений ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля. — Ред.) до конца марта осуществляло координацию действий с палестинскими силами безопасности, охраняющими границу сектора Газа с Египтом и Израилем. Но 30 марта 2006-го, когда контроль над силовыми структурами Палестинской национальной администрации официально перешел в руки ХАМАС, а новый министр внутренних дел Саид Сиам занял место генерала Насера Юсуфа (получив в рамках министерских полномочий контроль над полицией, спецслужбами и аппаратом гражданской обороны), Израиль принял решение прекратить любое сотрудничество и координацию действий с силовыми ведомствами ПНА.

Раньше Израиль критиковал лидеров Организации освобождения Палестины (ООП) и Палестинской национальной администрации за то, что те ведут переговоры и одновременно направляют и координируют вооруженную террористическую деятельность против Израиля или же, как минимум, смотрят на нее сквозь пальцы. В ответ команда Арафата отрицала обвинения в двойной игре, заявляя (преимущественно по-английски, а не по-арабски) о своем стремлении к «миру храбрых». Руководители же нынешнего палестинского правительства, однопартийного и состоящего только из активистов ХАМАС, ни о каком мире с Израилем не говорят ни на каком языке, недвусмысленно провозглашая свою ясную и конкретную цель — добиться ликвидации Государства Израиль.

В ПЛЕНУ ВРЕМЕННЫХ РАМОК

С формальной точки зрения срок действия «Дорожной карты» был ограничен периодом с мая 2003 г. (первый этап) по конец 2005 г. (третий этап).

Авторы-составители «Дорожной карты» полностью повторили ошибку дипломатов середины 1990-х. В Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению, более известной как «Соглашение Осло», которую 13 сентября 1993 года подписали Шимон Перес (тогдашний министр иностранных дел Израиля, ныне второй вице-премьер правительства страны) и Махмуд Аббас (в то время один из руководителей Исполкома ООП), в частности, говорилось: «Цель

израильско-палестинских мирных переговоров в рамках нынешнего ближневосточного мирного процесса заключается... в создании временного органа палестинского самоуправления – выборного совета – для палестинского народа на Западном берегу и в секторе Газа на переходный период, не превышающий пяти лет». Этот «пятилетний переходный период» начался после ухода Израиля из сектора Газа и района города Иерихон, расположенного на Западном берегу реки Иордан. По истечении этого времени автоматически прекращался и срок действия «Соглашения Осло», и срок полномочий палестинского Законодательного совета, избранного 20 января 1996-го в рамках этого соглашения. Иными словами, «Соглашение Осло» не определяло ни механизмов продления его срока, ни действий, подлежащих в случае, если за пять лет «промежуточного» этапа урегулирования стороны не придут к согласию по более сложным проблемам, связанным с постоянным статусом (именно так и случилось).

В «Дорожной карте» точно так же отсутствуют положения о возможном продлении срока ее действия или замене этого документа каким-либо другим, если указанные в нем меры реализованы не будут (как случилось и на этот раз).

Факт несоответствия реальной ситуации плану «Дорожная карта» уже был отмечен официальной российской дипломатией. «...Уже к концу этого года мы должны были выйти на создание палестинского государства. Фактически же мы находимся только в начале первого этапа “Дорожной карты”. Сроки нереализуемы. Не будем делать хорошую мину при плохой игре», – подчеркнул 18 августа 2005 года спецпредставитель главы МИДа РФ по ближневосточному урегулированию Александр Калугин. За прошедшее с тех пор время палестино-израильские отношения лишь обострились, а срок действия «Дорожной карты» подошел к концу.

ИГНОРИРОВАНИЕ ГЛАВНЫХ ПРОБЛЕМ

«Дорожная карта» не предусматривает никаких конкретных путей решения (даже промежуточного) двух самых острых проблем палестино-израильских отношений – статуса Иерусалима и судьбы беженцев. Вновь повторяются ошибки, допущенные в «Соглашении Осло» и предопределившие его крах. Когда в ходе Кемп-Дэвидской встречи на высшем уровне в июле 2000-го представители сторон начали обсуждение этих вопросов без какой-либо предварительной подготовки на стадии «промежуточного» урегулирования, перегово-

ры закончились провалом, непосредственно обусловившим начало второй интифады. Темы, обсуждение которых было отложено «на потом», в конце концов сыграли роль мины замедленного действия, взорвавшей весь процесс палестино-израильского урегулирования.

По поводу этих ключевых вопросов в «Дорожной карте» говорится крайне скупо и неконкретно: «Стороны достигают окончательного, всеобъемлющего соглашения о постоянном урегулировании, которое к концу 2005 года завершит палестино-израильский конфликт. ...В результате прекратится оккупация, начавшаяся в 1967 году; достигнутое урегулирование будет включать согласованное, справедливое, честное и реалистичное решение проблемы беженцев и согласованное решение о статусе Иерусалима, принимающее во внимание политические и религиозные проблемы обеих сторон и защищающее религиозные интересы евреев, христиан и мусульман во всем мире, а также претворяющее в жизнь концепцию двух государств — Израиля и суверенной, независимой и жизнеспособной Палестины, — живущих бок о бок в мире и безопасности».

Данное положение — это не более чем благое пожелание, совершенно по-разному понимаемое израильтянами и палестинцами. Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер отмечает: план «призывает к “согласованному, справедливому, честному и реалистическому разрешению проблемы”. Для палестинцев “честное” и “справедливое” решение — это возвращение беженцев во все части бывшей Палестины, включая нынешнюю территорию Израиля, то есть ее заповедование. Для израильтян эта же фраза подразумевает то, что возвращающиеся беженцы должны селиться только на палестинской территории» (*The Washington Post*, 27 февраля 2006 г.).

Трудно понять, почему инициаторы «Дорожной карты» вновь обратились к бесславно провалившейся логике «Не будите спящую собаку!», лежавшей в основе концепции Осло. Неудивительно, что их результаты оказались еще более плачевными: наученные горьким опытом и хорошо себе представлявшие, чем могут закончиться переговоры по Иерусалиму и беженцам, стороны даже и не стремились приступить к обсуждению этих вопросов.

В ТРЕТИЙ РАЗ НА ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ?

Бессмысленно даже задаваться вопросом о том, каковы шансы на реализацию «Дорожной карты» после прихода к власти в Палестинской национальной администрации нового руководства. Халед Ма-

шаль, который возглавляет базирующееся в Дамаске политическое бюро движения ХАМАС и считается его наиболее влиятельной фигурой, заявил в интервью итальянской газете *La Repubblica*: «Начиная с Мадрида, Осло и так далее, переговоры ни к чему не привели. Мирный процесс переживает застой, качество жизни палестинцев ухудшилось, строительство израильтянами “защитной стены” продолжается, и она поглощает всё новые палестинские земли. Что касается “Дорожной карты”, то она неприемлема. Этот план предъявляет нам конкретные условия: разоружение, арест моджахедов, отказ от сопротивления. Однако план весьма туманен в отношении обязанностей израильтян: в нем ничего не говорится об Иерусалиме, о судьбе беженцев, о расширении колоний (так в палестинской терминологии именуются еврейские поселения. — А.Э.) на территориях, которые следует вернуть».

Позиция ХАМАС, поддержанная значительным большинством палестинских избирателей, ясна и конкретна: нет смысла вести переговоры, в которых не будут затрагиваться вопросы о статусе Иерусалима и судьбе палестинских беженцев 1948 года и их потомков. Документ, благодаря которому его движение пришло к власти, Машаль назвал неприемлемым.

В связи со всем вышесказанным совершенно утопичным выглядит предложение Киссинджера заключить «временное соглашение», но теперь уже «с неограниченным сроком действия», когда «обе стороны приостановят обсуждение самых трудноразрешимых проблем — о постоянных границах, о беженцах и, возможно, о финальном статусе арабской части Иерусалима». Экс-госсекретарь рисует идиллическую картину будущего мирного сосуществования: «Израиль выведет свои силы до границ, оговариваемых в различных документах, появившихся после Кемп-Дэвида и поддержанных американскими президентами. Он демонтирует поселения, выходящие за пределы установленной разделительной черты. Подконтрольное ХАМАС правительство будет обязано осудить террор. Ему также придется согласиться выполнять договоренности, заключенные ранее ООП. Новая система безопасности ограничит численность вооруженных сил в зарождающемся палестинском государстве. Прекратится официально поддерживаемая пропаганда действий, направленных на подрыв сил противника».

Между тем речь идет о движении, которое, как справедливо отмечает российский востоковед Григорий Косач, «ни в коей мере не от-

казалось от своей программной цели — «восстановления Палестины от реки [Иордан] до [Средиземного] моря в качестве неотъемлемого исламского вакфа [собственности. — А.Э.]», или, иными словами, ликвидации Израиля — и которое еще недавно осуществляло этот лозунг силами террористов-самоубийц в израильских городах». Именно от этой организации Киссинджер предлагает ожидать осуждения террора и признания заключенных между ООП и Израилем политических договоренностей. Выдавая желаемое за действительное, патриарх американской дипломатии, по сути, призывает повторить допущенную уже дважды ошибку. Бесконечно трудно понять, чем руководствуются те, кто считает, что все то, что не было реализовано на протяжении трех последних лет, сможет быть реализовано сейчас.

О ЧЕМ ЗАБЫВАЮТ ДИПЛОМАТЫ?

В сложившейся ситуации необходимо пересмотреть предпосылки, на которых базируется «Дорожная карта», и признать этот документ не соответствующим новым региональным реалиям. Не забудем и о том, что кардинально изменилась политическая ситуация и в Израиле. Если на протяжении всей истории Государства Израиль его возглавляли лидеры либо «правого» «Ликуда», либо «левой» Партии труда, то сегодня страной руководит центристская «Кадима», не связанная какими-либо прошлыми обязательствами.

В своей деятельности правительство Израиля в последние полтора года исходит не из принципа «территории в обмен на мир» (лозунг левых партий в прошлые годы) и тем более не из желания «создать еврейское государство на всей территории подмандатной Палестины» (лозунг правых партий в минувший период), а из стремления к повсеместному национально-территориальному размежеванию с палестинскими арабами. Израильское правительство выражает готовность оставить те территории Западного берега, которые преимущественно населены арабами, при этом оно осознаёт, что такие шаги не приведут к мирному урегулированию.

Многие неудачи международной дипломатии на пути разрешения палестино-израильского конфликта вызваны тем, что отход Израиля за так называемую «зеленую линию» рассматривается как непреложная предпосылка урегулирования. Речь идет о существовавшей до начала Шестидневной войны (июнь 1967 г.) границе Израиля — по сути, о линии прекращения огня, установленной в 1949 году соглашениями о перемирии между Израилем и всеми гранича-

щими с ним арабскими странами, которая «ни в коем отношении не рассматривается как политическая или территориальная граница и проводится без ущерба для прав, претензий и позиций какой-либо из сторон в том, что касается окончательного урегулирования палестинского вопроса» (параграф 5 (2) Соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом от 24 февраля 1949 г.; аналогичные параграфы содержатся и в остальных двусторонних соглашениях).

Уповать на отступление Израиля к существовавшим до 1967 года границам как на главное средство достижения мира так же бесперспективно, как и поддерживать демагогические разговоры Госдепартамента США о верности «Дорожной карте». Ведь даже в то время, когда нынешняя «зеленая линия» была межгосударственной границей, арабские страны отказывались признавать ее.

Кроме того, эти соглашения заключались без участия представителей палестинских арабов и при полном игнорировании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 об одновременном создании еврейского Государства Израиль и арабского Государства Палестина. Агрессия арабских стран против Израиля, начавшаяся сразу после его создания в мае 1948-го и во многом спровоцированная муфтием Иерусалима Хадж Амином эль-Хусейни, обернулась военным поражением арабских армий, однако главной жертвой ситуации стали именно палестинские арабы. Значительное большинство их покинули страну, а Государство Палестина так и не было создано. Проблема палестинских беженцев не решена до сих пор; соответствующее гражданство имеют только те из них, кто проживает на территории Израиля и Иордании. Особо тяжелым остается положение палестинских беженцев (более 95 % из них — потомки вынужденных мигрантов 1948 года) в Ливане, которые проживают на юге страны, не имея каких-либо гражданских прав, в течение почти шестидесяти лет. Международное сообщество должно усилить давление на правительство Ливана, с тем чтобы вынудить его принять меры, направленные на облегчение положения палестинцев.

Таким образом, возвращение Израиля к «зеленой линии» не решит палестинскую проблему. Более того, оно способно вызвать в стране гражданскую войну. Численность арабского населения в Израиле возросла с 1967-го более чем в четыре раза и составляет свыше одного миллиона 300 тысяч человек. Добиться их полноценной интеграции в израильское общество не удалось; как правило, они не ощущают себя частью еврейского государства, хотя и имеют граж-

данство. С другой стороны, на территориях Западного берега (Иудея, Самария и Иорданская долина), где в 1967 году евреев не было вообще, на сегодняшний день проживают более 250 тысяч еврейских поселенцев, которые, разумеется, не связывают свое будущее с Палестинской национальной администрацией.

ПОВОД ДЛЯ НАДЕЖДЫ

Россия имеет уникальные возможности успешного участия в ближневосточном урегулировании: с одной стороны, у нее установились чрезвычайно доверительные отношения с арабо-мусульманским миром (в частности, последняя встреча Владимира Путина с Махмудом Аббасом состоялась 15 мая 2006 года), с другой — она поддерживает нормальные рабочие отношения с Израилем как в политической сфере (показателем чего стал визит в Израиль президента РФ в апреле 2005-го), так и в области военно-технического сотрудничества (25 апреля 2006 года израильский разведспутник *Eros-1B* был запущен с российского дальневосточного космодрома «Свободный»). На самом высоком уровне обсуждается вопрос, связанный с поставками в Израиль российского газа. Борьба с исламским экстремизмом может и должна стать «мостом» в системе израильско-российских двусторонних связей.

Возрастающее значение России в мировой политике и экономике позволяет ей играть более независимую роль в международной ближневосточной политике. Ей, в частности, следует выдвигать собственные предложения, принимающие во внимание причины провала предшествующих инициатив. Москве есть с кем говорить на обеих конфликтующих сторонах. Да Россию есть и кому слушать: по-русски говорят не только глава ПНА Махмуд Аббас, но и каждый девятый член парламента Государства Израиль.

Россия (возможно, совместно с другими международными посредниками) может выступить с новой дипломатической инициативой, направленной на снижение напряженности в палестино-израильском конфликте и основанной на принципе «демографического размежевания» между израильянами и палестинскими арабами. Суть этой инициативы могла бы заключаться в следующем: Израиль аннексирует — с согласия мирового сообщества — заселенные исключительно евреями районы на Западном берегу реки Иордан за «зеленой линией» (в том числе такие населенные пункты, как Маале-Адумим, Ариэль, Гиват-Зеэв, Гуш-Эцион, Модиин-

Илит и Бейтар-Илит, в каждом из которых проживают от 10 до 32 тысяч человек). При этом в качестве компенсации он отдает (в соотношении один к одному) под палестинскую юрисдикцию земли с арабским населением, находящиеся на суверенной территории Государства Израиль в пределах «зеленой линии» (например, так называемый «треугольник», где расположены арабские города Тира, Умм-эль-Фахм, Бака-эль-Гарбия и др.).

Что же касается проблемы Иерусалима, то здесь может быть предложено создание «зонтичного» федеративного муниципалитета, в котором евреи и арабы работали бы сообща, как это было, например, в период британского мандата. Такой орган можно сформировать, если вместо участия в общегородских выборах будет предложен механизм делегирования представителей каждого из городских районов (в том числе, арабских) в единое муниципальное собрание. Подобное нововведение способно переломить существующую уже на протяжении 40 лет ситуацию, при которой арабы (а сегодня они составляют треть жителей Иерусалима) бойкотируют муниципальные выборы и не участвуют в управлении городом. В средне- и долгосрочной перспективе в Иерусалиме тоже нужно стремиться к максимально возможному размежеванию по демографическому принципу с включением отдельных арабских районов, например Шуафата, Бейт-Ханины, в состав палестинского государства и одновременным признанием еврейского Иерусалима (в границах нынешних еврейских кварталов) столицей Государства Израиль.

Вопреки повсеместно разделяемому заблуждению, Вашингтон не поддерживает Израиль в конфликте с палестинцами и арабским миром практически ни по одному важному спорному вопросу. Соединенные Штаты до сих пор не признали Иерусалим (не только объединенный, но и даже Западный) столицей Государства Израиль и не перевели туда свое посольство. США ни разу не заявили о том, что у Израиля есть право не принимать на своей территории палестинских беженцев 1948 года и их потомков. Напротив, один из пяти вариантов решения проблемы беженцев, предлагавшихся Биллом Клинтоном в декабре 2000-го, подразумевал именно их возвращение в Израиль (в особенности это должно было касаться тех, кто находится в лагерях беженцев в Ливане; поскольку у многих из них есть родственники в Галилее, Израилю предлагалось позволить им вернуться, руководствуясь принципом воссоединения семей и гуманитарными соображениями).

Америка выступает категорически против строительства и расширения еврейских поселений где бы то ни было. Она не признала ни аннексию Израилем Восточного Иерусалима, ни аннексию Голанских высот; даже сейчас наиболее доверенные политические советники премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта не питают иллюзий относительно того, что США могут согласиться с израильской аннексией каких-либо территорий на Западном берегу, какова бы ни была глубина израильского отступления в рамках программы «консолидации». Может сложиться совершенно абсурдная ситуация: Израиль оставит значительные территории, которые перейдут под контроль Палестинской национальной администрации, но граница между двумя народами и государствами, даже если она и возникнет в виде «стены безопасности», не будет признана, что превратит ее из фактора обеспечения стабильности в еще один источник политической напряженности. В этих условиях свое взвешенное слово вполне могут сказать и другие международные посредники, в частности Россия.

Крах процесса Осло, провал «Дорожной карты», достаточно успешно налаженные отношения Израиля с Египтом и Иорданией — все это доказывает, что единственным путем к мирному сосуществованию израильтян и арабов является следование модели межгосударственных отношений при наличии признанной межгосударственной границы. В будущем крайне важно продумать оптимальную схему сотрудничества ПНА — Иордания. Не исключен вариант, при котором выявится политико-экономическая нежизнеспособность палестинского образования и его федерация с Иорданией окажется для всех вовлеченных в конфликт сторон наилучшим выходом из положения.

Необходимо, чтобы критерии определения границы между Государством Израиль и ПНА основывались не на реалиях шестидесяти- или сорокалетней давности, а на нынешней ситуации. Чем более полным и «герметичным» окажется размежевание между двумя народами и чем скорее международное сообщество признает границу между ними, тем больше шансов на то, что Ближний Восток перестанет быть источником постоянной напряженности для всего мира.

«Черное золото»

“Ничто не говорит о том, что первый скачок цены на нефть в XXI веке — исключение из модели чередования бумов и спадов, которая была характерна для нефтяного рынка с момента его зарождения. Хочется надеяться, что любое изменение цены будет не настолько значительным, чтобы стеснить нынешний поток инвестиций, или что оно произойдет только после того, как основная часть новых предприятий по производству и переработке нефти войдут в строй”

Двукратное «ура» дорогостоящей нефти
Леонардо Мауджери

194

Снизить зависимость США от ближневосточной нефти
Ариэль Коэн

208

Двукратное «ура» дорогостоящей нефти

Леонардо Мауджери

РЫНОК В ДЕЙСТВИИ

Широко распространенные опасения по поводу истощения нефтяных ресурсов мешают понять истинные причины, обуславливающие сегодняшнюю стоимость сырой нефти. В основе высоких цен лежат вполне прозаические обстоятельства: не ограниченность геологических ресурсов, а экстремальные экономические процессы. Нынешний «кризис» подстегивается сокращением количества нефти на мировом рынке и недостаточной суммарной мощностью нефтеперерабатывающих предприятий. Оба этих фактора сформировались как следствие низких цен, сохранявшихся на протяжении ряда лет, недостаточного инвестирования в инфраструктуру и страха производителей перед образованием излишков. С 2003 года ситуация обострилась в связи с неожиданным ростом мирового потребления сырой нефти.

Поскольку заработали рыночные механизмы, высокие цены уже вызвали рост инвестиций, и в будущем это приведет как к увеличению добычи, так и к появлению новых предприятий по переработке. Иными словами, высокие цены — это болезненное, но необходимое лечение болезни, от которой нефтяной рынок страдает около 20 лет.

Однако есть опасность, что период чрезмерно высоких цен продлится слишком долго и в этом случае падение спроса будет спро-

Леонардо Мауджери — старший вице-президент Группы корпоративной стратегии и планирования итальянской энергетической компании *ENI*, автор готовящейся к публикации книги *The Age of Oil: Mythology, History, and Future of the World's Most Controversial Resource* («Эпоха нефти: мифология, история и будущее самого противоречивого полезного ископаемого»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 2 (март — апрель) за 2006 год. © *Council on Foreign Relations Inc.*

воцировано как раз тогда, когда начнут действовать новые добывающие и перерабатывающие мощности. Это, в свою очередь, может обернуться падением цен и положить конец нынешней тенденции роста инвестиций, оставив нерешенными ключевые проблемы нефтяного рынка. Такой ход развития приостановил бы необходимые перемены в моделях потребления, присущих индустриальным обществам, и поставил бы их перед угрозой нового кризиса в будущем.

ЗАПАСЫ НЕ ТАК УЖ И ИССЯКЛИ

Несмотря на все предсказания грядущей катастрофической нехватки нефти, в мире еще имеются огромные запасы этого полезного ископаемого. Даже при нынешнем уровне потребления одни лишь доказанные запасы могли бы снабжать мировую экономику в течение 38 лет. Их объем – более 1,1 трлн баррелей. Однако это цифра не учитывает всего объема потенциальной добычи, поскольку, согласно общепринятому определению, включает в себя только те запасы, которые могут эксплуатироваться с использованием имеющейся в настоящее время технологии и в условиях умеренных прогнозируемых цен. Дополнительные два триллиона баррелей «потенциально извлекаемых» запасов не классифицируются как достоверные, но, вероятно, подпадут под это определение через несколько лет, когда начнут действовать такие факторы, как технологические усовершенствования, новые знания о недрах и создаваемые путем повышения цен на нефть (или снижения стоимости добычи) экономические стимулы. Необходимо принять во внимание, что при ныне существующих технологиях и экономических принципах только 35 % нефти могут быть извлечены из известных нефтяных месторождений по всему миру (в 1980-м этот показатель составлял 22 %). Текущие оценки потенциально извлекаемых запасов не учитывают больших запасов так называемой «нестандартной» нефти, такой, как сверхвязкая венесуэльская нефть и нефть, которую можно добывать из битуминозных песков Канады. Более того, огромные пространства нашей планеты еще не были как следует исследованы.

Иными словами, то немногое, что уже известно о мировых подземных запасах нефти, является основанием для оптимистического взгляда на будущее, а не для алармистских предсказаний, рисующих картину нефтяной катастрофы. Пессимисты исходят из того, что мир уже полностью исследован, что ни динамика цен на сырую нефть, ни технологический прогресс не изменят «финит-

ный» (конечный. — Ред.) характер нефтяных ресурсов и что потребление обречено расти все больше и больше, неумолимо истощая существующие запасы. Псевдонаучный фатализм этих исследователей, упакованный в рамки квазисложных моделей, неоднократно оказывался несостоятельным в прошлом, и маловероятно, что он оправдается в будущем.

Нынешняя ограниченность резервных добывающих мощностей — результат двадцатилетней нехватки инвестиций в разведку, особенно со стороны наиболее богатых нефтью стран. Такая стагнация обусловлена сложными причинами, восходящими к началу 1980-х годов, когда государства, входящие в Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК), и их национальные нефтяные компании (контролирующие около 80 % мировых запасов сырой нефти) начали беспокоиться о возможном перепроизводстве. Шаги, предпринятые в нефтяной отрасли с целью устранить кризисы 1970-х, оказались чрезмерными, и образовавшиеся в результате излишки привели в 1986 году к обвалу цен. С того момента основным принципом, которым де-факто руководствовались несколько стран — членов ОПЕК, заключался в том, чтобы эксплуатировать только задействованные месторождения и не разрабатывать новые залежи помимо тех, что необходимы для поддержания устойчивого уровня добычи. Низкие цены и ограниченный рост спроса в 1990-х плюс еще один обвал цен, вызванный перепроизводством 1998–1999 годов, укрепили решимость производителей свести к минимуму избыточные мощности.

Поначалу никто не замечал потенциальных опасностей такого подхода. Судя по многим учебникам по экономике, реакция производителей была разумной, пожалуй, даже оптимальной: не имело смысла тратить деньги на создание мощностей для продукции, которая вряд ли найдет сбыт. Большинство тех, кто формирует общественное мнение, считали, что обвал цен 1998–1999 годов отрицательно сказался на странах-производителях и нефтяных компаниях, оказавшись, однако, благом для всех остальных. Даже в начале нового тысячелетия ни одна из стран — основных производителей нефти не избавилась от страха перед перепроизводством, и все эти государства весьма строго контролировали расходы на развитие новых предприятий.

Международные нефтяные компании (МНК) также не хотели рисковать. Хотя влияние МНК на мировой нефтяной рынок было и остается незначительным (их контракты со странами — произво-

дителями нефти обеспечивают им доступ к чуть более 20 % мировых ресурсов сырой нефти и полный контроль всего лишь над 7–8 %), их поведение поучительно. Столкнувшись с низкими ценами и вялым ростом потребления и исходя из того, что отрасль достигла стадии полной зрелости (рост, зрелость и спад – этапы жизненного цикла любой области производства или организации. – Ред.), МНК насколько возможно сократили свои активы и ограничили инвестиции в новые предприятия, занимающиеся разведкой ресурсов. На традиционные энергетические компании, особенно в 1990-х, повесили ярлык «динозавров», а *Enron* и другие транснациональные корпорации, не желавшие инвестировать в «тяжеловесные» активы, провозглашались энергетическими компаниями будущего. За период с 1986 по 2005 год резервные мощности в нефтяной отрасли сократились во всем мире примерно с 15 % до 2–3 % мировых потребностей.

ОСТАЛОСЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО ДОБЫТО

Многим государствам, как входящим, так и не входящим в ОПЕК, особенно странам Персидского залива, вовсе не грозит нехватка сырой нефти: они по-прежнему обладают огромным потенциалом для ее добычи. Нефтяные месторождения в Иране, Ираке, Кувейте, Омане, Катаре, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах все еще относительно не разработаны и не разведаны, хотя история нефтедобычи там насчитывает многие годы.

Практика относительно неполной эксплуатации нефтяных ресурсов в странах Персидского залива возникла задолго до 1980-х. В 1920–1970 годах крупные нефтяные компании, известные тогда как «семь сестер» (*Exxon, Shell, BP, Mobil, Chevron, Gulf, Texaco*), доминировали в регионе и намеренно сдерживали разведку и добычу, чтобы избежать затоваривания рынка излишками сырой нефти. Позже, в 1970-е, волна национализации привела к выдворению западных нефтяных компаний из большинства государств Ближнего Востока, что резко ограничило доступ последних к техническим ноу-хау и сократило возможности дополнительной разработки ресурсов в будущем. В Ираке, например, никогда не применялись ни трехмерные сейсмические изыскания, ни глубокое и горизонтальное бурение, ни передовые методы добычи – даже при том, что эти технологии совершили с 1980-х годов революцию в нефтяной отрасли во всем остальном мире.

Кроме того, по сравнению с другими территориями регион Персидского залива недостаточно разведан. В общей сложности там появилось всего около 2 000 разведочных скважин (пробуренных методом «дикой кошки», то есть наугад, с целью обнаружить в подпочве углеводород), в то время как в Соединенных Штатах их число составляет более одного миллиона. За последние 20 лет свыше 70 % нефтеразведочных работ проводилось в США и Канаде — странах, которые считаются зрелыми производителями в стадии спада и на которые в совокупности приходится менее 3 % мировых доказанных запасов. Только 3 % таких работ проводилось на Ближнем Востоке, хотя там сосредоточено 70 % достоверных запасов. С 1995 по 2004 год в государствах Персидского залива пробурили менее 100 «диких кошек», а в Соединенных Штатах — 15 700. За этот период в странах Залива было проделано лишь около 150 оценочных скважин (определяющих уровень добычи нефти на месторождении) и менее 5 тыс. разработочных (помогающих подготовить месторождение к эксплуатации), в то время как в США — более 12 300 и 250 000 скважин соответственно. В Ираке лишь 2 500 скважин всех видов, а в одном только Техасе их 1 миллион.

Саудовская Аравия — самый крупный производитель нефти в мире — все еще сохраняет огромный потенциал для увеличения добычи нефти, несмотря на недавние заявления о том, что уровень производства, возможно, скоро достигнет пика. Пессимистические прогнозы основаны на преувеличениях и ошибочных мнениях, касающихся саудовских нефтяных ресурсов, особенно в связи с якобы имеющим место истощением месторождения Гавар — крупнейшего в мире и источника более половины саудовской сырой нефти. Значительная доля воды, извлекаемой из буровой скважины вместе с нефтью во время бурения, предположительно служит доказательством оскудения гаварских залежей. Обычно эта доля возрастает по мере «старения» месторождения; в Гаваре к 2000 году она достигла 37 %, составляя при этом по отрасли в целом 25 %. (Иными словами, на каждые 100 баррелей нефти, добываемой в Гаваре, приходилось 37 баррелей воды). Но увеличение содержания воды может объясняться не только истощением запасов, но и иными факторами, такими, как несовершенные системы бурения, неэффективное руководство освоения месторождения, отсутствие современных методов наращивания добычи и чрезмерная эксплуатация некоторых участков. Более того, усовершенствование управления разработкой

Гаварского месторождения и внедрение там новой технологии, обеспечивающей более эффективное производство, уже снизили долю воды приблизительно до 30 %.

Более важный момент — неполная эксплуатация колоссальных месторождений в Саудовской Аравии. 260 млрд баррелей доказанных саудовских запасов (почти 25 % мировых ресурсов) — это всего лишь треть установленного количества «черного золота», залегающего в недрах этой страны. И возможно, что обнаружится еще больше нефти: с тех пор как в начале 1930-х в Саудовской Аравии появилась первая скважина, здесь было пробурено менее 300 «диких кошек» и менее 30 — в период с 1995 по 2004 год. Это объясняет, почему, несмотря на панические предсказания в связи с якобы достижением Саудовской Аравией пика добычи, королевство недавно объявило об увеличении к 2009-му производства нефти примерно на 2 млн баррелей в день (до уровня приблизительно 12 млн баррелей).

Подобным же образом часто недооценивается потенциал России — второго производителя нефти в мире. Согласно оценке *DeGolyer and McNaughton*, ведущей компании, занимающейся оценкой нефтяных запасов, потенциальные ресурсы России в три раза больше доказанных, составляющих 50 млрд баррелей. С 1965 года в России пробурили всего около 8 500 «диких кошек» (примерно столько же пробурили в США за последние 5 лет). Развитию нефтяной отрасли в России мешали также два «побочных продукта» советской эпохи: недостатки технических ноу-хау и неудовлетворительное управление освоением месторождения. Эти факторы ограничивают объемы нефти, которые удастся добывать в России: обычно извлекается менее 20 % содержимого залежи, что вдвое ниже среднемирового показателя.

Перспективы других регионов тоже вселяют оптимизм. На Каспии разработка нефти пока находится в зачаточной стадии. Достоверные запасы Азербайджана и Казахстана — около 18 млрд баррелей, но потенциально извлекаемые запасы этих двух стран оцениваются примерно в 70–80 млрд баррелей. А в районах Африки, которые долгое время не привлекали внимания, разведка и разработка началась только несколько лет тому назад, приблизительно в то же время, когда огромные залежи битуминозных песков в Канаде стали притягивать крупные инвестиции.

Но только высокие цены стимулируют производителей к тому, чтобы начать эксплуатировать колоссальные нефтяные богатства, ждущие своего часа. В последние несколько лет повышение цен уже

подтолкнуло нефтяную отрасль и добывающие страны к новым капиталовложениям. С 2002-го инвестиции в разведку и производство выросли в реальных ценах более чем на 10 % в год (с поправкой на инфляцию). Чтобы ощутить результаты роста инвестиций в добычу нефти, всегда требуется время: между обнаружением нового месторождения средних размеров и началом добычи сырой нефти в среднем проходит от 6 до 8 лет. Но когда производство начинается, оно потом уже набирает обороты.

Недавние оценки месторождений, представленные специалистами Кембриджской энергетической исследовательской ассоциации (*Cambridge Energy Research Associates, CERA*), позволяют сделать вывод, что к 2010 году мировой уровень добычи превысит 100 млн баррелей в день, в то время как сегодня он составляет чуть менее 86 млн баррелей. Согласно прогнозам *CERA*, прирост будет происходить за счет стран, не входящих в ОПЕК, таких, как Ангола, Азербайджан и Казахстан. Ожидается, что ОПЕК, за исключением Саудовской Аравии, будет бороться за обеспечение в ближайшем будущем соответствующей доли рынка для своих стран-членов. Но организации требуется способность к восстановлению своей доли на длительную перспективу, поскольку она принимает во внимание наличие менее традиционных источников нефти (новые поставщики в Африке и Азии, или венесуэльская тяжелая нефть, или битуминозные пески в Канаде) и новых технологий, которые позволяют расширить разведку нефти или осуществлять конверсию природного газа в жидкий продукт, легче поддающийся транспортировке. Короче говоря, в мире по-прежнему будет много нефти.

КАЧЕСТВО ПЕРЕРАБОТКИ

Однако один лишь существенный рост добычи нефти не способен снизить нынешние высокие цены на это полезное ископаемое. Существует множество различных сортов нефти, и только очень сложные очистные сооружения могут перерабатывать нефть низкого качества. Из высококачественной сырой нефти (*West Texas Intermediate* или *Brent*), легкой, низкоплотной и содержащей мало серы, можно получить больше бензина или другой продукции с высокой добавленной стоимостью и меньше остаточной нефтяной и другой нежелательной продукции, чем из нефти низкого качества, к примеру *Mexican Maya* или *Iranian Heavy*. (Доля экологически безопасной продукции с высокой добавленной стоимостью также резко

возрастает, когда используемая для его производства низкокачественная сырая нефть перерабатывается на сложных нефтеперерабатывающих заводах с высокотехнологичным оборудованием для конверсии.) Нарращивание производственных мощностей в нефтеперерабатывающей отрасли само по себе недостаточно. Новые предприятия должны быть пригодны для преобразования разных сортов сырой нефти в очищенную продукцию, такую, как бензин и дизельное топливо, необходимые в различных регионах. При отсутствии подобного рода гибкости даже избыточные поставки сырой нефти не смогут удовлетворять потребности рынка.

Переработка остается слабым звеном в цепочке нефтяного производства последние 20 лет. В 1970-х годах, когда ожидалось, что рост потребления нефти будет ежегодно превышать 5 % в течение по крайней мере 25 лет, произошел инвестиционный бум. Но вместо того чтобы расти устойчиво высокими темпами, потребление резко выровнялось на уровне 64 млн баррелей в день в начале 1980-х и даже несколько снизилось в последующие годы. В то же время производительность нефтеперерабатывающих предприятий возросла до 80 млн баррелей в день. Таким образом, в 1980–2000 годах главной проблемой нефтяной отрасли была необходимость утилизировать излишки очищенной продукции. Этот переизбыток сохранился даже после того, как вновь начался рост потребления, поскольку тогда оно росло значительно медленнее (менее 2 % в год), чем в так называемые золотые годы — в период между 1950-м и 1970-м, когда ежегодный рост составлял целых 7 %. Ситуация усложнилась, когда во второй половине 1980-х новыми правилами по охране окружающей среды были установлены строгие ограничения для существующих нефтеперерабатывающих заводов, а местные организации активно боролись против строительства новых предприятий. Эта борьба даже получила условное название «синдром *NIMBY*» («где угодно, только не здесь»).

В начале нового тысячелетия несколько факторов способствовали усугублению проблемы переработки нефти. Еще более строгие природоохранные правила, касающиеся как качества топлива, так и выбросов, увеличили спрос — и цену — на более высококачественную и более высокопродуктивную сырую нефть. Недостаточные инвестиции в новые или модернизированные перерабатывающие мощности породили свои трудности. Поскольку на легкие или малосернистые сорта приходится только 20 % сырой нефти, отсутст-

вие перерабатывающих предприятий для менее качественных сортов обусловило дефицит готовой продукции.

В результате сегодня на всех региональных рынках сложился значительный дисбаланс. В Европе не хватает популярного там топлива — дизельного и слишком много бензина, который не может напрямую поступать в США, так как не соответствует американским стандартам качества. Нефтяной рынок Азии по большей части неэффективен — главным образом потому, что оборудование нефтеперерабатывающих заводов региона устарело и не может должным образом перерабатывать средние и тяжелые сорта нефти.

Положение особенно серьезно в Соединенных Штатах, а поскольку это государство потребляет почти 25 % производимой в мире нефти, его проблемы выплескиваются на мировой рынок. За последние 30 лет в Америке не построено ни одного нефтеперерабатывающего предприятия, а модернизация существующих заводов не привела ни к их соответствию все более строгим природоохранным стандартам, ни к удовлетворению возрастающего спроса. США сейчас — единственный рынок в мире с чистым дефицитом нефтеперерабатывающих мощностей (составляет около 20 % внутреннего спроса). Децентрализация американской регулятивной системы еще больше затрудняет решение этой проблемы. Каждый штат устанавливает собственные критерии качества бензина и других нефтепродуктов, в результате возникло «лоскутное одеяло» из противоречивых правил, что приводит к курьезам. Например, бензин, произведенный в одном штате, нельзя продавать в другом. На момент написания этой статьи в Соединенных Штатах продается 18 различных сортов бензина.

Однако ситуация, похоже, меняется. Недавние резкие скачки цен принесли нефтяной отрасли прибыли и вызвали новую волну инвестиций в перерабатывающие предприятия. Производительность в нефтеперерабатывающей промышленности во всем мире увеличивалась в 2004–2005 годах на 2,7 млн баррелей в день — это самый высокий показатель роста с начала 1990-х. Азия лидирует в расширении старых предприятий и строительстве новых. Крупные государства-производители (этот список возглавляют Саудовская Аравия и Иран) запускают новые проекты по сооружению объектов, на которых будет возможна переработка их сырой нефти более низкого качества. Многие африканские страны тоже собираются строить или переоборудовать свои нефтеперерабатывающие заво-

ды, с тем чтобы наращивать местное производство и, пользуясь близостью к Европе и США, экспортировать готовую продукцию на эти ключевые рынки. Добавочная производительность, достигнутая благодаря незначительным новым инвестициям в действующие предприятия, может обусловить к 2010-му увеличение производства нефтепродуктов во всем мире на 4 млн баррелей в день. Внедряются новые технологии, позволяющие производить высококачественный продукт из сырой нефти низкого качества, в том числе методы переработки сверхтяжелой нефти и битуминозных песков. Все это должно способствовать большому скачку вперед: сейчас разница между объемом сырой нефти, поступающей на перерабатывающие предприятия, и объемом готового очищенного продукта, пригодного для использования, оценивается в 10 % от 85 млн баррелей нефти, ежедневно добываемой в мире. Иными словами, каждый день теряется более 8 млн баррелей — почти ежедневная средняя добыча в Саудовской Аравии.

И последнее. Из тщательного анализа оценок будущей добычи на всех месторождениях следует: к 2010 году производство легкой сырой нефти возрастет с нынешнего уровня в 17 млн баррелей до 25 млн баррелей в день, что позволит снизить мировой дисбаланс между добычей нефти и ее переработкой. Все эти тенденции позволяют предположить, что дисбаланс между производственной мощностью в нефтеперерабатывающей промышленности и рыночным спросом можно будет преодолеть еще до конца нынешнего десятилетия.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

При таком относительно оптимистическом сценарии следует принять во внимание один решающий фактор — неожиданный рост мирового спроса в последние несколько лет. После того как с 1986-го по 2002-й глобальный спрос на «черное золото» возрастал низкими темпами — менее 2 % в год, он увеличился более чем на 3 % в 2003—2004 годах, что объясняется в основном возросшим спросом в Китае и Соединенных Штатах. Быстрый рост спроса в КНР (на 40 % в период с 2000 по 2004 год) вызывает особую тревогу у мирового сообщества. Структура экономики страны позволяет предположить, что ей понадобится все больше нефти. Потребление этого сырья на душу населения составляет всего лишь 2 барреля в год, в то время как в Европе данный показатель достигает 12,5 барреля, а в США — 26 баррелей; таким образом, для роста есть большие воз-

возможности. И хотя от массовой автомобилизации Китай отделяют десятилетия, потребление нефти на человека будет расти по мере того, как автомобили становятся более доступными.

Однако мы должны видеть лес за деревьями. Во-первых, недавний феноменальный скачок спроса на нефть в Китае — результат исключительных обстоятельств, которые не обязательно сохранятся. Во-вторых, он имел более ограниченные последствия, чем зачастую принято считать. Рост спроса в Китае в последние несколько лет произошел в основном благодаря мерам по преодолению стагнации, имевшей место в предшествующие годы. По мере того как Поднебесная выходила из застоя, спрос частично подстегивался усиленным промышленным производством и необходимостью решать отдельные вопросы, такие, как отключение электричества из-за проблем на электростанциях, работающих на угле и ядерном топливе. Даже после недавнего всплеска закупок на долю Китая приходится только около 8 % мирового спроса на нефть, и даже устойчивый рост потребления в стране лишь несущественно повлияет на нормальное в остальных отношениях состояние мирового нефтяного рынка в краткосрочной и долгосрочной перспективе. (Строительный бум в Китае, напротив, оказал гораздо более сильное воздействие на мировой рынок цемента и стали: на сегодняшний день страна потребляет 50 % цемента и почти 30 % стали, производимых во всем мире.) Даже если тамошний спрос на нефть будет возрастать и впредь, цены на нее не будут подниматься соразмерными темпами, поскольку нынешние цены уже отражают завтрашний ожидаемый рост спроса.

Эксперты по нефти склонны, как правило, преуменьшать запасы и переоценивать спрос. Они исходят из того, что нефть нельзя заменить другим продуктом и что неограниченная потребность в ней всегда будет только возрастать. Многие годы ученые считали, что потребление нефти — величина постоянная, на которой не сказываются колебания цен, и только позже им стало понятно, что это не так. В действительности цена всегда влияет на спрос, даже если эта связь обнаруживается не сразу, поскольку потребители стремятся поддерживать привычный образ жизни как можно дольше. Потребительская инерция затрудняет установление прямого и быстро проявляющегося соотношения между спросом на нефть, ценой нефти и экономическим и демографическим ростом, но эта корреляция, безусловно, существует.

Таким образом, было бы некорректно ссылаться на высокий уровень потребления в последние два года как на доказательство того, что потребители индифферентны к стоимости, особенно в ситуации, когда цены на большую часть нефтепродуктов в большинстве стран Азии, включая Китай, уже долгое время сдерживаются за счет огромных субсидий и других форм поддержки со стороны государства. На самом деле первые данные за 2005-й показывают, что запредельно высокие цены в минувшем году уже существенно охладили спрос на нефтепродукты. Его рост снизился с 3 млн баррелей в день в 2004 году до примерно 1,2 млн баррелей в 2005-м.

В противоположность преобладающим в обществе представлениям позиция нефти как главного источника энергии слабеет уже на протяжении многих лет. В 1980 году на нефть приходилось 45 % мирового энергопотребления. Сейчас этот показатель снизился до 34 %, природный газ, уголь и ядерная энергия потеснили «черное золото». В большинстве развитых промышленных стран (заметное исключение составляют Соединенные Штаты) потребление нефти, похоже, достигло пика в прошлом десятилетии. Его ожидает долгосрочный спад.

Тем не менее можно с уверенностью предположить, что общий спрос на нефть в развивающихся странах, в том числе Китае, будет и дальше существенно расти. Здесь потребление, скорее всего, сосредоточится главным образом в сфере транспорта, где у нефти еще много лет не будет серьезного конкурента в плане цены или эффективности. Именно на эту сферу сейчас приходится большая часть потребления нефти в развитых странах. В США, к примеру, более 70 % нефти потребляется в транспортном секторе. В Китае в настоящее время этот показатель — около 35 %, что оставляет возможности для значительных изменений в распределении нефтяных ресурсов.

Еще одним «пожирателем» нефти являются Соединенные Штаты, где низкие налоговые ставки на топливо, пренебрежение эффективностью со стороны потребителей и демографический рост увеличили объемы потребления нефти. Америке необходимо пойти на принятие новых решительных мер по сдерживанию опасно высоких уровней потребления, как она это сделала в 1970-х годах. Хотя уровень потребления нефти в США немного снизился — со среднедушевого показателя 32 барреля в 1978-м до 26 баррелей сегодня, — он остается самым высоким в мире. Чтобы понижение продолжилось, американцам придется более разумно подходить к потреблению.

Качество жизни в Европе сопоставимо с качеством жизни в США, однако европейцы потребляют примерно вдвое меньше нефти, чем американцы (но даже их можно упрекнуть в серьезном расточительстве). Критиковать государства-производители за очень высокие цены едва ли имеет смысл, когда более половины из 17 миллионов автомобилей, продававшихся в Соединенных Штатах ежегодно в период с 2000 по 2004 год, представляли собой спортивные машины, расходовавшие очень много бензина. Любые усилия по развитию энергетической безопасности будут оставаться бесплодными, если у американских законодателей не найдется мужества для того, чтобы изменить привычки американских потребителей.

Высокие цены на нефть могут помочь. Заглядывая вперед, позволительно предположить, что несколько мощных факторов будут сдерживать рост спроса в будущем: высокий уровень потребления нефти в промышленно развитых странах; продолжающийся отход от использования этого полезного ископаемого во всех секторах экономики, кроме транспорта; появление новых средств передвижения, особенно машин-гибридов, которым требуется меньше горючего. Загрязнение окружающей среды и забота об экологии в первую очередь поставят правительства перед необходимостью снизить уровень потребления нефти, хотя серьезные международные усилия по решению этой проблемы, такие, как создание Киотского протокола, пока не привели к убедительным результатам.

ПРАВИЛЬНЫЙ БАЛАНС

Как это ни парадоксально, но единственный способ покончить с нынешним нефтяным «кризисом» — это сделать так, чтобы цены в течение длительного времени превышали уровень, фиксировавшийся в период до 2000 года, когда баррель в среднем стоил 18–20 долларов. Только высокие цены помогут преодолеть последствия двух десятилетий вялых инвестиций в разведку, добычу и нефтепереработку. Только высокие цены могут подтолкнуть к использованию менее энергоемких средств передвижения, таких, как гибриды, и, пусть не в значительной степени, к развитию альтернативных источников энергии для транспорта. Только высокие цены могут уменьшить безответственное потребление во многих частях мира и побудить правительства к принятию сдерживающих мер.

Вопреки нынешним прогнозам, утверждающим, будто тенденция к повышению цен на нефть носит необратимый характер, нет

ни одного рыночного механизма, способного поддерживать цены на каком-либо конкретном уровне. Политическая напряженность, психологические факторы, неполные данные, ошибочный анализ, изменчивые модели спроса и производства, даже капризы погоды и другие природные явления определяют цену барреля нефти в любой данный момент. На нефтяном рынке действуют слишком много акторов, имеющих слишком много противоположных интересов, чтобы цены могли быть когда-либо защищены от колебаний.

В соответствии с общепринятой экономической теорией мировая цена на нефть должна определяться ценой самого дорогого, так называемого предельного барреля, то есть последнего барреля, необходимого для удовлетворения рыночного спроса. Сегодня цена предельного барреля колеблется между 30 и 32 долларами, что включает в себя стоимость добычи и продажи сырой нефти из битуминозных песков Канады плюс размер прибыли для производителей. (Стоимость добычи одного барреля в странах Персидского залива – менее 4 долларов.) Если бы мировая цена на нефть упала намного ниже уровня предельного барреля, производители лишились бы стимула делать необходимые инвестиции и вновь возник бы риск нехватки нефти в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Но если цены поднимутся намного выше этого уровня на слишком длительный период, спрос упадет, обусловив временное перепроизводство нефти, которое остановит нынешнюю волну новых инвестиций. Такая ситуация являлась бы наихудшим сценарием, поскольку возвратила бы нефтяную отрасль к психологическому настрою последних 20 лет – неприятию риска.

В ближайшей перспективе цена на нефть вряд ли существенно снизится и может даже возрасть, особенно в случае, если те или иные политические события вызовут спад производства. Но чем дольше продлится нынешний период инвестиций, тем выше вероятность существенного уменьшения цены сырой нефти. Другими словами, ничто не говорит о том, что первый скачок цены на нефть в XXI веке – исключение из модели чередования бумов и спадов, которая была характерна для нефтяного рынка с момента его зарождения. Хочется надеяться, что любое изменение цены будет не настолько значительным, чтобы стеснить нынешний поток инвестиций, или что оно произойдет только после того, как основная часть новых предприятий по производству и переработке нефти войдут в строй. Правда, когда речь идет о нефти, желаемое нередко выдается за действительное.

Снизить зависимость США от ближневосточной нефти

Ариэль Коэн

В докладе «О положении страны» в 2006 году президент Джордж Буш-младший говорил о серьезной проблеме, с которой столкнулись Соединенные Штаты: они оказались в нефтяной зависимости, причем «нефть зачастую импортируется из нестабильных регионов мира». США — крупнейший в мире потребитель нефти, ежедневно импортирующий до 10 млн баррелей (58 % мирового оборота), и эта зависимость растет. По прогнозам правительства, к 2025 году страна будет ввозить 68 % всей потребляемой нефти. Меры, предложенные в законопроекте об энергетике 2005-го, способны в лучшем случае лишь слегка замедлить рост импорта. Так, если будет разрешено бурение скважин в Национальном арктическом заповеднике на Аляске, США смогут дополнительно получать порядка 1 млн баррелей в сутки, с трудом покрывая лишь 5 % от растущего объема потребления (сейчас — 20,7 млн бар./сут). В своей речи Буш ничего не сказал о больших возможностях для укрепления энергетической безопасности, которые открываются перед Соединенными Штатами в случае развития сотрудничества с Россией. Обе страны могут только выиграть от такого гео-экономического симбиоза. К сожалению, на сегодняшний день длинный список претензий с обеих сторон только тормозит экономические связи, а в результате Вашингтон предпочитает двигаться в кардинально ином направлении — по пути развития ненефтяных видов топлива.

Ариэль Коэн — ведущий научный сотрудник, специалист по России и Евразии и по вопросам энергетической безопасности в Центре международных исследований им. Дугласа и Сары Эллисон Института международных исследований им. Кэтрин и Шелби Каллом Дэвис при фонде «Наследие» (*Heritage*).

Учитывая уровень потребления нефти в мире, который, по прогнозам, должен еще вырасти в Китае и Индии (примерно на 100–150 % в ближайшие два десятилетия), давление спроса будет и впредь вести к повышению цен. Поставки традиционной парафиновой малосернистой нефти, скорее всего, станут сокращаться, что откроет возможности для увеличения рыночной доли высокосернистой или тяжелой нефти, а также нефти, добываемой из нефтеносного песка, и альтернативных видов топлива.

НЕФТЯНОЕ ОРУЖИЕ

Две трети мировых запасов нефти сконцентрированы на все более беспокойном Ближнем Востоке и контролируются квазимонополистической Организацией стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Потребители несут дополнительные расходы, оплачивая из своего кармана безопасность, экономическую неэффективность и монополистическое поведение поставщиков. Из примерно 57 млн бар./сут (87 % мировой добычи), приходящихся на долю 20 крупнейших поставщиков, около 24 млн бар./сут производят страны – члены ОПЕК (43 % мировой добычи с учетом новых членов – Анголы и Судана).

Сегодня нефтяной рынок работает в условиях отсутствия таких защитных мер, как дополнительные добывающие мощности либо значительные стратегические запасы нефти (за исключением США). Недавняя попытка «Аль-Каиды» вывести из строя промысел *Aramco* в Абкайке (Саудовская Аравия) поколебала все мировые финансовые рынки. 23 февраля 2006 года цены на нефть подскочили почти на два доллара.

Терроризм, направленный против энергетической инфраструктуры, становится скорее правилом, чем исключением. Стоит вспомнить, что в октябре 2002-го у побережья Йемена лодка-камикадзе, груженная взрывчаткой, атаковала французский танкер *Limbourg*. В том же году американская и саудовская разведки раскрыли заговор сторонников «Аль-Каиды» внутри компании *Saudi Aramco*, направленный на уничтожение ключевых нефтедобывающих мощностей. В 2004 году в городе Янбу от рук террористов погибло несколько западных специалистов, работавших в Саудовской Аравии.

Покойный Ясир Арафат еще в 1990-м говорил: «Когда иссякнут нефтяные месторождения в самой Америке, а потребление нефти увеличится, значимость арабов для американцев будет возрастать».

Лидеров «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена и Аймана аз-Завахири уже не устраивает такое малоэффективное, на их взгляд, оружие, как угрозы и проведение нефтяных бойкотов, а также покупка политического влияния на Западе. Вместо этого они нацеливаются для начала на дестабилизацию мировой нефтяной промышленности, включая все элементы производственного цикла, от добычи до потребления, а в перспективе — на полный контроль над богатыми нефтью странами Персидского залива.

ИРАН, ИРАК, САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Устранение режима Саддама, освободившее Ирак от международных санкций, могло стать позитивным фактором энергетической безопасности. Однако на сегодняшний день Ирак производит 1,3 млн бар./сут, что на 800 тыс. бар./сут меньше, чем до начала операции «Свобода Ирака» в 2003 году. По данным иракского Министерства нефти, теракты, направленные на подрыв отрасли, привели в 2005-м к потерям в размере 6,25 млрд долларов. Экспорт также затруднен вследствие подрыва нефтепроводов — саудовско-иракского на юге страны и сирийского на западе. Ныне Багдаду приходится полагаться практически на два из остающихся нефтепроводов — контролируемый курдами Киркук — Джейхан на северо-западе, а другой в районе Басры.

Что касается Ирана, то, несмотря на беспрестанные попытки его президента Махмуда Ахмадинежада снискать себе лавры самого иррационального лидера самого «безумного государства», многие аналитики пока до конца не осознают, что ожидает мир, если Тегерану удастся разработать собственный цикл производства ядерного топлива как часть программы по созданию ядерного оружия. Это не оставит США и их союзникам особого выбора: они окажутся перед той же альтернативой, что и президент Джон Кеннеди, которому 40 лет назад пришлось пережить карибский ракетный кризис.

С одной стороны, Соединенные Штаты и их союзники готовы пойти по пути военного решения проблемы, справедливо полагая, что ядерный Иран, да еще спонсирующий такие террористические организации, как «Хезболла», ХАМАС и палестинский «Исламский джихад», несет слишком большую угрозу миру. Однако удары по иранским ядерным объектам, скорее всего, сопряжены со значительными, если не катастрофическими последствиями для мировой экономики и рынка энергоносителей.

Неопределенность относительно способности Ирана сохранить после этого производство нефти на текущем уровне 4,05 млн бар./сут спровоцирует рост цен на нефть до 80 дол. за баррель и выше. Если же в ответ Тегеран решит закрыть Ормузский пролив, установив там минное заграждение, это приведет к временной потере более 15 млн баррелей нефти. Резкий рост цен перекроет рекорд 1970-х годов.

С другой стороны, вступление Ирана в ядерное сообщество позволит ему осуществлять вмешательство на всем Ближнем Востоке, особенно в страны, располагающие крупнейшими нефтяными месторождениями (см. таблицу). Под «ядерным зонтиком» многочисленная иранская армия, обильно снабжаемая Россией и Китаем, способна занять доминирующее положение в районе Персидского залива.

В настоящее время часть шиитов Ирака, особенно «Армия Махди» Муктады ас-Садра, а также плотнонаселенная шиитами Восточная провинция Саудовской Аравии симпатизирует Ирану. Это в значительной степени расчищает путь для захвата ряда крупнейших нефтяных месторождений. При наиболее неблагоприятном повороте событий Тегеран способен угрожать также Объединенным Арабским Эмиратам вместе с Кувейтом. В таком случае новый ядерный щит Исламской Республики Иран поможет ей быстро взять под контроль существенную часть глобальных запасов нефти. Тем самым воинственное государство шиитов-мусульман, обладающее ядерным оружием, превратится практически в монополиста на мировом рынке энергоносителей. Последствия для России очевидны. Иран уже вмешивался в конфликты на территории СНГ: во время гражданской войны в Таджикистане в начале 1990-х годов он поддерживал исламистов. Влияние Тегерана растет среди радикальных шиитов в Азербайджане. А поддержка Ираном «братьев-мусульман» в Египте и исламской партии в Марокко также не в интересах России. Получив атомную бомбу, Тегеран будет еще меньше оглядываться на интересы России на Кавказе и в Центральной Азии.

Саудовская Аравия — не только крупнейший экспортер нефти, но и обладатель самой большой доли неиспользуемых ресурсов ее добычи. Если ситуация в этом королевстве останется стабильной, а производство нефти даже увеличится, то у остального мира будет примерно двадцать лет на переход к новым видам топлива — скорее всего, к комбинации углеводородов и неуглеводородов. Однако со-

Крупнейшие в мире нефтяные месторождения

Местонахождение	Объем запасов, млрд бар.
1. Гавар (Саудовская Аравия)*	75–83
2. Большой Бурган (Кувейт)*	66–72
3. Боливар Прибрежный (Венесуэла)	30–32
4. Сафания-Хафджи (Саудовская Аравия/Нейтральная зона)*	30
5. Румайла (Ирак)*	20
6. Тенгиз (Казахстан)	15–26
7. Ахваз (Иран)*	17
8. Киркук (Ирак)*	16
9. Марун (Иран)*	16
10. Гечсаран (Иран)*	15
11. Ага-Джари (Иран)*	14
12. Сомотлор (Западная Сибирь, Россия)	14–16
13. Прудо-Бей (Аляска, США)	13
14. Абкайк (Саудовская Аравия)*	12
15. Ромашкино (Волго-Уральский бассейн, Россия)	12–14
16. Чиконтепек (Мексика)	12
17. Берри (Саудовская Аравия)*	12
18. Закум (Абу-Даби, ОАЭ)*	12
19. Манифа (Саудовская Аравия)*	11
20. Фарузан-Марджан (Саудовская Аравия/Иран)*	10
21. Марлин, Кампус (Бразилия)	10–14

* Ближний Восток и Персидский залив. Источник: *EIA*

четание факторов безопасности и экономической политики делает «мягкое приземление» менее вероятным, чем взлет дефицита энергоносителей, сопровождаемый кризисами международной безопасности и экономики. Удавшийся теракт против нефтяной инфраструктуры Саудовской Аравии способен сократить поставки из этой страны и нейтрализовать резервные добывающие мощности объемом 1,5–2 млн бар./сут, что в свою очередь дестабилизирует мировые нефтяные рынки. Как пишет журнал *Newsweek*, в случае успеха теракта в Абкайке, объем добычи нефти в Саудовской Аравии сократился бы более чем на 4 млн баррелей, и это положение сохранялось бы не менее двух месяцев.

Эр-Рияд в последнее время балансирует между снабжением США нефтью и финансированием радикальных исламистов, что всегда было чревато огромным риском. Теракт в Абкайке недвусмысленно продемонстрировал, что в вялотекущей войне джихадистов против саудовской монархии наступил новый этап. Самой же пугающей представляется перспектива прямого захвата власти в стране джихадистами. При таком сценарии радикальные исламисты, полные решимости свергнуть режим ас-Сауда, медленно копят силы до той поры, пока не начнет складываться революционная ситуация. Спровоцировать таковую могут борьба за наследование трона, политическое убийство или какой-либо иной случайный повод.

Свержение режима революционным путем и смута окажут глубокое воздействие на нефтедобычу, создадут непосредственную угрозу для западных специалистов и рабочих. Усама бен Ладен выражал уверенность в том, что стоимость нефти возрастет до 145–200 дол. за баррель. Радикальные ваххабиты, если им удастся захватить власть в Саудовской Аравии, скорее всего резко сократят производство. Антизападная политика такого режима, включая работу над созданием ядерного оружия, способна навлечь на страну экономические санкции, которые выразятся, по всей вероятности, в сокращении инвестиций и приостановке поставок запасных частей для нефтепромышленности либо же закончатся полным торговым бойкотом. А в случае угрозы мировой экономике, нельзя исключать и военное вмешательство для устранения от власти режима, аналогичного Аль-Каиде.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС ДЛЯ РОССИИ И ЕВРАЗИИ?
Россия упускает шанс стратегически интегрировать свой ТЭК в мировую энергетическую экономику, установив прочное взаимодействие с США, Европейским союзом и Японией на основании критериев цивилизованного бизнеса. Таковыми являются прозрачность, предсказуемость, надежность партнерских отношений, уважение законов и прав собственников при современном уровне развития законодательства о недрах и независимого суда, в том числе и арбитражного.

Если бы Россия вела себя как надежный партнер, она была бы более привлекательна, чем Ближний Восток с его низкими издержками добычи, но высоким политическим риском. Если же Москва не изменит свою политику в области допуска иностранцев к энер-

горесурсам, она будет обречена плестись в хвосте ОПЕК. Ведь сложные географические условия новых месторождений (северное или морское расположение), а также неблагоприятный инвестиционный климат, будут отпугивать западные компании. Саудовская Аравия сохранит свою позицию как *market maker*, страна, устанавливающая и регулирующая цены на «черное золото» путем загрузки или консервирования добавочных мощностей. Таким образом, Саудовская Аравия — а не Россия — была и останется энергетической «сверхдержавой».

Россия могла бы изменить ситуацию, дав соответствующие сигналы: начать строительство нефтяной трубы на Мурманск, закончить конфликты вокруг ЮКОСа, оставить в покое западных инвесторов, участвующих в сахалинских проектах, отказаться от драконовских критериев определения «стратегических» месторождений, ратифицировать Энергетическую хартию.

Без этого многомиллиардный поток нефтедолларов, устремившийся на Ближний Восток, будет работать против России. Он не только разовьет там нефтеперерабатывающую промышленность, которая будет напрямую конкурировать с российской, но и окажется источником финансирования радикального ислама как в Центральной Азии и на Северном Кавказе, так и в Татарстане, Башкортостане и даже в мегаполисах Российской Федерации.

Экспансия мечетей, медресе и книгоиздательств радикального толка, как и рост экономического и геополитического влияния ближневосточной нефти в мире, вряд ли в интересах российской политической элиты любых убеждений — православных, западных или атеистических.

РАЗРАБОТКА ТРИЕДИНОЙ СТРАТЕГИИ

Соединенным Штатам и их союзникам необходимо придерживаться соответствующей стратегии. Во-первых, быть готовыми к непредвиденным обстоятельствам, дестабилизирующим режимы в странах, богатых нефтью. Во-вторых, оказывать дружественным государствам Персидского залива помощь в обеспечении безопасности их нефтяной инфраструктуры. В-третьих, диверсифицировать источники энергии и импорта нефти для США, особенно за счет привлечения России и Евразии, с тем, чтобы снизить зависимость от потенциально ненадежных поставщиков в районе Персидского залива.

С этой целью необходимо осуществить ряд мер:

- Нарастивать усилия по снижению уровня идеологических, террористических и военных угроз со стороны Ирана в тесном сотрудничестве с правительствами Ирака и других арабских стран Персидского залива, против которых направлены эти угрозы. Жизненно важное значение приобретает способность США совместно с указанными странами сдерживать, остановить, а если потребуется, свергнуть иранский режим.

- Расширить военные планы на случай непредвиденных обстоятельств и подготовить силы быстрого реагирования в сотрудничестве с союзниками в регионе, дабы защитить его нефтяную инфраструктуру от попыток захвата или уничтожения террористическими группировками типа «Аль-Каиды». Подразделения быстрого реагирования должны тесно взаимодействовать с вооруженными силами стран – участниц Совета сотрудничества государств Персидского залива.

Администрации следует приложить усилия к тому, чтобы создать атмосферу всеобщей поддержки американским разведывательным и правоохранительным структурам в странах Персидского залива, особенно в Саудовской Аравии. Есть необходимость в объединенном компьютерном оперативном центре, работающем в реальном времени. Его задача – интегрировать разведанные и оперативную деятельность, направленную на защиту нефтегазовой инфраструктуры региона. Следует пресечь попытки оказания финансовой поддержки «Аль-Каиде» и всем аналогичным организациям в мире с территории стран Персидского залива. Подразумеваются также меры по достижению прозрачности банковских операций, связанных с финансированием наиболее радикально настроенного духовенства и исламских учебных заведений (медресе), а также государственных СМИ, подстрекающих к терроризму.

- Диверсифицировать источники импортируемых США энергоносителей за пределами Персидского залива, увеличив ввоз нефти из Западной Африки и Евразии, природного газа из Канады и Мексики, а также импорт нефти и сжиженного природного газа (СПГ) из России, Евразии и Африки. Государственный департамент и Министерство энергетики призваны создать условия для упрощенной и ускоренной процедуры регулирования спроса и лицензирования, чтобы расширить существующую структуру нефтепроводов и нефтеперерабатывающих предприятий, а также предоставить экономиче-

скую и техническую помощь для освоения новых мощностей в нефтедобывающих странах за пределами Ближнего Востока.

- Белый дом и Министерство энергетики должны активно лоббировать расширение внутренней добычи нефти и газа — например, в Национальном арктическом заповеднике. Добиваться разрешения для штатов не принимать во внимание федеральные ограничения на разведку и эксплуатацию месторождений в континентальном шельфе. В их силах также ускорить процесс лицензирования и строительства терминалов для СПГ.

- Стимулировать расширение производства метила и экспорта этилового спирта из сахарного тростника; всячески поощрять исследования и разработку на базе рынка альтернативных и усовершенствованных технологий. Это позволит удовлетворить будущие потребности в энергии, избежав попадания в зависимость от иностранной нефти. Совместно с Министерством торговли Конгресс обязан отменить импортные тарифы на ввоз зарубежного этилового спирта из сахарного тростника.

- Увеличить стратегический запас нефти и создать стратегический запас бензина США. Министерству энергетики необходимо в сотрудничестве с Европейским союзом, Китаем, Индией и Японией стимулировать страны — импортеры нефти к тому, чтобы они расширили свои стратегические запасы до объемов, достаточных по крайней мере на полгода.

Наш журнал в Центральной Европе:
«РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ»
вышла на польском и чешском языках

ROSJA
w
**GLOBALNEJ
POLITYCE**
2009 • 2009

60. ROCZNICA ZWYCIĘSTWA
SIERGIEJ LAWROW, MAKSYM SOKOŁOW,
WALENTIN FAŁIN I WIKTOR LITOWKIN
o skutkach wojny

EP
Partyzantka

PO „POMARAN
Rosjacy dojeżdżają do

MEZ

KTU
WALERIJ ZOŁ

RUSKO
v
**GLOBÁLNÍ
POLITICE**
2008 • 2008

SVĚTOVÉ USPOŘÁDÁNÍ
SIERGIEJ LAWROW, WALERIJ ZOŁEWIN,
SEROGI KARAGANOV A ALEXEJ ARBATOV

•
VÁLKA CIVILIZACÍ?
VLADIMÍR INCEZENCYČ, JEVGENIJ SEMENOV
A VLADIMÍR SAŽIN

•
ANATOLI ANANISIN
Závěrečný protokol: opomná padá?

•
VLADIMÍR MAU
Přestavba optikou dvou minulých desetiletí

•
RUSKÁ EKONOMIKA: MEZI ENERGETICKOU
MOCÍ A „HOLANDSKOU NEMOCÍ“

VE SPOLUPRÁCI S

 НОВОСТИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента — председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ
- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии и экологии человека ИНХП РАН
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих <i>ИТА</i> , член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал			<input type="text"/> индекс издания														
Россия в глобальной политике																	
(наименование издания)												Количество комплектов					
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда <input type="text"/>																	
Почтовый индекс												(адрес)					
Кому <input type="text"/>																	
(фамилия, инициалы)																	
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА																	
ПВ	место	литер	на газету журнал												<input type="text"/> индекс издания		
Россия в глобальной политике																	
(наименование издания)												Количество комплектов					
Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. _____ руб. _____ коп.																	
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда <input type="text"/>																	
Почтовый индекс												(адрес)					
Кому <input type="text"/>																	
(фамилия, инициалы)																	

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (095) 681-9137, 681-9763
Факс: (095) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)